
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕГ9
Г629
ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

К. ГОЛОВИНЪ.

МУЖИКЪ БЕЗЪ ПРОГРЕССА

или

ПРОГРЕССЪ БЕЗЪ МУЖИКА.

(КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ МАТЕРІАЛИЗМѢ).

....Вы скажете: станемъ къ варягамъ спиной,
Лицомъ повернемся къ Обдорамъ!
(«Змѣй Тугаринъ».
Ал. Толстого).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ „КНИГОПРОДАВЧЕСКОЙ СКЛАДЧИНЫ".
1896.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ то время, когда писались эти страницы,—то-есть прошлымъ лѣтомъ, — вопросъ, о которомъ идетъ въ нихъ рѣчь, былъ чисто академическимъ. Споръ между сторонниками западной культуры и восточной некультурности ждалъ своего рѣшенія только въ печати. Теперь уже не то. Вопросъ о будущемъ русскаго хозяйства выплылъ на самую поверхность общественной жизни, сталъ предметомъ самой оживленной и, къ тому же, самой реальной борьбы. Фантастическая доктрина о попятномъ прогрессѣ, недавно еще проповѣдуемая одними народниками, теперь не только провозглашается умѣренными органами печати, но проникаетъ въ тайники канцелярій и тамъ выдается за спасительный рецептъ для русскаго земледѣльческаго производства.

Въ виду этого, всѣмъ людямъ, которымъ дорога будущность родины, нельзя уже сохранять нейтралитетъ между двумя направленіями, съ которыми они одинаково расходятся, но изъ которыхъ одно, по крайней мѣрѣ, не поворачивается спиной къ европейской культурѣ.

Всѣмъ, кому не представляется иного пути къ дальнѣйшему развитію нашего отечества, кромѣ этой культуры, надо встать подъ одно общее знамя и сомкнуться противъ общаго врага—противъ защитниковъ умственнаго и экономическаго одичанія.

К. Головинъ.

14 Декабря 1895 г.

Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика?

Къ вопросу объ экономическомъ матеріализмѣ.

I.

Въ лагерѣ нашихъ передовыхъ экономистовъ обнаружился расколъ и начались междоусобія. Долго и упорно проповѣдуемое ученіе, необыкновенно простое и, казалось, стройное, дало замѣтную трещину, — и какъ разъ на самомъ видномъ мѣстѣ—въ вопросѣ о мужикѣ.

Охотники до пѣтушьихъ боевъ и до крупной перебранки, если они за послѣдній годъ зачитывались нашими толстыми журналами, могутъ быть вполнѣ довольны. Начиная отъ «Русскаго богатства» до «Вѣстника Европы» включительно, рѣдкая книжка этихъ журналовъ обходилась безъ воинственнаго гарцованія и негодующихъ кликовъ, и всѣ эти громы предназначались вовсе не для такъ называемыхъ консерваторовъ, а шли по адресу недавнихъ единомышленниковъ. И не смотря на

шутовской тонъ завязавшейся полемики, затронутые вопросы далеко не шутовскаго свойства и заслуживаютъ вниманія посторонняго безпристрастнаго наблюдателя.

Выше уже замѣчено, что до послѣдняго времени въ экономическихъ взглядахъ нашего передового лагеря господствовало трогательное единодушіе. Мужикъ, какъ представитель нашего рабочаго класса, былъ предметомъ неизмѣнной симпатіи, и мужицкое хозяйство, которому, въ противоположность частному, присвоивалось названіе народнаго, признавалось единственно нормальнымъ, исключительно заслуживающимъ вниманія и помощи со стороны государства. На ряду съ нимъ, частное землевладѣніе признавалось только, какъ нѣчто терпимое, какъ промахъ русской исторіи, который не замедлитъ, конечно, исчезнуть подъ двойнымъ воздѣйствіемъ хлѣбнаго кризиса и здравыхъ экономическихъ воззрѣній. Когда правительство являлось на помощь личному землевладѣнію, раздавались сѣтованія по поводу такихъ печальныхъ ошибокъ правящихъ сферъ, среди которыхъ не успѣло еще окрѣпнуть убѣжденіе, что единственный законный владѣлецъ земли тотъ, кто ее воздѣлываетъ самъ, и что въ Россіи одинъ мужикъ, и притомъ мужикъ общинникъ, имѣетъ экономическую будущность. Все это приправлялось разсужденіями о тлетворномъ вліяніи капитализма, призракъ котораго будто бы показывается уже и надъ русскимъ горизонтомъ, и все ученіе затѣмъ освѣща-

лось великимъ авторитетомъ Карла Маркса. Тема эта разрабатывалась въ нашей литературѣ на всѣ лады и съ большою роскошью статистическихъ цифръ. Въ защиту ея вооружался и великій и малый, отъ руководящаго философа передовой школы г-на Михайловскаго, вплоть до философовъ вольнопрактикующихъ, какъ Гг. Южаковъ и В. В., мысль которыхъ обыкновенно, какъ сѣверное небо, подернута туманомъ. При этомъ, о настоящемъ, заправскомъ рабочемъ, то есть о рабочемъ на фабрикѣ или, хотя бы, въ ремесленномъ заведеніи, говорилось довольно мало. Благодаря своей относительной малочисленности, онъ не выступалъ передъ читателемъ конкретно, и отвлеченныя разглагольствованія объ экономической эволюціи и о гнетущей роли капитала на практикѣ сводились обыкновенно къ аграрному вопросу, то есть къ праву мужика на землю. Въ Россіи, какъ въ государствѣ земледѣльческомъ по преимуществу, рабочій вопросъ естественнымъ образомъ долженъ сводиться къ вопросу о поземельныхъ отношеніяхъ. Такъ думали, или, по крайней мѣрѣ, выражались всѣ, повидимому даже не подозрѣвая, какъ односторонне они разрабатываютъ идеи своего нѣмецкаго учителя. Одинъ только изслѣдователь, г-нъ Николай.— онъ, котораго у насъ величаютъ основателемъ «русскаго марксизма» представляетъ собою нѣкоторое исключеніе. Своей мишенью онъ избралъ не помѣщика, а фабриканта, и въ своей книгѣ «Очерки пореформеннаго хозяйства», первая часть которой

напечатана уже въ половинѣ 80-хъ годовъ, провозглашаетъ, что изобличенная Марксомъ эра капитализма настала уже и въ Россіи и что за послѣднія тридцать лѣтъ вся экономическая политика клонилась къ обездоленію земледѣльца въ пользу крупнаго фабриканта, другими словами, что у насъ теперь идетъ та самая подготовительная работа, которая, по словамъ Маркса, въ Англіи предшествовала капитализаціи производства и разъединенію между рабочимъ и орудіями труда. Но этотъ одинокій голосъ все-таки могъ войти въ общій хоръ, не нарушая его стройности.

А между тѣмъ, какъ разъ тутъ и обнаружился неожиданный расколъ.

Когда наши передовые экономисты носились съ мечтою о поголовномъ надѣленіи землей и великорусскую общину представляли себѣ какъ прототипъ будущаго устройства, они, думая глядѣть впередъ, на самомъ дѣлѣ смотрѣли назадъ. То, въ чемъ мерещилось имъ осуществленіе коренной соціальной реформы, было лишь остаткомъ пережитаго строя. Провозвѣстники соціальной реформы будущаго большей частью не замѣчаютъ, что идеалы ихъ на половину только принадлежатъ къ области красивыхъ воздушныхъ замковъ, между тѣмъ какъ другая ихъ половина позаимствована изъ воспоминаній о золотомъ вѣкѣ, дѣйствительномъ или мнимомъ.

У любого изъ нихъ, даже у Карла Маркса [1]),

[1]) Marx. das Kapital (zweite Aufl) Bd. I. s. 769—83.

можно отыскать сожалѣнія о томъ прошедшемъ времени, когда рабочій производилъ только на себя, и всѣ потребляли лишь собственныя произведенія—бокъ о бокъ съ широкими надеждами на будущій разцвѣтъ общаго благополучія, когда земля и капиталъ будутъ принадлежать цѣлому народу, или, что тоже,—никому въ особенности. И господа эти какъ будто и не примѣчаютъ, что за непримиримое противорѣчіе между этими міровоззрѣніями,—между соціальнымъ устройствомъ дикихъ обитателей острововъ Тихаго океана и всеобщею каторжною тюрьмой, какою будетъ идеальное государство будущаго. Не мудрено, что не догадались объ этомъ противорѣчіи и наши народники, большою прозорливостью не отличающіеся.

Но скрытое недоразумѣніе въ области мысли всегда рано или поздно выходитъ наружу. Много лѣтъ насъ увѣряли единодушно, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ—весь залогъ будущаго процвѣтанія Россіи, хотя само оно не только не процвѣтаетъ, но раззоряется, благодаря малоземелью и непосильному гнету налоговъ, съ хищничествомъ кулаковъ въ придачу. Нѣкоторые изслѣдователи прибавляли къ этому перечню золъ еще экономическую политику государства, искусственно развивающую крупное фабричное производство на счетъ мелкаго кустарнаго — производство для вывоза, а не для мѣстнаго потребленія. Устраните все это, и медовыя рѣки потекутъ опять, какъ текли онѣ нѣкогда—вѣроятно, при Василіи Темномъ. Русская

землелька вся подчинится благодѣтельному общинному строю и, на вѣкъ закабаленная трехполью, не будетъ знать другихъ орудій, кромѣ сохи ковырялки и деревянной бороны, уже знакомыхъ ей и до призванія Варяговъ. Русскій мужичокъ будетъ ѣсть кашу съ собственной нивы, одѣваться въ тулупы съ собственныхъ овецъ и въ посконныя рубахи, сотканныя дома. Словомъ, водворится навѣкъ царство благополучія, равенства и—добавлю отъ себя—нищеты и застоя.

Но на этой идеализаціи застоя и были пойманы гг. народники. Нашлись люди, тоже очень передовые, которымъ это увѣковѣченіе допотопной старины не пришлось по вкусу. Они задались вопросомъ, не обусловливается ли всероссійская бѣдность какъ разъ тѣмъ, что народное производство недостаточно быстро примѣняется къ новымъ условіямъ всемірнаго обмѣна. И одно за другимъ появилось нѣсколько изслѣдованій, приходившихъ къ выводамъ, діаметрально противоположнымъ излюбленному рецепту господъ народниковъ. Въ началѣ 1894 г. вышла книжка проф. Скворцова «О причинахъ голодовокъ въ Россіи» — объяснявшая неспособность крестьянскаго хозяйства встрѣтить и вынести неурожай — устарѣлою культурой и вызванною ею непродиктивностью крестьянскаго труда, а эту культуру, въ свою очередь, приводившая въ связь съ общиннымъ землепользованіемъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, молодой изслѣдователь, г-нъ Струве, вооружившись большою на-

читанностью и многочисленными цитатами, перешелъ уже прямо въ наступленіе противъ народническихъ взглядовъ и не безъ отваги всю теорію народковъ объявилъ близорукимъ восхваленіемъ отжившей старины и непониманіемъ того непреложнаго закона, что формы производства должны преобразовываться соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ. Свой трудъ г-нъ Струве выпустилъ въ свѣтъ подъ флагомъ экономическаго матеріализма и, приглашая насъ итти на выучку къ капитализму, прикрылъ себя авторитетомъ Маркса, который такъ злобно обвиняетъ капитализмъ въ грандіозномъ ограбленіи рабочаго. И, не смотря на дерзкое непризнаніе г-мъ Струве завѣтнаго кумира нашихъ передовыхъ экономистовъ,—столь дорогой имъ общины—книга его имѣла несомнѣнный успѣхъ. Другой изслѣдователь, никому до того невѣдомый г-нъ Бельтовъ, пошелъ въ своей дерзости еще далѣе, обозвавъ народниковъ цѣлою кучею не всегда отборныхъ, но всегда нелестныхъ эпитетовъ. Предаваться иллюзіи—учитъ насъ г-нъ Бельтовъ, что Россія могла бы миновать капиталистическій строй, перейдя непосредственно отъ первобытнаго народнаго хозяйства къ высшей формѣ—къ національзаціи земли и капитала—это значитъ не замѣчать очевиднаго факта—полнаго крушенія этого первобытнаго хозяйства и побѣднаго шествія капитализма. Тому, что неизбѣжно—противиться безсмысленно; слѣдуетъ позаботиться лишь о томъ, чтобы переворотъ совершился возможно менѣе болѣзненно. Наконецъ,

вслѣдъ за г-мъ Бельтовымъ, уже заправскій ученый, проф. Янжулъ въ своей книгѣ о синдикатахъ ставитъ Россіи въ образецъ американскія формы производства, то есть какъ разъ самыя капиталистическія въ цѣломъ мірѣ. Народники, разумѣется, не остались въ долгу. Ихъ обвинили въ отсталости и даже приравняли къ тѣмъ экономистамъ—романтикамъ, которые въ Германіи взываютъ къ прелестямъ средневѣковаго устройства и сожалѣютъ объ исчезновеніи феодальной власти и цеховъ. Своихъ негаданныхъ обличителей народники, въ свою очередь, прозвали «буржуазными экономистами», а это, какъ извѣстно, на языкѣ нашей передовой школы, равносильно бранному слову. Народникамъ, безраздѣльно царящимъ въ нашихъ толстыхъ журналахъ открылось тѣмъ болѣе широкое поле для печатной болтовни, что ихъ противникамъ эти журналы недоступны. Получилось такимъ образомъ комическое зрѣлище цѣлой фаланги публицистовъ, воюющихъ какъ бы съ вѣтренными мельницами и сыплющихъ нескончаемымъ рядомъ обвинительныхъ статей противъ горсти противниковъ, вынужденныхъ къ молчанію. Судя по разгнѣванному тону этихъ растерянныхъ бранныхъ рѣчей, слѣдуетъ думать, что г-да народники перепугались не на шутку, опасаясь лишиться прежняго обаянія.

Но всего забавнѣе то, что обѣ стороны съ одинаковымъ рвеніемъ защищаются именемъ Маркса, обличая другъ друга въ непониманіи его ученія. Обѣ стороны, повидимому, глубоко убѣждены, что

мнѣніе нѣмецкаго публициста въ глазахъ всей читающей Россіи — ultima ratio, и что, обезпечивъ себѣ его поддержку, можно безнаказанно говорить вздоръ. Пускаясь въ походъ, и народники и ихъ враги сперва какъ будто совершаютъ обрядъ моленія передъ домашнимъ идоломъ Маркса, и затѣмъ уже, вымоливъ себѣ его благословеніе, храбро идутъ на бой. Нельзя отрицать, что обѣ стороны напоминаютъ враждебныя религіозныя секты, во имя той же вѣры предающія другъ друга проклятію. Но когда полемика сводится къ призванію спорящими одного и того же авторитета, есть основанія думать, что въ спорѣ кроется недоразумѣніе. Къ раскрытію этого недоразумѣнія я и приступлю.

II.

Основное положеніе народничества, проходящее красною нитью черезъ всю его литературу, сводится къ тому, что продуктъ труда долженъ во всей цѣлости принадлежать рабочему... Что, стало быть, лишь такое соціальное устройство раціонально и законно, при которомъ никто своей работы не уступаетъ другому за опредѣленную плату. Это отрицаніе заработка, иногда высказанное прямо, иногда проглядывающее лишь между строкъ, составляетъ главную суть ученія нашихъ передовыхъ экономистовъ и приближаетъ ихъ къ нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ. Нѣкогда—утверждаютъ они—всѣ народы прошли черезъ этотъ экономическій строй, и лишь путемъ обезземеленія извѣстной части на-

селенія сдѣлалось возможнымъ производство съ помощью наемныхъ рабочихъ, то есть производство капиталистическое, какъ земледѣльческое, такъ и промышленное. Такимъ образомъ возникновеніе крупной личной собственности было необходимымъ условіемъ для созданія пролетаріата. На этомъ пути Западъ, съ Америкой включительно, ушелъ несравненно дальше Россіи, и намъ слѣдуетъ ревниво оберегать, какъ дорогую національную особенность, неприкосновенность крестьянскаго общиннаго землевладѣнія. Если у насъ община устояла въ такое время, когда въ Европѣ она давно исчезла безслѣдно, мы должны это приписать особому духу русскаго народа, въ которомъ общинные—«альтруистическіе» инстинкты развивались особенно сильно. Такимъ образомъ, общинное землепользованіе—не только опредѣленная стадія экономическаго развитія, но и спеціальный продуктъ великорусской вѣтви славянскаго племени.

Ученіе это, какъ видитъ читатель, не чуждо нѣкотораго мистическаго сентиментализма: если одною стороной оно примыкаетъ къ нѣмецкой соціалъ-демократіи, то другой оно сродни славянофильству. Въ этомъ его отличительная черта, всего болѣе обезпечившая ему популярность. Само собою разумѣется, что какъ скоро начало земельнаго уравненія, господствующее на большей части русской территоріи,—не результатъ фискальныхъ мѣръ и не простой остатокъ первобытнаго строя, а экономическая особенность русскаго быта, — оно можетъ

расчитывать на долговѣчность. Если затѣмъ признается, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ все производство въ совокупности должно сдѣлаться народнымъ, и артель, какъ высшая форма труда, призвана замѣнить самостоятельное веденіе хозяйства, то было бы вполнѣ безразсуднымъ жертвовать такою формою земельнаго устройства, какъ сельскій міръ, въ которомъ будущая организація содержится уже какъ бы въ ячейкѣ.

Нельзя этому ученію отказать въ стройности Оно патріотично, такъ какъ восхваляетъ творчество народнаго духа. Гуманно, такъ какъ стремится къ достиженію полной равноправности. И въ то же время консервативно, такъ какъ держится на почвѣ существующаго порядка. Чего же, казалось бы, лучше? Къ сожалѣнію, въ немъ есть двѣ слабыя стороны. Во-первыхъ, оно склонно отъ побѣднаго тона переходить къ жалобному, и то и дѣло оплакиваетъ упадокъ того самаго крестьянскаго хозяйства, которому яко бы принадлежитъ будущее. Конечно, въ этомъ виноваты посороннія причины — тягость обложенія, земельная тѣснота, невниманіе къ крестьянскимъ нуждамъ со стороны правительства, хищничество кулаковъ, конкуренція фабрикъ, постройка желѣзныхъ дорогъ, убившихъ извозъ, распространеніе кредита и т. д. и т. д.

Какъ бы то ни было, постепенный ходъ развитія страны, повидимому, не идетъ въ пользу такъ называемому народному экономическому строю. Въ числѣ упомянутыхъ невзгодъ есть, правда, такія,

которыя можно приписать внѣшнему гнету. Но этого уже никакъ нельзя сказать о такихъ явленіяхъ, какъ распространеніе желѣзнодорожной сѣти и банковаго кредита.

И если эти признаки экономическаго роста оказываютъ губительное дѣйствіе на старинный укладъ народной жизни, это служитъ лишь доказательствомъ его несовмѣстимости съ естественнымъ ходомъ прогресса. Приверженцы нашей экономической старины готовы съ похвальною послѣдовательностью отказаться отъ прогресса, какъ скоро онъ нарушаетъ равновѣсіе народнаго быта, стойкое только благодаря своей неподвижности. Не трудно въ произведеніяхъ гг. народниковъ отыскать мѣста, гдѣ они оплакиваютъ постройку желѣзныхъ дорогъ, какъ пагубный даръ буржуазной цивилизаціи, сманившей мужицкій хлѣбъ изъ родныхъ гуменъ на всеміpный рынокъ. У Глѣба Успенскаго — главнаго представителя народничества въ беллетристикѣ,—есть любопытная тирада, приводимая, между прочимъ, г. Струве, — тирада, гдѣ сожалѣніе о погибающей старинѣ распространяется и на лучинушку, выгнанную изъ мужицкой избы пагубной конкурренціей керосина.

Дальше этого въ консерватизмѣ уже идти нельзя.

Другая слабая сторона ученія — его историческая часть. Если русское поземельное устройство намъ дорого именно какъ продуктъ родной старины, если прежнее народное благосостояніе въ настоящее время пошатнулось, то значитъ этого

благосостоянія надо искать въ прошломъ. Но въ какомъ же именно прошломъ? Во времена крѣпостнаго права и окружныхъ управленій? Тогда дѣйствительно не давали крестьянамъ нищать и заботились о пополненіи зерномъ сельскихъ магазиновъ, потому что помѣщику невыгодно было давать раззоряться своимъ крѣпостнымъ, а чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ отвѣчалъ предъ начальствомъ за податную исправность ввѣреннаго ему округа. Такое благосостояніе не многимъ отличается отъ положенія домашнихъ животныхъ, которымъ владѣлецъ вѣдь тоже не даетъ голодать. Едва ли, однако, самый ярый народникъ станетъ искать идеала народнаго благополучія въ бытѣ четвероногихъ обитателей конюшенъ и скотныхъ дворовъ. Неравенства между крестьянами, или, какъ любятъ у насъ выражаться, имущественной диффеpенціаціи, тоже было въ тѣ времена гораздо меньше, чѣмъ теперь. Опека, защищавшая мужика отъ раззоренія, не давала ему и обогащаться. Чтожъ? Такого имущественнаго равенства пожелать русскому народу, которая покупается цѣною отсутствія свободы труда и передвиженія? И въ настоящее время паспортная система и власть міра надъ своими членами ставить этой свободѣ достаточныя преграды. Но теперь все-таки исправному мужику куда какъ легче прежняго подняться надъ среднимъ уровнемъ; и, хотя самый этотъ уровень, быть можетъ, понизился, за то число возвысившихся надъ нимъ отдѣльныхъ домохозяевъ возрасло несомнѣнно.

Чтожъ, и это мы станемъ оплакивать? А, стало быть, оплакивать за одно и реформу 19 февраля? Впрочемъ, не одни наши народники, но и западные наши плакальщики о прошломъ благополучіи хорошенько не знаютъ, съ чѣмъ сравнивать теперешнее зло, гдѣ искать Эдема самостоятельнаго народнаго труда. Куда бы мы ни обращали взглядъ, мы въ прошломъ вездѣ находимъ крѣпостное право и патримоніальную власть. А еще дальше, во времена классической древности, находимъ рабство. Правда, свободное крестьянское землевладѣніе, der freie Bauernstand, встрѣчается во всѣ историческія эпохи, но только постоянно въ видѣ крестьянскаго меньшинства, болѣе или менѣе удачно отбивающагося отъ бароновъ и городовъ. Но это крестьянство существуетъ и теперь повсюду.

Стало быть, эпоха, предшествовавшая современной, не представляла на европейскомъ западѣ никакихъ преимуществъ въ своемъ поземельномъ устройствѣ, и продукты земли ничуть не принадлежали исключительно земледѣльцу, какъ любятъ это утверждать обличители такъ называемаго капитализма!

Не было, правда, у тогдашнихъ помѣщиковъ сельскихъ батраковъ, по той простой причинѣ, что въ батракахъ при крѣпостномъ правѣ никакой надобности не встрѣчалось. Но это вовсе еще не значитъ, что наемный трудъ не былъ извѣстенъ въ средневѣковой Европѣ, даже въ области земледѣльческаго производства. Тамъ, гдѣ

феодальный владѣлецъ взималъ со своихъ вассаловъ плату не работой, а деньгами, что было преобладающимъ явленіемъ въ цѣлой Франціи и въ западной Германіи, онъ былъ вынужденъ нанимать постороннихъ рабочихъ для той части своего имѣнія, на которой хозяйничалъ самъ. Тоже дѣлалъ фермеръ, занимавшій владѣльческую землю, какъ скоро объемъ его хозяйства превышалъ рабочую способность семьи. Наконецъ, и самостоятельные владѣльцы крупныхъ крестьянскихъ участковъ (Vollbauern) не могли обходиться безъ батраковъ. Такимъ образомъ, если примѣненіе народнаго труда къ земледѣлію и было ограниченнѣе, чѣмъ теперь, нельзя утверждать, будто оно не встрѣчалось вовсе.

Тоже надо сказать и о промышленномъ производствѣ, до текущаго вѣка имѣвшемъ преимущественно характеръ ремесленнаго. Крупныя фабрики были, правда, рѣдкостью даже во всѣхъ отрасляхъ ткацкаго производства. Большинство издѣлій обрабатывающей промышленности производилось дома, съ помощью ручныхъ станковъ. Но это опять-таки вовсе еще не значитъ, чтобы она обходилась тогда безъ наемныхъ рукъ. Въ нѣкоторыхъ особенно промышленныхъ центрахъ мануфактуры существовали уже въ 15-мъ вѣкѣ. Такими центрами были съ конца среднихъ вѣковъ Нидерланды, особенно южная ихъ часть, многіе итальянскіе города, въ особенности Венеція, даже нѣкоторыя мѣстности въ Испаніи, гдѣ въ 16-мъ вѣкѣ шерстяное и ору-

жейное производства имѣли чисто фабричный характеръ. Во-вторыхъ, работа на дому вовсе не исключаетъ возможности капиталистической организаціи труда, какъ скоро ремесленникъ отдаетъ свой продуктъ предпринимателю за извѣстную плату. Въ-третьихъ, наконецъ, даже въ томъ подавляющемъ большинствѣ ремесленныхъ производствъ, гдѣ хозяева работали исключительно на себя, прямо вступая въ сношенія съ закащикомъ, они очень рѣдко обходились безъ наемнаго труда. Правда, средневѣковыя подмастерья и ученики нанимались на совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ настоящее время. Опредѣляясь въ цехъ, они были гораздо обезпеченнѣе, но за то и гораздо менѣе свободны, чѣмъ современный рабочій. Они становились какъ бы членами семьи хозяина и садились съ нимъ за одинъ столъ Но какова бы ни была форма получаемаго ими вознагражденія, одно во всякомъ случаѣ несомнѣнно: и въ средніе вѣка продуктъ далеко не всегда и во всей цѣлости принадлежалъ рабочему.

Итакъ, ни въ области земледѣлія, ни въ обработывающей промышленности, эпоха, предшествующая нашей, качественно отъ нея не отличалась въ своемъ экономическомъ строѣ. Совершенная неправда, будто тогда на Западѣ и у насъ земля не только исключительно, но хотя бы въ очень значительномъ размѣрѣ принадлежала земледѣльцу, а промышленникъ, работая дома, сохранялъ за собой весь произведенный имъ товаръ. Неправда также,

будто земледѣліе и ремесленное производство въ то время обходились безъ наемныхъ рабочихъ. Съ точки зрѣнія развитія батрачества, средневѣковое производство отличается отъ нашего лишь болѣе ограниченнымъ распространеніемъ заработной платы. Въ земледѣліи это обусловливалось крѣпостнымъ правомъ, въ промышленности тѣсными рамками большинства производствъ, въ свою очередь зависящими отъ ограниченности сбыта.

Гдѣ же искать пресловутаго золотого вѣка? Или надо углубляться въ то далекое время, когда наши предки жили свободно, но дико, одѣвались въ звѣриныя шкуры и умыкали невѣстъ?

На самомъ дѣлѣ, идеальная эпоха, когда вся земля принадлежала народу и не было иного производства, кромѣ домашняго,—эта эпоха принадлежитъ къ области миѳовъ. Ни московская, ни удѣльная русь, ни западный феодализмъ, ни древній Римъ, ни даже германцы временъ Цезаря и Тацита не знали этого порядка. Въ той или другой формѣ, въ видѣ рабства, колоната или крѣпостной зависимости, земледѣлецъ долженъ былъ отдавать господину либо часть своего продукта, либо часть своего труда. «Народу», то есть, по просту всякому первому встрѣчному, земля принадлежала тогда лишь, когда она не принадлежала никому, то есть когда она составляла предметъ свободной заимки.

А что касается пресловутой обезпеченности народнаго благосостоянія, о ней свидѣтельствуютъ

многочисленныя голодовки, извѣстіями о которыхъ такъ богаты наши лѣтописи. Были эти голодовки, впрочемъ, не у насъ однихъ. На Западѣ онѣ исчезли лишь съ 20-хъ годовъ текущаго вѣка, какъ разъ благодаря большей легкости обмѣна. У насъ, какъ доказалъ это 1891 годъ, онѣ возможны и понынѣ.

Но вѣдь и намъ въ ту злополучную годину столь проклинаемыя желѣзныя дороги оказали не малую услугу, позволивъ хотя нѣсколько облегчить народное бѣдствіе. Трудно себѣ и представить, какими послѣдствіями сказался бы недородъ 1891 года, если бы желѣзныхъ дорогъ у насъ не было, и Россія, стало быть, не вступила бы еще въ злополучную эру капитализма.

То, что на самомъ дѣлѣ оплакиваютъ гг. народники и что, по крайней мѣрѣ на всемъ пространствѣ Европы, миновало безвозвратно, это—экономическое явленіе, совершенно напрасно приравниваемое къ такъ называемому народному строю, именно—натуральное хозяйство. Насколько эти господа правы, сожалѣя объ его исчезновеніи, мы тотчасъ увидимъ. Натуральнымъ хозяйствомъ называется та форма организаціи производства, земледѣльческаго и промышленнаго, при которой хозяинъ, крупный или мелкій, большую часть своего продукта потребляетъ дома и свои расходы главнымъ образомъ оплачиваетъ натурой. То и другое обусловлено отдаленностью и ограниченностью рынка, что въ свою очередь главнымъ образомъ зависитъ отъ неудовлетворительности путей сообщенія.

Когда населеніе рѣдко и разобщено, оно встрѣчаетъ затрудненіе въ пріобрѣтеніи на сторонѣ нужныхъ ему товаровъ и вслѣдствіе этого вынуждено производить ихъ у себя дома. Результатъ такого устройства—большое разнообразіе въ производствѣ каждой мѣстности. Причемъ для земледѣлія это разнообразіе проявляется въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, не только производящемъ, но и перерабатывающемъ сырье, а для ремесленнаго производства—сказывается въ совмѣстномъ развитіи самыхъ различныхъ промысловъ въ одномъ и томъ же городѣ. Другими словами, въ той и другой сферѣ раздѣленіе труда развито очень мало. На обрабатывающей промышленности, однако, этотъ порядокъ отражается слабѣе, чѣмъ на земледѣліи, такъ какъ въ городѣ отдѣльныя ремесла все-таки распредѣляются по разнымъ хозяйствамъ, между тѣмъ какъ земледѣлецъ, по необходимости, въ тоже время и ремесленникъ и притомъ, конечно, очень плохой. Переработка большого количества сырья въ деревнѣ къ тому-же неизбѣжно сокращаетъ производство города и ведетъ къ ослабленію обмѣна между нимъ и деревней. Такимъ образомъ возникаетъ, если можно такъ выразиться, большая эклектичность производства, такъ какъ любая мѣстность вынуждена сама удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ.

Отсюда, опять-таки, два неизбѣжныхъ послѣдствія: во-первыхъ приходится зачастую производить то, что не соотвѣтствуетъ условіямъ почвы

и климата, а во-вторыхъ, такъ какъ, при всемъ желаніи, нельзя повсюду производить что угодно, населеніе вынуждено ограничивать свои потребности довольно тѣсными рамками. Не трудно убѣдиться, что при такихъ условіяхъ высокая степень экономическаго благосостоянія немыслима. Черезчуръ разнообразное производство, по необходимости, мало успѣшно, а населеніе съ ограниченными потребностями никогда богатствомъ не отличается. Но опять-таки все это гораздо болѣе относится къ деревнѣ, чѣмъ къ городу. Тамъ, гдѣ крестьянинъ вынужденъ быть и ремесленникомъ и вдобавокъ воздѣлывать растенія, мало отвѣчающія климату и почвѣ, горожане ограничиваются тѣмъ, что должны производить въ своемъ городѣ болѣе разнообразный товаръ, чѣмъ сдѣлали бы они это при иныхъ условіяхъ торговли. Каждый ремесленникъ все-таки спеціалистъ въ своемъ дѣлѣ и можетъ въ немъ достигнуть высокой степени совершенства. Вотъ почему въ концѣ концовъ городское населеніе западной Европы въ средніе вѣка было гораздо богаче сельскаго.

Отдаленность рынка и слабость обмѣна вызывала и вторую главную черту натуральнаго хозяйства. Вынужденный работать болѣе на себя, чѣмъ для продажи, или, по крайней мѣрѣ, ограниченный небольшимъ кругомъ заказчиковъ, средневѣковый хозяинъ производилъ вообще не много, то есть производилъ меньше, чѣмъ насколько хватало бы его рабочихъ силъ.

Затѣмъ, ограниченный въ сбытѣ своихъ продуктовъ, онъ получалъ за нихъ и деньги въ очень ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе чего и съ посторонними лицами былъ вынужденъ разсчитываться не деньгами, а товаромъ. Отсюда являлось сильное распространеніе мѣновой торговли, и уплата рабочимъ за ихъ трудъ сплошь и рядомъ производилась натурой. Не стоитъ повторять, что все это въ гораздо большей степени относится къ сельскому, чѣмъ къ городскому производству.

Вотъ каковъ основной характеръ натуральнаго хозяйства.

Само собою разумѣется, что все сказанное имѣетъ лишь относительное значеніе; что натуральное хозяйство не исключало производства товаровъ на продажу и что, стало быть, нѣтъ возможности провести рѣзкую грань между этимъ хозяйствомъ и современнымъ денежнымъ. Если мы сравнимъ теперешнее земледѣльческое и фабричное производства съ средневѣковымъ, различіе между тѣмъ и другимъ, конечно, представится намъ поразительнымъ. Но было бы, тѣмъ не менѣе, совершенно напраснымъ отыскивать тотъ моментъ, когда въ любой изъ европейскихъ странъ экономическій переломъ совершился, и натуральное хозяйство уступило мѣсто товарно-денежному. Были и въ то время страны, иcлючительно вывозившія сырье, и другія, являвшіяся покупательницами этого сырья, но за то, главнымъ образомъ, производившія ремесленные фабрикаты. Австрія, Польша и земли Ливон-

скаго ордена были въ средніе вѣка главными поставщиками льна, пеньки и зерна. Россія — поставщицею мѣховъ и другихъ животныхъ продуктовъ. Торговля была главнымъ образомъ мѣновая, и вслѣдствіе того оцѣнка товаровъ каждою изъ сторонъ производилась по чисто субъективному мѣрилу, такъ что обѣ онѣ могли считать себя въ большомъ выигрышѣ и полученный товаръ переучитывать у себя на звонкую монету по очень низкой оцѣнкѣ. Въ этомъ главнымъ образомъ и заключается причина высокой покупной стоимости денегъ въ средніе вѣка, что, какъ извѣстно, ничуть не мѣшало существованію очень высокихъ цѣнъ на иные фабричные продукты, какъ полотно, шелковыя издѣлія, сукно и бархатъ. Словомъ, характеръ тогдашней мѣновой торговли имѣлъ довольно много общаго съ теперешней торговлей Европы съ экзотическими странами. Какъ бы то ни было, весь этотъ процессъ средневѣковаго обмѣна, вынужденный преодолѣвать неимовѣрныя трудности, былъ, конечно, ничтожнымъ по своимъ размѣрамъ, если мы его сравнимъ съ теперешнимъ колоссальнымъ движеніемъ на міровомъ рынкѣ. Но повторяю, было бы крупною ошибкою воображать, будто въ средніе вѣка сырье производилось исключительно для домашняго употребленія. Что же касается ремесленныхъ фабрикатовъ, то они и тогда въ подавляющемъ большинствѣ предназначались для рынка, только для рынка ограниченнаго и хорошо извѣстнаго, благодаря непосредственнымъ сношеніямъ между производителемъ и заказчикомъ.

Не меньшей ошибкою было бы думать, что натуральное хозяйство исключало крупное производство.

Въ обрабатывающей промышленности, благодаря преобладанію ремесла надъ фабрикой, размѣры отдѣльныхъ хозяйствъ были, конечно, меньше теперешнихъ, но въ земледѣліи было какъ разъ наоборотъ. Если размѣры отдѣльныхъ хозяйствъ и не могли быть особенно крупными при ограниченности сбыта, то размѣры имѣній частныхъ лицъ были значительно обширнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Въ этомъ одна Англія составляетъ исключеніе, хотя и здѣсь за послѣдніе тридцать лѣтъ замѣчается наклонность къ большему дробленію поземельной собственности.

Во всѣхъ остальныхъ странахъ, даже въ тѣхъ, гдѣ всего болѣе латифундій, какъ въ южной Италіи, въ Венгріи и въ Россіи, текущій вѣкъ, и въ особенности вторая его половина, представляетъ непрерывный процессъ сравнительнаго измельчанія собственности. Поземельная статистика въ этомъ не позволяетъ сомнѣваться. Если за послѣдніе десять лѣтъ во Франціи, Бельгіи и Сѣверной Италіи измельчаніе пріостановилось и какъ будто даже нѣсколько пошло назадъ, то явленіе это пока слишкомъ ничтожно, чтобы сколько нибудь замѣтно измѣнить общій характеръ движенія собственности.

Пророчить что либо на счетъ будущаго, ко-

нечно, нельзя; но пока можно утвердительно сказать, что то самое наростаніе капиталовъ, которое привело къ сосредоточенію фабричнаго производства, повліяло на землю въ обратномъ направленіи. Ниже я буду имѣть случай вернуться къ этому любопытному контрасту.

Если теперь попробовать свести въ одно цѣлое главныя черты, отличающія настоящій экономическій строй отъ прежняго, натуральнаго—можно будетъ охарактеризовать совершившуюся перемѣну однимъ главнымъ признакомъ—громаднымъ усиленіемъ роли денегъ въ производствѣ и въ обмѣнѣ. Въ настоящее время каждая отдѣльная экономическая операція постоянно, можно сказать, ежедневно, учитывается на денежную валюту и, благодаря одинаковости этой валюты въ цѣломъ мірѣ, отдѣльные рынки имѣютъ все большую наклонность къ уравненію. Субъективная оцѣнка товаровъ повсемѣстно замѣнилась объективной, за исключеніемъ одной торговли съ дикими странами. товары не только производятся не главнымъ образомъ для домашняго потребленія, но даже и не для прямого обмѣна на другіе товары, а ради пересчета ихъ на деньги, обладаніе которыми всегда даетъ возможность пріобрѣсти товаръ по наиболѣе сходной цѣнѣ. Но деньги, опять таки, являются теперь орудіемъ обмѣна не въ своемъ чистомъ видѣ, не въ формѣ звонкой монеты или даже банковыхъ билетовъ. Примѣненіе ихъ въ этомъ видѣ, напротивъ, сокращается съ каждымъ днемъ, и харак-

теръ ихъ становится все болѣе идеальнымъ, какъ отвлеченной единицы для счета. Векселя, чеки, простыя записи въ банковыхъ и маклерскихъ книгахъ все чаще замѣняютъ собою реальную уплату.

Не далеко, вѣроятно, то время, когда большинство денежныхъ разсчетовъ будетъ производиться исключительно на вѣру. Словомъ, если товары въ настоящее время не обмѣниваются непосредственно, а привозятся на рынокъ въ видахъ полученія барыша, то деньги, въ свою очередь, все болѣе утрачиваютъ свойство необходимаго орудія обмѣна, и въ этой роли ихъ замѣняетъ простое засвидѣтельствованіе права, когда нибудь въ будущемъ, пріобрѣсти любой товаръ за опредѣленную цѣну.

Посмотримъ теперь, какъ относятся гг. народники къ совершившейся перемѣнѣ и что собственно они оплакиваютъ въ минушемъ натуральномъ хозяйствѣ.

Само собою разумѣется, что сѣтованія ихъ относятся исключительно къ Россіи, и потому въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть въ виду лишь наше отечество.

III.

Совершенно также, какъ натуральное хозяйство неправильно приравнивается нашими «передовыми» экономистами къ такъ называемой народной формѣ производства, хозяйство товарно-денеж-

ное отождествляется ими съ такъ называемымъ капитализмомъ: я говорю «такъ называемымъ», потому что о капитализмѣ эти господа имѣютъ, повидимому, довольно смутное понятіе. Имъ представляется какъ то, что производство, разсчитанное для вывоза на рынокъ, непремѣнно должно сопровождаться ограбленіемъ народной массы въ пользу болѣе ловкаго и болѣе зажиточнаго меньшинства. Самый мотивъ производства на продажу, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть инымъ, какъ эгоистическій разсчетъ кулака-эксплоататора, зараженнаго тлетворнымъ вліяніемъ капитала и отрекшагося отъ какихъ то народно-бытовыхъ, яко-бы общественныхъ, инстинктовъ. Ниже я буду имѣть случай привести нѣсколько примѣровъ, каковы эти инстинкты на самомъ дѣлѣ. Теперь, дабы не уклоняться въ сторону, я прежде всего попрошу читателя вспомнить, какова основная причина экономическаго роста, а, стало быть, и обогащенія всего человѣчества. Причина эта заключается въ томъ, что трудъ каждой семьи, раціонально примѣненный, можетъ производить больше продукта, чѣмъ нужно для потребленія этой семьи. Доказывать это положеніе не стоитъ. Еслибы оно было невѣрно, никакого излишка отъ потребленія не оставалось бы и не происходило бы никакого обогащенія. Въ этомъ излишкѣ заключается средство къ пріобрѣтенію на сторонѣ чужихъ продуктовъ съ цѣлью внести разнообразіе въ домашнее потребленіе и, главнымъ образомъ, къ улучшенію въ будущемъ

условій труда. Послѣднее и есть ничто иное, какъ примѣненіе къ труду капитала, въ видѣ орудій, удобренія, устройства путей сообщенія и т. д. Для всего этого необходимы два условія: чтобы, во-первыхъ, трудъ примѣнялся раціонально, какъ сказано выше, и, во-вторыхъ, чтобы пріобрѣтенный излишекъ тратился разсчетливо. Нераціональнымъ я назову такой трудъ, который въ земледѣліи примѣнялся-бы къ непроизводительной почвѣ, а въ обрабатывающей промышленности создавалъ бы товары, не имѣющіе сбыта. Я намѣренно указываю здѣсь на самыя главныя, такъ сказать, основныя черты экономическаго процесса. О каждомъ изъ этихъ условій производства можно написать цѣлые томы, но для ясности изложенія совершенно достаточно бѣглаго перечня, если можно такъ выразиться, главныхъ вѣхъ экономическаго процесса.

Если, напримѣръ, кто нибудь бы вздумалъ въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній сѣять въ большихъ размѣрахъ пшеницу, онъ, вѣроятно, очень скоро бы убѣдился въ нераціональности такого пріема. Конечно, въ такой рѣзкой формѣ сельско-хозяйственные промахи совершаются рѣдко. Но развѣ хозяйничанье безъ требуемаго удобренія, безъ достаточнаго оборотнаго капитала, — развѣ содержаніе дорогихъ стадъ безъ соотвѣтствующаго кормленія—не такое же нераціональное примѣненіе труда къ земледѣлію?

Другое условіе обогащенія — бережливость въ расходованіи излишка. Если весь этотъ излишекъ

поступитъ на удовлетвореніе новыхъ потребностей, населеніе, конечно, станетъ жить лучше прежняго, а, стало быть, и богаче; но зато оно и остановится на этой первой ступени прогресса. Для того, чтобы пойти дальше, ему надо часть полученнаго излишка обратить на улучшеніе способовъ производства, дабы и въ будущемъ, съ помощью того же количества труда, производить все большее количество продуктовъ. Съ точки зрѣнія строгихъ марксистовъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые своего учителя плохо понимаютъ, такимъ усиленіемъ производства никакой прибавки цѣнности не будетъ достигнуто, такъ какъ цѣнность измѣряется, яко бы, лишь количествомъ затраченнаго труда. Пока я оставлю въ сторонѣ эту излюбленную теорію, наивно повторяемую на всѣ лады нашими доморощенными экономистами. Мимоходомъ, я укажу лишь на то, что для населенія данной мѣстности не совсѣмъ таки все равно, если съ помощью той же работы оно пріобрѣтаетъ большее количество продуктовъ, или продукты болѣе разнообразные. Во всякомъ случаѣ, одно несомнѣнно: и производительность труда, и благосостояніе человѣческихъ обществъ постепенно растутъ, а, стало быть, намъ остается признать одно изъ двухъ—либо, что одно и то же количество труда можетъ создавать неодинаковыя цѣнности, либо что цѣнность сама по себѣ безразличное мѣрило для опредѣленія богатства. Какъ бы то ни было, обращеніе части излишковъ производства на усиленіе его интенсивности въ будущемъ—этотъ постоянный и единственный путь народнаго обогащенія—и есть ничто иное, какъ примѣненіе къ труду капитала, стало быть какъ разъ то самое, что вызываетъ либеральные вопли гг. народниковъ.

Допустимъ теперь, что, какъ принято у насъ выражаться, въ дореформенной Россіи господствовало натуральное производство. Что же такое случилось за послѣдніе тридцать пять лѣтъ, чтобы коренным образомъ измѣнить этотъ порядокъ, и можно ли совершившійся переворотъ характеризовать излюбленнымъ терминомъ «капитализма»?

Случилось, главнымъ образомъ, вотъ что. Часть крестьянскаго населенія, при крѣпостномъ правѣ состоявшая на барщинѣ и потому не отбывавшая никакихъ денежныхъ повинностей, съ переходомъ на оброкъ, была вынуждена добывать средства для уплаты новыхъ, денежныхъ повинностей, сперва помѣщику, а потомъ, съ переходомъ на выкупъ, казнѣ.

Понятно, что въ бытѣ этихъ крестьянъ произошелъ крутой переворотъ. Прежде они отдавали помѣщику не деньги, а трудъ, а потому весь хлѣбъ, собранный съ ихъ полей могъ поступать на домашнее потребленіе. Всѣ, или почти всѣ, прочія свои нужды они удовлетворяли самодѣльщиной—шерстью и шкурами своихъ овецъ, полотномъ отъ своего льна, сукномъ собственнаго издѣлія и т. д. Теперь надо было часть всего этого отвезти на рынокъ, чтобы расплатиться съ владѣльцемъ и

казною, а если на это не хватало продуктовъ,— отдавать за плату часть своего труда.

Въ глазахъ гг. народниковъ, въ одномъ этомъ уже заключается шагъ назадъ въ экономической самостоятельности хозяина. Сбывая на сторону хлѣбъ, ленъ или пеньку, прежній крестьянинъ— барщинникъ, сокращалъ размѣры своего потребленія, а отыскивая себѣ заработокъ, становился экономически несвободнымъ, такъ какъ, извѣстное дѣло, всякая работа за плату есть ничто иное, какъ утонченная форма рабства. При этомъ упускаютъ изъ виду одно лишь: до реформы, прежній барщинникъ отдавалъ, и притомъ безплатно, не ту только часть своего труда, которую отдавать считалъ нужнымъ, а все, что требовалъ владѣлецъ. Стало быть, въ наемной работѣ для этого крестьянина не могло быть ничего новаго и, въ особенности, постыднаго. Въ тоже время, деньгами вырученными за сырье, крестьянинъ не только разсчитывался съ помѣщикомъ и казною, но и могъ пріобрѣтать товары, которыхъ дома не производилось,—бумажныя издѣлія, обувь, керосинъ и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, экономическій поворотъ очень замѣтно сказался въ измѣненіи условій домашняго быта: лапти замѣнились сапогами, лучинушка керосиновой лампой, пестряденная рубаха ситцевой. Конечно, во всемъ этомъ гг. народники усматриваютъ великія бѣдствія. они готовы даже оплакивать исчезновеніе лучинушки, которая имъ, вѣроятно, кажется очень гигіеническимъ и, главное дѣло, безопаснымъ способомъ освѣщенія домовъ. Но ужъ это дѣло ихъ личнаго вкуса.

Впрочемъ, сказанное относится лишь къ меньшинству крестьянъ, такъ какъ на барщинѣ состояло лишь немного болѣе половины крѣпостныхъ, или около 30°/₀ всего сельскаго населенія. Какимъ образомъ и благодаря чему совершился переломъ и въ бытѣ остальныхъ 70°/₀? Здѣсь уже придется отыскивать причины явленія во внѣшнихъ Условіяхъ, такъ какъ и оброчные, и государственные крестьяне издавна отбывали денежные повинности, а потому строго-натурально вести свое хозяйство не могли и до реформы. Они и тогда были вынуждены отдавать на рынокъ часть своихъ произведеній, а главное, часть своего труда, т. е. заниматься промыслами, домашними и отхожими.

Пусть гг. народники рѣшатъ сами, какого сорта были эти промыслы въ огромномъ большинствѣ случаевъ; носили ли они характеръ самостоятельнаго, или, напротивъ, капиталистическаго производства. Извѣстно, какова была издавна и осталась понынѣ организація труда нашихъ кустарей, не только находящихся въ полной зависимости отъ скупщиковъ, но зачастую, какъ Павловскіе ножевщики, Тульскіе оружейники и т. д., работающихъ прямо по заказу на хозяина. А отхожіе промыслы всякаго рода въ большихъ городахъ и на рѣчныхъ пристаняхъ? Заработки извозчиковъ, дворниковъ, лодочниковъ, переносчиковъ тяжестей и т. д.? что представляютъ они изъ себя—наемную

или самостоятельную форму труда? И можно ли, стало быть, говорить о нарожденіи у насъ капитализма, какъ чего то совершенно новаго? Наемнаго труда у насъ до реформы въ самомъ дѣлѣ не было въ помѣщичьихъ хозяйствахъ — не было по той причинѣ, что въ этихъ хозяйствахъ имѣлся трудъ крѣпостной. О немъ, что ли, сожалѣютъ гг. народники?

Относительно громаднаго большинства нашего рабочаго сельскаго населенія можно, такимъ образомъ, говорить лишь о количественномъ, а не о качественномъ измѣненіи въ формахъ труда. Расширилось лишь то, что было и прежде—заработки на сторонѣ и продажа своихъ продуктовъ. И это расширеніе было вызвано, главнымъ образомъ, двумя крупными факторами—постройкою сѣти желѣзныхъ дорогъ и оживленіемъ торговли въ крупныхъ центрахъ. Первое подняло въ гору цѣну сырья на мѣстѣ и въ тоже время все дальше вводило въ глубь страны продукты фабричнаго производства. Второе расширяло спросъ на рабочія руки внѣ земледѣльческихъ занятій. И вотъ явилось у крестьянина разомъ три стимула, чтобы везти на рынокъ и свое зерно и самого себя. И за свою работу и за свой товаръ онъ могъ получить болѣе прежняго денегъ, и явилась у него вдобавокъ приманка накупить чужого товару, прежде ему недоступнаго. А если ко всему прибавить великую искусительницу водку, едва ли не болѣе всего остального толкавшую мужика на рынокъ, незачѣмъ уже

будетъ доискиваться иныхъ причинъ, отчего за послѣднюю четверть вѣка у насъ такъ усилился обмѣнъ, отчего такъ возросъ вывозъ нашего сырья, и сельское населеніе все въ большемъ числѣ, на время или даже навсегда, покидаетъ свои деревни, чтобы искать счастья на сторонѣ.

Что это усиленное внутреннее кровообращеніе, это ускоренное передвиженіе людей и товаровъ должно было расшатать и крестьянскую семью и крестьянскій міръ, ослабить подчиненіе младшихъ главѣ семьи и внести имущественное неравенство въ однообразную массу крестьянскаго населенія,— это, конечно, безспорно. Безспорно и то, что въ этомъ процессѣ не все обошлось гладко, и не только значительная часть крестьянъ осталась позади, но была выброшена за бортъ и значительная часть помѣщиковъ. Образованіе фактическаго сельскаго пролетаріата среди надѣленныхъ землею крестьянъ, пролетаріата безлошадныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ,—было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ большей свободы передвиженія, которому помогло и другое обстоятельство, слишкомъ часто у насъ упускаемое изъ виду—значительный ростъ населенія.

Если усиленный обмѣнъ и возрастающая роль денегъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ внесли въ это хозяйство болѣе риска и, вслѣдствіе того, однихъ обогатили, а другихъ пустили по міру, то приростъ населенія создалъ тѣсноту на крестьянской землѣ и, путемъ раздѣловъ, все размножалъ малоземельные, нищенскіе дворы. Если мы заглянемъ въ

списки земскихъ статистическихъ бюро, мы почти вездѣ наткнемся на параллелизмъ между коэффиціентомъ прироста и числомъ безлошадныхъ дворовъ. Выбрасывалось за бортъ, такимъ образомъ, какъ излишнее, нарождавшееся вновь населеніе, то самое, которое на Западѣ идетъ въ города. Нельзя, такимъ образомъ, утверждать, будто обѣднѣла вся крестьянская масса. Для такого вывода намъ недостаетъ главнаго элемента сравненія — точныхъ свѣдѣній о прежнемъ дореформенномъ положеніи вещей. И расчетъ нашъ усложняется вдобавокъ наличностью крупной посторонней величины — перенаселенія деревень.

Понятно, что передъ лицомъ этихъ явленій многіе задаютъ себѣ у насъ тревожный вопросъ — куда же итти дальше? Слѣдовать ли теченію по примѣру Запада, или это теченіе остановить искусственно? Оттого ли замѣчаются въ нашемъ сельскомъ быту болѣзненные признаки, что туда проникъ разлагающій ядъ капитализма, или, наоборотъ, причина нашей бѣдности въ недостаточной производительности труда, въ слабомъ размноженіи капиталовъ?

Отвѣтъ гг. народниковъ извѣстенъ. Въ Россіи, говорятъ они, рабочій вопросъ представляется въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ на Западѣ. Тамъ большая часть населенія уже обезземелена, и потому всѣ заботы соціальныхъ реформаторовъ должны быть направлены къ переустройству быта фабричныхъ рабочихъ, уже подпавшихъ игу капитализма. У насъ — не то. Русскій фабричный пролетаріатъ

составляетъ лишь ничтожный процентъ рабочаго населенія. Онъ не достигаетъ и милліона душъ, что объясняется очень просто слабымъ пока развитіемъ обработывающей промышленности. Преобладающая форма труда у насъ земледѣльческая, и процессъ обезземеленія нашего крестьянства пока только начался. Въ виду этого, рабочій вопросъ у насъ прежде всего вопросъ аграрный и сводится онъ къ тому, чтобы упрочить крестьянское землевладѣніе и помочь его расширенію въ уровень съ потребностями населенія въ землѣ. Капитализмъ у насъ пока только что зарождающаяся болѣзнь, и нельзя, стало быть, къ ея леченію примѣнять методъ, пригодный для странъ, гдѣ болѣзнь эта овладѣла всѣмъ организмомъ. Пролетаріатъ намъ грозитъ только въ будущемъ; и прежде всего надо, стало-быть, подавить его въ зачаткѣ. Какія для этого предлагаются мѣры, здѣсь перечислять незачѣмъ — мѣры эти достаточно извѣстны. Въ основѣ ихъ лежатъ двѣ главныя идеи: бытъ земледѣльческаго населенія слѣдуетъ устроить такъ, чтобы оно могло обходиться безъ посторонняго заработка, и народное сельское хозяйство должно быть разсчитано не для вывоза, а для потребленія дома. Нужды нѣтъ, что при этихъ условіяхъ Россія не только никогда не достигнетъ крупнаго промышленнаго развитія, но что и земледѣліе останется у русскаго народа на довольно низкомъ уровнѣ; и къ тому же, по мѣрѣ расширенія обработываемой площади, продукты ея будутъ постепенно дешевѣть. Цѣль про-

изводства не барышъ, за которымъ гонится только капиталистическій эгоизмъ, а лишь обезпеченіе народа отъ нужды. Пусть урожаи будутъ низки, пусть русское производство сохранитъ свое теперешнее однообразіе, и у русскаго мужика не окажется свободныхъ денегъ,—лишь бы онъ былъ сытъ и твердо сохранился у него старинный общинный укладъ,—объ остальномъ заботиться незачѣмъ. И если намъ приходится выбирать между экономическимъ прогрессомъ и свободою народа отъ растлѣвающаго вліянія капитализма и наемнаго труда, мы лучше откажемся отъ мишурныхъ успѣховъ, купленныхъ дорогой цѣною народнаго порабощенія.

Въ этомъ знакомомъ хорѣ слышатся подчасъ забавные голоса. Такъ напримѣръ, г. Южаковъ, описывая въ «Русскомъ Богатствѣ» свою поѣздку во внутреность Цейлона [1]), съ грустью замѣчаетъ, что незатѣйливыя поля сингалезцевъ кое-гдѣ стали уступать мѣсто чайнымъ и другимъ плантаціямъ корыстныхъ англичанъ, и въ этомъ явленіи оплакиваетъ одно изъ хищническихъ завоеваній капитализма. Другой публицистъ народнической школы, плодовитый г. В. В., примѣняетъ такія же воззрѣнія къ русскому хозяйству. Въ статьѣ «Капиталитическая эволюція промышленности» [2]) онъ прямо отрицаетъ пользу техническихъ усовершенствованій

[1]) Южаковъ. «Адамова вершина». «Русск. Богатство». 1893. №№ 2, 3.

[2]) В. В. «Очерки теоретической экономіи», стр. 111, 118—120.

и утверждаетъ, что, при ихъ отсутствіи, ростъ народнаго благосостоянія увеличивался бы.

Привожу его подлинныя слова—они того стоютъ. «Если, говоритъ онъ, на стр. 118, увеличеніе производительности земледѣльческаго труда достигается, напримѣръ, путемъ примѣненія орудій, дозволяющихъ съ прежней затратой рабочей силы запахивать большую площадь, причемъ ни расширеніе культивируемаго пространства, ни отведеніе въ сторону сдѣлавшихся излишними для земледѣлія рукъ не представляется возможнымъ, то подобное улучшеніе земледѣльческой техники, получивъ всеобщее распространеніе, не только не поведетъ къ возвышенію благосостоянія населенія, но будетъ имѣть прямо противоположное слѣдствіе—и тѣмъ болѣе значительное, чѣмъ оно само выше». «Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ онъ на стр. 120, можно сказать одно, что если бы такое направленіе развитія имѣло мѣсто, (то есть, если бы свѣтъ науки озарялъ не одно только ничтожное меньшинство, но всю массу народа), то хотя бы техническая производительность труда не достигла той высоты, какую она пріобрѣтаетъ въ рукахъ предпринимателя—капиталиста — народное благосостояніе неуклонно бы подымалось».

Къ этимъ удивительнымъ выводамъ г. В. В. пришелъ слѣдующимъ путемъ.

Извиняюсь передъ читателемъ за то, что навязываю ему изложеніе хода мыслей почтеннаго публициста. Если бы г. В. В. говорилъ только отъ

себя, можно было бы на немъ не останавливаться. Но, къ сожалѣнію, онъ одинъ изъ очень многихъ, и его оригинальная манера разсуждать можетъ служить образчикомъ того, что гг. народники выдаютъ за мышленіе.

Твердо заучивъ извѣстную формулу Маркса, что цѣнность измѣряется количествомъ затраченнаго труда, г. В. В. крѣпко вѣритъ, что стоитъ земледѣльцу, съ помощью усовершенствованныхъ пріемовъ, получить съ прежней культивируемой площади большее количество зерна или, съ помощью прежняго количества работы, засѣять болѣе обширную площадь,—и немедленно произойдетъ паденіе цѣнъ на его продуктъ и, стало быть, отъ большей интензивности труда онъ никакого барыша не получитъ. Иначе сказать, г. В. В. не въ силахъ допустить, чтобы трудъ могъ быть примѣненъ болѣе или менѣе продуктивно. Какъ его ни примѣняй, какіе агрономическіе фокусы ни придумывай,—если количество труда осталось неизмѣннымъ, цѣнность продукта не можетъ подняться никоимъ образомъ. Нужды нѣтъ, что ежедневный опытъ убѣждаетъ въ противномъ, — такъ приказываетъ думать великій Марксъ, правда, не совсѣмъ вѣрно понятый своимъ ученикомъ. Если, при климатическихъ условіяхъ Россіи, глубокомысленно разсуждаетъ г. В. В. [1]), земледѣльческій сезонъ продолжается не болѣе полугода, земледѣлецъ вынужденъ остальные шесть мѣсяцевъ посвятить какимъ-нибудь домашнимъ промышленнымъ занятіямъ, чтобы вполнѣ использовать свой трудъ и получить соотвѣтственное ему количество цѣнностей. Такъ оно и бываетъ при народномъ, не капитализованномъ экономическомъ строѣ. Но какъ скоро капитализація промысловъ, ведущая къ удешевленію производствъ, убила кустарныя издѣлія, у земледѣльца остается на покрытіе всѣхъ его нуждъ всего только цѣнность шестимѣсячнаго труда. Правда, фабрикаты удешевились, и на пріобрѣтеніе ихъ на сторонѣ земледѣлецъ можетъ потратить цѣнность, равносильную меньшему количеству времени, чѣмъ прежде. Но эта выгода лишь кажущаяся. Допуская, что прежде, то-есть до злополучной капитализаціи, земледѣлецъ работалъ 4 мѣсяца въ году на собственныя нужды, а остальные 8 на производство товаровъ, предназначенныхъ для продажи, у него останется теперь свободнымъ лишь продуктъ двухмѣсячнаго труда. А для того, чтобы этотъ продуктъ по своей покупной силѣ былъ равенъ прежнему восьмимѣсячному, нужно, чтобы фабрикаты, при капитализаціи производства, удешевились въ 4 раза, что, очевидно, не мыслимо. Земледѣлецъ можетъ выйти изъ бѣды, усиливъ интензивность своего производства, то-есть, получая больше сырья. Но это опять-таки улучшитъ его положенія, создавъ излишнюю цѣнность, въ томъ только случаѣ, если онъ займетъ подъ культуру новыя земли, и на обработку ихъ пойдетъ часть оставшагося у него свободнаго времени. Въ про-

[1]) В. В. ibid. стр. 112.

тивномъ случаѣ, то-есть когда незанятыхъ земель уже нѣтъ и увеличить массу продуктовъ можно только посредствомъ техническихъ усовершенствованій, то-есть посредствомъ капитализаціи самого земледѣлія, въ барышѣ останется тотъ лишь, кто первый усилилъ продуктивность своего труда. Какъ скоро же примѣненіе новой культуры расширилось, общая масса продуктовъ должна, очевидно, подешевѣть, такъ какъ затраченное количество труда не измѣнилось.

Тутъ что ни слово, то настоящій перлъ. Начать съ того, что, по мнѣнію г. В. В., рѣшающее вліяніе на цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ должна имѣть продолжительность сельскохозяйственнаго сезона и, при равныхъ прочихъ условіяхъ, хлѣбъ долженъ быть тѣмъ дешевле, чѣмъ сѣвернѣе мѣстность и короче лѣто. Допустимъ, напримѣръ, что двѣ крестьянскія семьи одинаковаго состава, одна въ Подольской губ., а другая въ Новгородской, получили со своихъ надѣльныхъ земель одно и тоже количество зерна, причемъ первая работала 8 мѣсяцевъ, а вторая всего только 5. Выходитъ по ученію г. В. В., что подольскій хлѣбъ будетъ стоить дороже новгородскаго въ отношеніи 8 : 5. Получается изъ этого ученія и другой выводъ, столь же любопытный, что трудъ, какъ бы онъ ни былъ затраченъ, хотя бы на производство товара, на который нѣтъ спроса, или, наоборотъ, на производство такого сорта хлѣба, котораго данная почва не родитъ, этотъ трудъ долженъ быть воз-

гражденъ совершенно одинаковымъ образомъ. Если, напримѣръ, все тотъ же подольскій мужикъ, вмѣсто того, чтобы разнообразить свою культуру и получать цѣнные продукты, какъ виноградъ, табакъ, хмѣль, рапсъ, сталъ бы сѣять только рожь да овесъ, доходность его хозяйства отъ этого бы нисколько не убавилась. Тоже случилось бы и съ новгородскимъ мужикомъ, если бы онъ вздумалъ свои поля засѣвать пшеницей и никакой пшеницы, очевидно, не получилъ бы. Нелѣпость такого вывода не требуетъ, кажется, доказательствъ.

Получается изъ всего этого и еще одинъ, по истинѣ забавный результатъ. Изъ положеній г. В. В. логически вытекаетъ, что одно и тоже количество продуктовъ будетъ цѣниться тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе на него потрачено времени, то есть чѣмъ лѣнивѣе былъ работникъ и непроизводительнѣе былъ его трудъ. Если, напримѣръ, одинаковый урожай полученъ съ двухъ смежныхъ участковъ, при не одинаковой затратѣ рабочаго времени,—тотъ хозяинъ, который работалъ медленнѣе, получитъ за свое зерно болѣе высокую плату. Оказывается, такимъ образомъ, по ученію г. В. В., настоящая премія за лѣнь и неумѣлость. Далѣе, оказывается, что при длинномъ лѣтѣ мужикъ можетъ обходиться сравнительно меньшимъ количествомъ фабрикатовъ, выдѣланныхъ дома. Это будетъ совершенно вѣрно, если болѣе продолжительный лѣтній сезонъ онъ использовалъ на производство большаго количества сельскихъ продуктовъ, излишекъ которыхъ можетъ быть обмѣ-

ненъ на фабрикаты. Но это опять-таки предполагаетъ существованіе рынка и оживленный обмѣнъ, чего какъ разъ и не бываетъ при столь миломъ г-ну В. В. натуральномъ хозяйствѣ.

Перейдемъ теперь къ процессу ограбленія земледѣльца капитализованною промышленностью. Для такого ограбленія необходимо прежде всего одно, — чтобы все крестьянское населеніе до капитализаціи промысловъ у себя дома производило кустарныя издѣлія. Между тѣмъ, этого на самомъ дѣлѣ у насъ никогда не было, и каждый гимназистъ знаетъ, что кустарное производство ограничено очень опредѣленнымъ раіономъ — бассейнами Волги, Оки, приблизительно отъ Корчевы и отъ Бѣлева до Нижняго. Внѣ этого района, домашнихъ издѣлій нѣтъ, и ихъ отсутствіе всегда составляло главную причину бѣдности черноземнаго населенія. Убивать несуществующее довольно трудно—съ этимъ, вѣроятно, согласится и г. В. В. Но почему же развившееся фабричное производство должно непремѣнно убить кустарные промыслы? Во-первыхъ, оно большею частью производитъ такіе товары, о которыхъ русскій кустарь никогда и не помышлялъ. На Западѣ аркрайтовскіе станки могли убить ручное ткацкое производство, но съ кѣмъ у насъ конкуррируютъ продукты бумажно-ткацкихъ фабрикъ? Крестьянскія полотна на продажу никогда не шли, а если пестрядинная рубаха вытѣснена ситцевой, то это вовсе не результатъ конкурренціи въ строгомъ смыслѣ, а прямое послѣдствіе открытія сбыта для

крестьянскаго льна. Если мужикъ разсчитываетъ, что ситцевая рубаха ему обходится дешевле, то принимаетъ онъ здѣсь въ соображеніе вовсе не стоимость зимняго труда бабы, а лишь цѣнность сырья, которое онъ можетъ сбыть на сторонѣ. Само собою разумѣется, что какъ скоро ленъ, идущій на полотно рубахи, стоитъ дороже уже готовой ситцевой, мужикъ предпочитаетъ купить послѣднюю. И трудно кого нибудь увѣрить, чтобы онъ оставался въ убыткѣ. Во-вторыхъ, если крупный фабрикантъ всегда можетъ производить дешевле кустаря, съ точки зрѣнія продуктивности работы, то кустарь всегда можетъ конкуррировать съ нимъ дешевизною самой работы, за которую онъ не платитъ и которая пропала бы у него безъ того даромъ. Да и гдѣ же видѣлъ г. В. В., а съ нимъ за одно и г. Николай —онъ, исчезновеніе у насъ кустарнаго производства?

Наши изслѣдователи—да и, не въ грѣхъ будь это сказано, самъ Карлъ Марксъ—совершенно упускаютъ изъ виду одно обстоятельство—различіе въ свойствахъ отдѣльныхъ производствъ, изъ которыхъ одни, какъ бумажное, желѣзо-дѣлательное, каменноугольное и т. д. требуютъ сосредоточенія большого числа рабочихъ рукъ, а другія, наоборотъ, всего удобнѣе группируются въ небольшихъ мастерскихъ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что фабрики могли убить лишь такое кустарное производство, которое предназначалось на продажу. Съ самодѣльщиной, предназначенной для домашняго

употребленія, никакіе дешевые фабрикаты конкуррировать не могутъ. Такая самодѣльщина производится зимою, когда мужику и членамъ его семьи дѣлать нечего. Работа, замѣняющая собою полную праздность, дешевле какого угодно машиннаго производства.

Откажется мужикъ отъ домашняго промысла въ томъ только случаѣ, если вздорожаетъ сырье, идущее на этотъ продуктъ, и онъ съ выгодой можетъ его обмѣнять на фабрикаты. Примѣръ тому мы видѣли на исчезновеніи пестрядинной рубахи. Но для г. В. В., а пожалуй и для г. Николая —она, такой примѣръ едва ли окажется вразумительнымъ. Эти господа воображаютъ, что трудъ имѣетъ цѣнность самъ по себѣ «einen Werth an sich» и что какъ скоро его вложили въ какой нибудь продуктъ, хотя бы самый ненужный, онъ остается въ этомъ продуктѣ на вѣки, неминуемо превращаясь въ цѣнность. Наши марксисты, вообще говоря, какъ будто лишены способности глядѣть на явленія жизни непосредственно. Они отправляются постоянно отъ какой нибудь абстрактной формулы, и, точно клубокъ шерсти, наматываютъ на эту формулу выводы, не спрашивая у себя, происходитъ ли что нибудь подобное въ дѣйствительности. Цѣнность измѣряется трудомъ—говорятъ они, напримѣръ—стало быть, если въ данной мѣстности сельскія работы продолжаются всего полгода, полученный продуктъ непремѣнно равенъ половинѣ годового труда производящей его крестьянской семьи. Машинное капиталистическое производство непремѣнно дешевле натуральнаго, потому что оно тратитъ на данный продуктъ меньше рабочихъ часовъ, чѣмъ послѣднее. Стало быть фабрикаты, появляясь на сельскихъ рынкахъ, должны убить кустарные промыслы.

Такой способъ изслѣдованія экономическихъ явленій очень удобенъ. Онъ позволяетъ, сидя у себя въ кабинетѣ, нанизывать одну на другую абстрактныя дедукціи, ничуть не справляясь съ дѣйствительностью.

Но страсть къ отвлеченному мышленію заводитъ нашихъ почтенныхъ ученыхъ еще дальше. Она убиваетъ въ нихъ способность замѣчать даже явную нелѣпость своихъ выводовъ.

Какъ на любопытную иллюстрацію этого явленія, укажу на теорію г. В. В. о мнимой безполезности техническихъ усовершенствованій въ земледѣліи. Если,—думаетъ почтенный народникъ, благодаря такимъ усовершенствованіямъ, получается больше сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, при той же затратѣ труда, эти продукты должны неминуемо подешевѣть, ибо въ нихъ будетъ содержаться ровно столько же рабочихъ часовъ, сколько ихъ тратилось прежде на производство меньшаго количества зерна, молока, мяса и т. д. Здѣсь вѣрность абстрактному принципу совсѣмъ затемнила умственный горизонтъ г. В. В. Если бы оно было такъ на самомъ дѣлѣ, никто въ цѣломъ мірѣ не давалъ бы себѣ труда улучшать пріемы своего производства, земледѣльческаго и промышленнаго, такъ

какъ подобныя улучшенія всегда связаны съ извѣстными затратами на пріобрѣтеніе орудій и на сооруженіе новыхъ построекъ. Въ результатѣ оказалась бы полная неподвижность пріемовъ культуры и промышленной техники. Дѣло въ томъ, что пониженіе цѣны продукта, вызванное большей производительностью усовершенствованнаго труда, не настолько велико, чтобы уравновѣсить прибыль отъ расширенія сбыта. Если бы г. В. В. лучше припомнилъ ученіе самого Маркса, онъ догадался бы, вѣроятно, что въ этомъ то и заключается такъ называемая относительная добавочная стоимость— der relatiwe Mehrwerth—какъ результатъ большей продуктивности труда, оплодотвореннаго капиталомъ. Конечно, Марксъ входитъ здѣсь въ противорѣчіе съ своимъ основнымъ положеніемъ,—но что же съ этимъ подѣлать? Марксъ былъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы слѣпо игнорировать дѣйствительность, и въ этомъ отношеніи не мѣшало бы у него поучиться гг. народникамъ.

Само собою разумѣется, что увеличеніе цѣнности продукта одновременно съ возрастаніемъ его количества достигается въ томъ лишь случаѣ, когда производитель вѣрно разсчиталъ условія рынка и его покупную способность. Въ промышленномъ производствѣ этотъ результатъ достигается очень просто: съ удешевленіемъ товара, растетъ кругъ его потребителей, и растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ понижается цѣна, потому что каждое такое пониженіе дѣлаетъ товаръ доступнымъ новому, менѣе до-

статочному кругу покупателей, всегда гораздо болѣе многочисленному, чѣмъ предъидущій, болѣе зажиточный слой. Для земледѣлія вопросъ нѣсколько усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что его продукты, по крайней мѣрѣ наиболѣе распространенные изъ нихъ, не могутъ сдѣлаться предметомъ прихоти, и что поэтому, когда рынокъ этими продуктами насыщенъ, ихъ дальнѣйшее распространеніе немыслимо. Обнаружившійся въ цѣломъ мірѣ подъемъ сельскаго хозяйства можетъ, поэтому, въ самомъ дѣлѣ до того понизить цѣну его продуктовъ, что производство ихъ станетъ убыточнымъ. Примѣръ этому мы даже видимъ въ настоящее время. Переживаемый нами хлѣбный кризисъ, однако, едва ли вызванъ однимъ усовершенствованіемъ культуры. Его причина кроется въ примѣненіи удешевленныхъ, а не улучшенныхъ только пріемовъ обработки—это разница большая—къ странамъ съ дѣвственной почвой и очень низкою рентой. Не случись усиленной распашки свѣжихъ земель одновременно въ Сѣверной и Южной Америкѣ, въ Южной Африкѣ и въ Австраліи,—подъемъ земледѣлія въ Европѣ не привелъ бы къ теперешнему паденію цѣнъ. Во всякомъ случаѣ, русскому мужику, о которомъ ведетъ рѣчь г. В. В., едва ли пришлось бы такъ сильно улучшить свое хозяйство, чтобы наводнить своимъ зерномъ всемірный рынокъ.

Казалось бы притомъ, что, допуская даже правильность выводовъ г. В. В., этому мужику не со-

всѣмъ было бы невыгодно съ своего надѣла получить больше хлѣба, хотя бы денегъ онъ за этотъ хлѣбъ пріобрѣлъ не больше прежняго. Такая прибавка оказалась бы, пожалуй, недурнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ голода. Какъ думаютъ на этотъ счетъ гг. В. В., Николай —онъ, Южаковъ и tutti quanti?

Впрочемъ, г. В. В. не настолько въ плѣну у своей теоріи, чтобы утверждать, будто полученіе, хотя бы однимъ хозяиномъ, болѣе высокаго урожая тотчасъ понизило бы хлѣбныя цѣны. Передъ такой бьющей въ глаза нелѣпостью и онъ остановился. Г. В. В. боится иного,—его мучитъ опасеніе, что барышъ достанется лишь немногимъ. А какъ скоро новые пріемы распространятся, — пѣнки будутъ сняты, и сѣрый людъ останется ни при чемъ. Г. В. В. здѣсь не договариваетъ. Онъ догадывается, что піонерами новыхъ пріемовъ окажутся личные землевладѣльцы, а мужикъ-общинникъ потянется за ними въ хвостѣ, и то очень не скоро. Hier liegt der Hund begraben. Иначе и нельзя понять слѣдующей запутанной тирады, которую цѣликомъ выписываю у г. В. В. [1]... «Движимое личнымъ интересомъ, освобожденное отъ сознательнаго общественнаго регулированія, промышленное развитіе страны принимаетъ характеръ, выгодный для немногихъ отдѣльныхъ лицъ и раззорительный для массы населенія. Если бы промышленные успѣхи

[1]) В. В. ibid. стр. 119.

наши оцѣнивались не по техническому совершенству производства, а по благосостоянію трудящагося населенія, и сообразно такому отношенію къ предмету, принимались мѣры для поднятія производительности самостоятельнаго народнаго промысла, а не для превращенія народной промышленности въ капиталистическую, то обществу было бы обезпечено неуклонное движеніе впередъ, не въ смыслѣ только развитія техники производства, но и въ отношеніи поднятія народнаго благосостоянія, то есть промышленная эволюція націи не сдѣлалась бы однобокой, ведущей къ развитію одной стороны жизни на счетъ остальныхъ, къ принесенію интересовъ большинства въ жертву небольшой группѣ лицъ».

Другими словами, пусть не будетъ никакого сельскохозяйственнаго прогресса, лишь бы на этомъ пути меньшинство не обогнало массу. Пусть остается неподвижнымъ рутинное мужицкое производство, лишь бы не выдвинулось хозяйство наиболѣе смышленыхъ и зажиточныхъ. Вотъ каковъ смыслъ этой туманной фразеологіи, переведенной на общепонятный языкъ. Das ist der langen Rede kurzer Sinn.

IV.

Мы видѣли, что народники въ одинаковой мѣрѣ отрицаютъ пользу и отъ раздѣленія труда между земледѣльческими и промышленными занятіями и

отъ подъема сельскохозяйственной техники. Въ первомъ они видятъ капитализацію обрабатывающей промышленности, во второмъ капитализацію земледѣлія. Идеалъ ихъ—возможно полное сліяніе земледѣльческаго и обрабатывающаго производства и обезпеченіе за всей массой населенія полной экономической самостоятельности. Но какъ быть въ томъ случаѣ, когда въ данной мѣстности число наличныхъ рабочихъ перерастаетъ нужды сельскаго хозяйства, то есть когда наступаетъ перенаселеніе? Для Россіи, при изобиліи въ ней еще свободныхъ земель, такое перенаселеніе можетъ быть только частичнымъ и потому искусственнымъ. Россія представляется гг. народникамъ особымъ міромъ, гдѣ перестаютъ дѣйствовать общіе экономическіе законы, именно вслѣдствіе ея обширности. Печальной необходимости выселяться въ города, вызвавшей на цѣломъ Западѣ образованіе фабричнаго пролетаріата, для Россіи пока не существуетъ. Какъ же не воспользоваться этими исключительно благопріятными условіями и не избѣжать общей участи западныхъ народовъ, страдающихъ отъ двойной болѣзни капитализма и пролетаріата? Какъ не ухватиться за два способа правильно разрѣшить вопросъ о русскомъ экономическомъ строѣ,—два способа, такъ сказать, напрашивающіеся сами собою: пріобрѣтеніе государствомъ частныхъ земель для расширенія крестьянскихъ надѣловъ и переселеніе на восточныя окраины изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ обнаруживается излишекъ рабочихъ рукъ.

Программа эта въ самомъ дѣлѣ какъ будто очень заманчива. Заключаетъ она въ себѣ, однако, маленькое неудобство, страннымъ образомъ не замѣченнное гг. народниками. Расширяя область примѣненія народнаго земледѣльческаго труда, мы неминуемо расширимъ производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ, стало быть вызовемъ какъ разъ то пониженіе цѣнъ, котораго г. В. В. такъ опасается, какъ неизбѣжнаго послѣдствія улучшенія земледѣльческой техники. Какимъ же образомъ то самое перепроизводство хлѣба, которое грозитъ уничтожить всю пользу отъ усовершенствованія культуры, становится безвреднымъ, какъ скоро рѣчь идетъ уже не о большей интензивности производства, а лишь о распространеніи его въ ширь? Пусть гг. народники выпутаются, коли могутъ, изъ этого противорѣчія. Не въ одномъ этомъ, конечно, заключается несбыточность заманчивой программы. Она грѣшитъ не противъ одной логики и встрѣчаетъ на своемъ пути не одни отвлеченныя, но и вполнѣ реальныя препятствія. Прежде всего забываютъ, что до сихъ поръ число переселяющихся ни въ одинъ годъ не достигало 150.000 душъ обоего пола. Между тѣмъ какъ естественный годовой приростъ населенія имперіи составляетъ около 1,5 милліона душъ. Стало быть, предоставленная самой себѣ, наша внутренняя колонизація далеко не уноситъ съ собою даже этого прироста. Было бы также ошибочнымъ предположить, будто отливающая изъ Россіи волна вездѣ строго пропорціональна густотѣ

населенія. Въ числѣ мѣстностей, откуда идетъ эмиграція, имѣется, между прочимъ Вятская губ. населенная очень слабо. Чтожь, не пожелаютъ ли гг. народники, чтобы правительство вело эмиграцію отъ себя, то есть принудительно, строго придерживаясь статистики населенія и предоставляя гг. исправникамъ, становымъ приставамъ и урядникамъ выбирать кандидатовъ въ колонисты? Не достаточно вѣдь еще опредѣлить, сколько изъ даннаго уѣзда выселится людей, надо еще рѣшить, кому именно убираться вонъ. А это, конечно, не обойдется безъ отеческихъ мѣръ понужденія. Но, помимо всѣхъ этихъ прелестей административнаго попеченія, обдумали ли гг. народники, какъ пристроить разомъ за Ураломъ 1,5 милліона эмигрантовъ, то есть защитить ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ голодной смерти? Подумали ли они о томъ, какая для этого потребуется армія чиновниковъ и землемѣровъ? А вѣдь, даже въ случаѣ удачи всѣхъ этихъ мудрыхъ предначертаній, всетаки будетъ удаленъ изъ центра страны только ежегодный приростъ, между тѣмъ какъ во многихъ мѣстностяхъ перенаселеніе замѣтно уже и въ настоящее время.

Не менѣе остроумія обнаруживаютъ гг. народники и въ другой части своей программы—въ вопросѣ о пріобрѣтеніи въ пользу крестьянъ земель. частныхъ владѣльцевъ. Жалкое фіаско операцій крестьянскаго банка могло бы на этотъ счетъ открыть глаза всѣмъ. Учрежденъ былъ этотъ банкъ съ твердою надеждою устроить на широкую ногу

кредитъ для неимущихъ. И что-же? Послѣ тринадцати лѣтъ его существованія обнаружилось, что съ помощью его ссудъ пріобрѣтено всего 1.800.000 дес., то есть гораздо менѣе, чѣмъ въ предъидущіе 13 лѣтъ куплено самими крестьянами на собственныя деньги, и что единственными исправными плательщиками являются крестьяне сколько нибудь обезпеченные и до покупки. То есть, что кредитъ для неимущихъ такая же нелѣпость въ Россіи, какъ и въ цѣломъ остальномъ мірѣ. Но это не все. Допустимъ на время, что найдено средство обезпечить платежную способность нищихъ покупателей чужой земли, и что крестьянинъ, пріобрѣвшій частное имѣніе по цѣнѣ, значительно превышающей выкупныя ссуды, исправнѣе вноситъ проценты въ банкъ, чѣмъ отбывалъ выкупные платежи. Допустимъ даже, что государственная власть не остановилась передъ экспропріаціей частныхъ землевладѣльцевъ и выкупила ихъ имѣнія, какъ сдѣлала она это прежде съ крестьянскими надѣлами. Получится ли тогда по крайней мѣрѣ серьезное обезпеченіе землей нуждающихся въ ней крестьянъ? Увы,—ничуть. И убѣдиться въ этомъ можно при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ условіями русскаго землевладѣнія. Три главныхъ представителя этого землевладѣнія—государство, крестьяне и помѣщики—распредѣлили между собою территорію Россіи далеко не повсюду равномѣрно. Есть уѣзды, въ которыхъ частнымъ лицамъ принадлежитъ болѣе половины всей площади: таковы

всѣ мѣстности, гдѣ нѣтъ или почти нѣтъ государственныхъ крестьянъ. Таковъ въ особенности весь Западный край.

Есть, напротивъ, цѣлая группа уѣздовъ, и притомъ разбросанныхъ по всѣмъ полосамъ Россіи, гдѣ у частныхъ лицъ земли очень не много, по той простой причинѣ, что и до реформы 1861 года помѣщиковъ здѣсь не было почти вовсе. Таковы уѣзды Старорусскій въ Новгородской губ., Углицкій въ Ярославской, Лебедянскій въ Тамбовской, Нижнедѣвицкій въ Воронежской, Ѳеодосійскій въ Таврической. Наконецъ, частныя земли распредѣлены очень неравномѣрно не только по отдѣльнымъ уѣздамъ, но и внутри уѣздовъ, гдѣ онѣ большей частью группируются въ однѣхъ мѣстностяхъ, совершенно отсутствуя въ другихъ. Стало быть, даже такая революціонная мѣра, какъ насильственная экспропріація всего частнаго землевладѣнія, обогатила бы только нѣкоторую часть крестьянъ, ничего не сдѣлавъ для остальныхъ. Или гг. народники думаютъ эту мѣру дополнить еще другою—перетасовкою крестьянскаго населенія по лицу земли русской?

Не обогатила бы эта мѣра, впрочемъ, меньшинства крестьянъ. Въ Самарской губ. приходится на ревизскую душу среднимъ числомъ по 9 дес. надѣльной земли. Въ Уфимской и Оренбургской и того болѣе. А между тѣмъ эти три губ. были въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ отъ голода 1891 года, а одна изъ нихъ—Самарская занимаетъ первое мѣсто по степени задолженности крестьянъ передъ казной. Не обезпечиваетъ, такимъ образомъ, отъ нужды и многоземелье,—не обезпечиваетъ по весьма простой причинѣ. Плохая крестьянская обработка, усиливающая азартный характеръ земледѣлія, обусловленный климатомъ Россіи, не въ состояніи обезпечить урожай, а стало быть и продовольствіе, при какихъ угодно размѣрахъ надѣла; а слабое развитіе постороннихъ заработковъ у крестьянъ чисто земледѣльческихъ мѣстностей оставляетъ ихъ безъ всякихъ денежныхъ средствъ въ случаѣ недорода. Каковы же были бы неминуемыя послѣдствія столь желаемаго гг. народниками поглощенія частнаго землевладѣнія крестьянскимъ? Оно было бы равносильно съ одной стороны распространенію на всю территорію государства первобытной культуры, не позволяющей средней урожайности озимыхъ хлѣбовъ, даже въ самыхъ плодородныхъ губерніяхъ, подняться выше 5,5 четв. съ десятины; съ другой—оно лишило бы черноземныхъ крестьянъ единственнаго ихъ заработка,—найма на работу въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Стало быть, въ случаѣ полнаго неурожая, народное продовольствіе лишилось бы того подспорья, какое въ настоящее время все-таки даютъ ему частновладѣльческія экономіи, и одновременно съ этимъ черноземные крестьяне оказались бы еще болѣе теперешняго обезоруженными противъ голода, въ виду утраты ими единственнаго заработка.

Нѣтъ, гг. народникамъ не увернуться отъ вы-

нужденнаго признанія двухъ настоящихъ причинъ русской бѣдности и необезпеченности. Не въ развитіи капиталистической промышленности лежатъ эти причины, не въ помѣщичьемъ землевладѣніи и даже не въ малоземельи. Онѣ сводятся къ тому, что трудъ русскаго рабочаго слишкомъ мало производителенъ и слишкомъ одностороненъ. Если сравнить среднюю цѣнность продукта, падающаго на каждаго рабочаго у насъ и въ любой изъ странъ Запада, получится съ нашей стороны ужасающій недочетъ. И зависитъ этотъ недочетъ, въ свою очередь, отъ двухъ причинъ—отъ того, что русскій земледѣлецъ обработываетъ свою землю плохими орудіями и вполнѣ свободенъ и отъ капитала и отъ знанія; а русскій фабричный, постоянно кочуя изъ деревни на фабрику, большей частью плохо знаетъ свое дѣло. Вотъ первая основная причина. А вторая дѣйствующая столь же пагубно,—въ томъ, что подавляющая масса русскихъ производителей не только везутъ на рынокъ одни лишь произведенія почвы, но что и рынка то у нихъ подъ рукою нѣтъ, потому что все почти населеніе страны занято однимъ земледѣліемъ. Конечно, бѣда эта отчасти неустранима, насколько, по крайней мѣрѣ, она зависитъ отъ климата и почвы. Тамъ, гдѣ рожь составляетъ главный національный продуктъ, населеніе уже въ силу природныхъ условій не можетъ быть такъ богато, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ воздѣлывается виноградъ, табакъ, хмѣль и высокіе сорта плодовыхъ деревьевъ. А если оно менѣе богато, то обладаетъ и меньшей покупной способностью.

Въ этомъ уже вина природы. Но даже при этихъ сравнительно неблагопріятныхъ условіяхъ русскій крестьянинъ могъ бы получать съ своей земли больше продуктовъ, и продукты болѣе цѣнные, чѣмъ теперь. Русскій кустарь могъ бы работать изящнѣе и лучше, русскій фабричный — довести себя до большей технической сноровки. А прежде всего могло бы въ Россіи не пропадать столько времени даромъ, и характеръ русскаго производства могъ бы не быть такимъ однообразнымъ. Подумали ли гг. народники о томъ, какъ измѣнились бы къ лучшему условія нашего хозяйства, если бы городскія поселенія были разбросаны по нашей территоріи погуще, или, что тоже самое, если бы наши огромныя села были не исключительно земледѣльческими? Подумали ли они, какъ бы усилился при этомъ внутренній обмѣнъ, сколько бы рынковъ открылось для сельскихъ произведеній, и притомъ такихъ, о которыхъ въ настоящее время въ нашихъ деревняхъ и не помышляютъ? Куда дѣвать намъ теперь, а стало быть на что и производить, овощи, птицу, яйца, а зачастую даже молоко и сыръ? Продуктивное скотоводство у насъ вѣдь немыслимо въ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ отъ большихъ городовъ, а еще болѣе отъ желѣзно-дорожныхъ станцій. Какъ все это измѣнилось бы, если бы вездѣ у насъ были по сосѣдству городскіе поселки, хотя бы въ такомъ

числѣ, какъ они имѣются въ прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ! Г. В. В. и самъ это признаетъ, быть можетъ безсознательно, говоря на стр. 125 [1]) своей книги, что утрата подсобныхъ занятій для сельскаго населенія тѣмъ губительнѣе, чѣмъ населеніе это многочисленнѣе. Напрасно только г. В. В. думаетъ, что кто нибудь лишилъ русскаго мужика этихъ занятій. Лишилъ онъ себя ихъ самъ.

А между тѣмъ г. В. В., а съ нимъ вмѣстѣ и вся народническая школа никакъ не хотятъ понять, что Россіи придется таки, рано или поздно, разстаться съ прежнимъ своимъ характеромъ исключительно земледѣльческой страны. Эти господа не перестаютъ увѣрять насъ, что продукты нашей промышленности никоимъ образомъ не могутъ сдѣлаться предметомъ вывоза, и намъ слѣдуетъ потому оставить навсегда мечту о крупномъ фабричномъ производствѣ [2]). Одинъ нашъ дешевый хлѣбъ, будто бы, можетъ конкуррировать на всемірномъ рынкѣ съ иностраннымъ. Напрасно, однако, г. В. В. такъ усердно настаиваетъ на мнимой дешевизнѣ нашего хлѣба. На самомъ дѣлѣ, его производство обходится вовсе не такъ дешево, какъ разъ благодаря малой продуктивности нашего сельскаго хозяйства. Г. В. В. могъ бы уразумѣть это даже съ точки зрѣнія своей излюбленной теоріи цѣнности: при меньшей производительности русскаго земледѣлія, на каждую

[1]) В. В. ibid., стр. 125.
[2]) В. В. ibid. чтр. 128:

четверть нашего хлѣба тратится больше рабочихъ часовъ, чѣмъ на такую же четверть хлѣба американскаго или австралійскаго. Но гг. народники такъ увлечены своимъ идеаломъ сплошного крестьянскаго хозяйства, въ зимніе мѣсяцы становящагося промышленнымъ, что изъ за этого идеала они не хотятъ признать самой очевидности. Г. В. В., между прочимъ, не безъ комизма восклицаетъ: «что выиграла Россія отъ того, что за послѣднее двѣнадцатилѣтіе вывозъ ея керосина увеличился въ 350 разъ и достигъ цифры 50 мил. пудовъ»? [1])

Отвѣтъ содержится въ самомъ вопросѣ: она выиграла всю продажную стоимость этихъ милліоновъ пудовъ, всю оплодотворяющую силу пріобрѣтенныхъ капиталовъ. Г. В. В. наивно воображаетъ, повидимому, что суммы, полученныя крупными производителями, такъ и остаются въ ихъ карманѣ, не принося странѣ никакой пользы. Могло бы это произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ эти производители были Плюшкиными, добывающими деньги, чтобы запирать ихъ у себя въ сундуки, Неужели г. В. В. ни отъ кого не слышалъ, что крупные капиталы, хотя бы пріобрѣтенные немногими лицами, становятся могучимъ стимуломъ производства и обмѣна; что многочисленныя мертвыя богатства ждутъ—недождутся у насъ оживляющаго прикосновенія капитала и предпріимчивости?

Г. В. В. даетъ, впрочемъ, объясненіе своей ори-

[1]) В. В. ibid. стр. 129.

гинальной мысли: количество рабочихъ, занятыхъ нефтяной промышленностью, говоритъ онъ, не превышаетъ 15—25 тыс. человѣкъ. И вмѣсто того чтобы вывести отсюда, что, стало быть, не все дѣло въ затраченномъ трудѣ, и въ цѣнности товара, повидимому, содержится нѣчто иное, г. В. В. продолжаетъ смотрѣть на дѣйствительность сквозь очки своей теоріи и отрицаетъ пользу отъ такого производства, которое ограничивается небольшимъ числомъ рабочихъ. Для него все дѣло сводится къ тому, чтобы русскій человѣкъ никоимъ образомъ не оставался празднымъ. Это очень похвальное желаніе, если бы почтенный авторъ пріискалъ для русскаго человѣка занятіе въ самомъ дѣлѣ производительное, а то вѣдь можно заниматься толченіемъ воды, да перетаскиваніемъ мусора съ мѣста на мѣсто, и при всемъ стараніи никакой цѣнности не произведешь.

Г. В. В. даетъ себѣ неблагодарный трудъ расчленить придуманное имъ идеальное общество на составныя части [1]) и прикидываетъ въ умѣ, какъ лучше распредѣлить населеніе между капитализованной промышленностью и некапитализованнымъ земледѣліемъ, чтобы продукты обоихъ потреблялись безъ остатка.

Какъ ни старается почтенный авторъ, у него все выходитъ не ладно: то остаются непотребленными фабричные продукты,—это когда населеніе дѣ-

[1]) В. В. ibid. стр. 137 и с. с.

лится по ровну между обѣими отраслями производства, то, наоборотъ, хлѣба получается излишекъ, какъ скоро земледѣльцы составляютъ 75%. Разумѣется, при всѣхъ этихъ вычисленіяхъ, г. В. В. съ дѣйствительностью не справляется нисколько и, не мудрствуя лукаво, цѣнность продукта очень просто измѣряетъ временемъ, затраченнымъ на его производство. Такъ, у него продуктъ земледѣльца непремѣнно составляетъ ровно половину цѣнности продукта фабричнаго только потому, что послѣдній работаетъ круглый годъ, а первый—6 мѣсяцевъ. Не стоитъ и говорить, что придуманное общество не только никогда не существовало, но и существовать не можетъ.

Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не отыщется страны, гдѣ бы вся ея территорія безъ остатка принадлежала земледѣльцамъ, а, наоборотъ, вся обрабатывающая промышленность сосредоточивалась въ немногихъ рукахъ. Г. В. В., повидимому, никогда не заглядывалъ въ статистическія таблицы, показывающія группировку населенія какой нибудь страны по его занятіямъ. Иначе, онъ не изобрѣлъ бы фантастическаго общества, исключительно состоящаго изъ земледѣльцевъ и фабричныхъ. Возьмемъ для примѣра Францію. Перепись 1881 года слѣдующимъ образомъ расчленяетъ ея жителей по профессіямъ [1]) земледѣліемъ занято 18,3 мил. душъ, или 50%; на обрабатывающую промышленность,

[1]) De Foville. La France économique p. 51.

фабричную и ремесленную, приходится 9,3 мил., или 25,6%; на торговлю—3,8 мил., или 10,5%; войско, флотъ военный и торговый, полиція и служащіе на желѣзныхъ дорогахъ составляютъ въ совокупности 1,4 мил., 3,7%; либеральныя профессіи—1,6 мил. или 4,4%; и наконецъ, лица, исключительно живущія доходами, то есть капиталисты и крупные землевладѣльцы—2,1 мил., или 5,8% [1]).

Если мы теперь выдѣлимъ въ одну группу всѣ классы, не производительные въ строгомъ смыслѣ, то есть занятые не производствомъ товаровъ, а торговлею ими или перевозкою ихъ, весь персоналъ умственныхъ профессій, военную и полицейскую силу и наконецъ всѣхъ достаточныхъ людей, лично не занятыхъ механическимъ трудомъ—получится очень почтенная цифра 8,9 мил., или 24,4% всего населенія. Вотъ, стало быть, каковъ во Франціи контингентъ потребителей чужихъ продуктовъ—фабричныхъ и земледѣльческихъ.

Конечно, эти классы, непосредственно товаровъ не производящіе, могутъ быть такъ многочисленны только въ странахъ очень богатыхъ. Въ Россіи они, вѣроятно, образуютъ изъ себя процентъ значительно

[1]) Эта таблица требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Къ рубрикѣ земледѣльцевъ отнесены какъ мелкіе землевладѣльцы, сами обрабатывающіе свою землю, такъ и сельскіе рабочіе. Къ отдѣлу промышленныхъ рабочихъ—всѣ, состоящіе въ личномъ услуженіи. Наконецъ, группа торговцевъ состоитъ не только изъ лицъ, занятыхъ торговлею въ строгомъ смыслѣ, но и содержателей гостиницъ, трактировъ, питейныхъ заведеній и т. д., вмѣстѣ со всѣми служащими въ этихъ заведеніяхъ.

меньшій. Какъ бы то ни было, игнорировать такой крупный факторъ при разсчетѣ народнаго потребленія, очевидно, нельзя безъ грубой ошибки.

Эти «непроизводительные» классы являются къ тому же не только потребителями вообще, но еще потребителями особенно интензивными. Они почти исключительно состоятъ изъ наиболѣе достаточныхъ общественныхъ слоевъ, и потому на ихъ долю относятся всѣ продукты роскоши и всѣ высшіе сорта продуктовъ первой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, всю массу товаровъ, производимыхъ въ данной странѣ, мы можемъ себѣ представить въ видѣ пирамиды, основаніе которой образуютъ предметы первой необходимости, потребляемые цѣлымъ населеніемъ и притомъ въ одинаковой, приблизительно, мѣрѣ. Надъ этимъ нижнимъ слоемъ возвышается цѣлый рядъ другихъ, все болѣе съуживающихся въ своемъ объемѣ, но за то представляющихъ собою товары болѣе цѣнные. Этой пирамидѣ соотвѣтствуетъ другая, служащая какъ бы выраженіемъ самого общества, въ которомъ низшій рабочій слой занятъ производствомъ всего того, что изображаетъ собою первая пирамида, а послѣдующіе, все болѣе тѣсные слои, представляютъ собою потребительные классы. Здѣсь на самой вершинѣ окажется небольшая сравнительно, кучка людей, потребляющихъ всѣ разнообразные продукты народнаго труда. По мѣрѣ того какъ мы будемъ итти внизъ, кругъ потребителей станетъ рости, но число и разнообразіе потребляемыхъ ими товаровъ сокращаться. Такимъ

образомъ, не только въ потребленіи страны значительное мѣсто занимаютъ классы, неучаствующіе въ производствѣ матеріальныхъ цѣнностей, но вдобавокъ заработокъ производительныхъ рабочихъ классовъ болѣе, чѣмъ на половину, состоитъ изъ платы за производство товаровъ, въ потребленіи которыхъ они не участвуютъ.

Въ результатѣ оказывается, что наличность группы достаточныхъ классовъ не только ничего не отнимаетъ у рабочаго населенія, но еще значительно увеличиваетъ его покупательную способность, возвышая его заработокъ, благодаря производств предметовъ роскоши.

Зданіе экономическаго равновѣсія, съ такими потугами воздвигнутое г. В. В., разсыпается, такимъ образомъ, само собой.

Почтенный авторъ упустилъ, во-первыхъ, изъ виду роль зажиточныхъ классовъ, какъ потребителей; во-вторыхъ, онъ совершенно забылъ, что нигдѣ промышленное производство не сосредоточено исключительно въ фабрикахъ. Мелкія предпріятія, обходящіяся трудомъ однихъ домашнихъ, продолжаютъ существовать бокъ о бокъ съ фабрично-заводскими совершенно также, какъ мелкое землевладѣніе нигдѣ, даже въ Англіи, окончательно не вытѣснено крупнымъ. Вслѣдствіе этого промышленнымъ фабрикатамъ открывается внутри самой страны гораздо болѣе широкій сбытъ, чѣмъ предположилъ нашъ авторъ. Кромѣ земледѣльческаго класса и фабричныхъ рабочихъ, ихъ потребляютъ

всѣ ремесленники, не участвующіе въ крупномъ производствѣ, всѣ представители либеральныхъ профессій, всѣ живущіе казеннымъ или частнымъ жалованьемъ, наконецъ—всѣ капиталисты.

Что же касается продуктовъ земледѣлія, то сбытъ ихъ внутри страны зависитъ не отъ продолжительности сельскохозяйственнаго сезона и не отъ степени производительности фабричнаго труда. Обусловливается онъ лишь степенью населенности страны вообще, то есть отношеніемъ между засѣваемой площадью и числомъ жителей.

Два фактора, стало быть, здѣсь должны быть приняты въ разсчетъ—размѣръ собраннаго урожая и густота населенія. Сама по себѣ посѣвная площадь еще не дастъ точнаго представленія о количествѣ получаемаго зерна. Земледѣльческое населеніе можетъ производить гораздо больше хлѣба, чѣмъ нужно для его пропитанія, но подъ однимъ условіемъ—чтобы хозяйство велось раціонально и продуктивность почвы была доведена до ея максимума. Тогда только можно разсматривать средній урожай зерна какъ нѣчто постоянное и не подлежащее дальнѣйшему росту. Засѣваемая площадь, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть расширяема безпредѣльно, и, по достиженіи ею извѣстнаго процента, дальнѣйшій ростъ хлѣбной производительности можетъ только зависѣть отъ усовершенствованія культуры.

Но и такія усовершенствованія имѣютъ свой предѣлъ, и притомъ не въ одной только способ-

ности почвы производить хлѣбныя растенія, а и въ характерѣ самаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, производство хлѣбовъ выгодно лишь до той поры, пока существующія на нихъ цѣны оплачиваютъ съ нѣкоторымъ избыткомъ расходы хозяина. Пониженіе этихъ цѣнъ, а также большая прибыльность иныхъ, не хлѣбныхъ, культуръ ведетъ повсюду къ постепенной замѣнѣ хлѣбныхъ растеній другими—кормовыми, масличными или промышленными.

Допустимъ, однако, что при высокой сельскохозяйственной культурѣ величина ежегоднаго урожая зерна можетъ быть признана постоянною. Размѣръ потребленія, вслѣдствіе естественнаго прироста, будетъ наоборотъ, увеличиваться.

И каждая страна, рано или поздно, должна неминуемо перейти отъ роли производительницы для всемірнаго рынка къ положенію страны, покупающей чужой хлѣбъ. Нельзя приэтомъ, однако, упускать изъ виду, что по мѣрѣ улучшенія пищи населенія, среднее количество пудовъ зерна на каждаго жителя нѣсколько сокращается. Муку понемногу вытѣсняютъ мясо, овощи и молочные продукты. Можно почти безошибочно признать, что въ западной Европѣ потребленіе выразится 11 или 12 пуд. муки на жителя, а въ Россіи—15 пуд. *).

---

*) Для Россіи я беру здѣсь не дѣйствительное потребленіе, а размѣръ потребностей, принимая его по 18 пуд. на взрослаго мущину, по 16 на женщину и по 8—10 для не взрослыхъ обоего пола. Есть у насъ много изслѣдователей, утверждающихъ, будто на са-

Такою же опредѣленностью, какъ размѣръ потребленія. обладаетъ и другая величина — цифра сельскаго населенія, необходимаго въ каждой мѣстности для исполненія земледѣльческихъ работъ. Цифра эта, конечно, видоизмѣняется, сообразно климату и характеру культуры, но для каждаго района она можетъ быть вычислена точно. Чѣмъ продолжительнѣе лѣто, тѣмъ меньшимъ числомъ рабочихъ рукъ можетъ обходиться земледѣльческое производство. И наоборотъ, чѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе культура, тѣмъ большаго числа рукъ она требуетъ. На югѣ эти два условія совпадаютъ и потому уравновѣшиваютъ другъ друга. Какъ бы то ни было, съ того момента, какъ населеніе данной мѣстности достигло размѣровъ, вполнѣ отвѣчающихъ потребностямъ земледѣлія, дальнѣйшій его приростъ уже не можетъ быть поглощенъ этими занятіями.

Г. В. В. повидимому, думаетъ иначе, такъ какъ, съ его точки зрѣнія, если 10 человѣкъ дѣлаютъ то, что могли бы исполнить 5, цѣнность продукта отъ этого удваивается. Но люди, въ самомъ дѣлѣ цѣнящіе человѣческій трудъ какъ источникъ народнаго богатства, такъ не думаютъ.

Какъ бы то ни было, въ нашей средней зем-

момъ дѣлѣ потребленіе нашего русскаго народа далеко не достигаетъ этихъ размѣровъ. Споръ объ этомъ предметѣ былъ бы совершенно празднымъ, такъ какъ статистическія цифры о сборѣ у насъ хлѣбовъ заслуживаютъ мало довѣрія. Я принимаю здѣсь за основаніе тотъ размѣръ продовольствія, который установился въ войскахъ и въ помѣщичьихъ экономіяхъ.

ледѣльческой полосѣ, то-есть на сѣверномъ, не степномъ черноземѣ, при среднемъ распространеніи пашень на 75—80% всей площади и при совершенномъ отсутствіи специальныхъ культуръ, крайній размѣръ потребнаго для сельскаго хозяйства населенія можетъ выразиться въ 50 душъ *) на кв. версту или на 105 дес. При такой густотѣ населенія вполнѣ обезпечено производство работъ въ самое горячее время, то-есть въ моментъ уборки.

Усилить эту цифру, то-есть увеличить потребность въ рабочихъ рукахъ могло бы лишь одно обстоятельство — распространеніе далѣе на сѣверъ культуры свекловицы, что представляется довольно мало вѣроятнымъ. Всѣ прочіе агрономическіе успѣхи—распространеніе машинъ и введеніе травосѣянія—могутъ только сократить потребность въ рабочихъ рукахъ.

Посмотримъ теперь, какой размѣръ урожая удовлетворитъ потребностямъ этого населенія *). Все превышающее этотъ размѣръ, очевидно, уже пойдетъ для вывоза, то-есть будетъ обращено на потребности городского населенія и другихъ мѣстностей Россіи, или наконецъ пойдетъ за-границу.

Если пашня занимаетъ 80% всей площади, то при трехпольномъ сѣвооборотѣ на кв. версту придется 27 дес. озимыхъ хлѣбовъ. Предположимъ

*) Въ это число включены дѣти.

*) Дѣйствительная густота населенія въ средней земледѣльческой полосѣ почти уже повсемѣстно нѣсколько превышаетъ 50 душъ на кв. версту.

для краткости, что сѣется исключительно рожь, и населеніе питается только мукой изъ этого хлѣба.

На 50 душъ потребуется, какъ замѣчено выше, по разсчету 15 пудовъ на жителя, всего 750 пуд. зерна, что соотвѣтствуетъ 27,7 пуд. ржи на десятину. Если мы къ этой цифрѣ прибавимъ 9 пуд. сѣмянъ, то получится какъ разъ тотъ урожай ржи, который земскою статистикою признается среднимъ для крестьянскихъ земель. Стало-быть, если земская статистика права, въ чемъ позволительно усомниться, весь нашъ хлѣбный вывозъ и все продовольствіе городовъ и не черноземныхъ губерній исключительно зависитъ отъ помѣщичьяго хлѣба. Стало-быть, если бы осуществилось желаніе народниковъ, и вся русская земля сдѣлалась крестьянскою, Россія не только не явилась бы производительницею зерна на вывозъ, но ей не хватило бы собственнаго хлѣба. Нѣкоторую поправку въ приведенномъ разсчетѣ даютъ, впрочемъ, два обстоятельства, Во-первыхъ, крестьянскіе урожаи, на самомъ дѣлѣ, едва-ли такъ низки, какъ увѣряетъ насъ статистика; во-вторыхъ, подспорьемъ въ крестьянскомъ продовольствіи являются картофель, горохъ, пшено и гречневая крупа *), что низводитъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ размѣръ потребленія зерна до 10 и даже до 7,5 пуд. на жителя **).

*) Посѣвы пшеницы у крестьянъ измѣняютъ нашъ разсчетъ лишь въ томъ смыслѣ, что сѣющіе ее крестьяне вынуждены прикупать рожь на вырученныя за пшеницу деньги.

** Сельское и лѣсное хозяйство Россіи, стр. 140.

Какъ бы то ни было, дѣло обстояло бы очень плохо, если бы имѣлся у насъ одинъ крестьянскій хлѣбъ, и отрицать пользу отъ усовершенствованія культуры, а стало-быть и отъ наличности землевладѣльческихъ хозяйствъ — довольно таки легкомысленно.

V.

Наше сельское хозяйство страдаетъ отъ двухъ золъ, съ перваго взгляда какъ будто противорѣчащихъ одно другому и тѣмъ не менѣе существующихъ одновременно. Съ одной стороны, производительность его слишкомъ низка, особенно на крестьянскихъ поляхъ; съ другой, намъ некуда дѣвать получаемый ежегодно урожай зерна. Одна изъ этихъ бѣдъ—низкая производительность нашего по преимуществу зерноваго хозяйства—ведетъ къ необезпеченности народнаго продовольствія. Вторая—къ слабой доходности земледѣлія.

Я не берусь высчитывать, насколько нашъ вывозъ идетъ въ ущербъ домашнему потребленію, не берусь потому, что сколько нибудь точное вычисленіе урожая мнѣ кажется совершенно невозможнымъ. Статистика вообще очень невѣрное зеркало экономическаго быта, а тамъ, гдѣ она вынуждена полагаться на показанія волостныхъ писарей, ей нельзя довѣрять и подавно. Одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно—слабая производительность крестьянскихъ полей, при каждомъ неурожаѣ, ставитъ наше сельское населеніе лицомъ къ лицу съ призракомъ голода. Менѣе слабая, но тоже недостаточная, производительность хозяйства помѣщиковъ лишаетъ ихъ всякаго барыша при теперешнихъ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Такимъ образомъ, и народное и капиталистическое земледѣліе, или, выражаясь проще, мелкое и крупное хизяйства одинаково шатки и безпомощны. Между тѣмъ, рабочее населеніе, даже въ случаѣ недорода, не можетъ пополнить недостатокъ собственнаго хлѣба покупкою владѣльческаго, такъ какъ отсутствіе заработковъ лишаетъ его денежныхъ средствъ. Я намѣренно говорю здѣсь «рабочее», а не крестьянское населеніе, такъ какъ въ неурожайный 1891 годъ городскіе мѣщане были поставлены въ такое же затруднительное положеніе, какъ и жители деревень. Когда своего хлѣба недостаточно, народъ не доѣдаетъ, сокращая свое потребленіе до невозможности.

Такимъ образомъ, единственный выходъ изъ теперешняго угнетеннаго состоянія, какъ земледѣлія, такъ и самого земледѣльческаго класса—возможно большее расширеніе внутренняго рынка. Необходимо, чтобы теперешній излишекъ производителей зерна,—излишекъ, неспособный это зерно покупать, когда его не хватаетъ,—обратился къ производству чего нибудь иного.

Излюбленный рецептъ противъ болѣзни перенаселенія—эмиграція на окраины—не годится уже потому, что въ урожайный годъ распашка новыхъ цѣлинъ привела бы только къ сильнѣйшему пониженію цѣнъ на хлѣбъ, а въ неурожайный все-таки

не спасла бы народъ отъ нужды. Разсчитывать на колонизацію окраинъ, какъ на спасительный клапанъ отъ крестьянской тѣсноты — значитъ предаваться завѣдомой и вредной иллюзіи. Въ цѣломъ мірѣ избытокъ сельскаго населенія шелъ въ города, создавая тамъ новые предметы для внутренняго обмѣна, и то самое, что обусловливаетъ нашу бѣдность, становилось на Западѣ источникомъ народнаго обогащенія. Сойти съ этого историческаго пути нѣтъ возможности. Насъ прельщаетъ обиліе свободныхъ земель и мы не хотимъ видѣть, что усиленная ихъ распашка, все болѣе увеличивая односторонность нашего производства, поведетъ насъ все дальше по наклонной плоскости къ разоренію.

Пока, въ самомъ дѣлѣ, около 95°/₀ русскаго населенія будетъ занято производствомъ зерна, мы не выйдемъ изъ ложнаго круга, созданнаго у насъ невыгоднымъ распредѣленіемъ рабочей силы. Съ одной стороны, необходимо поднять продуктивность земледѣлія, чтобы обезпечить народъ отъ нужды, а землевладѣльцевъ спасти отъ вынужденной продажи имѣній. Съ другой, всякій значительный подъемъ хлѣбнаго производства еще болѣе наводнитъ рынокъ, и безъ того переполненный. Сельское населеніе у насъ слишкомъ многочисленно и съ точки зрѣнія производства, въ которомъ нечего дѣлать избытку рукъ, и съ точки зрѣнія потребленія, такъ какъ въ неурожайный годъ этотъ излишекъ рукъ превращается въ такой же избытокъ

ѣдоковъ. Внутренній рынокъ пока не въ состояніи поглотить ежегодно производимаго зерна и дать работу свободнымъ рукамъ.

Г. В. В. силится доказать, что даже тамъ, гдѣ лишь 75°/₀ населенія посвящаютъ себя земледѣлію, некому покупать его продукты. Каково же должно быть положеніе страны, гдѣ не 75°/₀, а цѣлыхъ 90°/₀ заняты производствомъ зерна?

Перенаселеніе средней земледѣльческой полосы, даже помимо статистики, бросается въ глаза изъ сопоставленія друхъ несомнѣнныхъ фактовъ.

Уже къ концу 60-хъ годовъ распашка земель въ этой полосѣ достигла теперешнихъ размѣровъ, такъ что распахивать ничего уже не осталось, и наличныхъ рабочихъ рукъ вполнѣ хватало и тогда на производство работъ. Съ тѣхъ поръ, населеніе возросло, а новыхъ занятій для него на мѣстѣ не отыскалось. За послѣдніе годы, какъ разъ со времени неурожая 1891 г., каждое лѣто идетъ изъ черноземной полосы усиливающійся отливъ рабочихъ на южныя и юго-восточныя степи. Этимъ неправильнымъ и рискованнымъ отхожимъ промысломъ мѣстное населеніе старается освободиться отъ своего излишка.

Не стоитъ доказывать, какъ мало обезпечиваетъ его потребности въ постороннемъ заработкѣ этотъ крайне невѣрный промыселъ. Нечерноземныя губерніи, гдѣ населеніе не такъ густо, но гдѣ и посѣвная площадь значительно меньше, давно нашли исходъ въ городскихъ отхожихъ промыслахъ, и по-

стоянно растущій спросъ на рабочія руки въ столицахъ шелъ въ уровень съ возрастаніемъ населенія. Нельзя сказать, чтобы и этотъ способъ использованія народнаго труда былъ наилучшимъ изъ возможныхъ.

Дурныя стороны постояннаго кочеванія въ столицы ярославскихъ, тверскихъ, владимірскихъ крестьянъ достаточно извѣстны, чтобы на этомъ вопросѣ не приходилось настаивать. Но столичные заработки все-таки даютъ населенію промышленныхъ губерній вѣрное помѣщеніе довольно хорошо оплаченнаго труда. Не то мы видимъ на черноземѣ. Тамъ отливъ рабочихъ рукъ проявляется пока въ безпорядочной формѣ, населеніе мечется въ сторону, не отыскавъ еще вѣрнаго помѣщенія своего труда. Процессъ находится пока въ первой, зачаточной стадіи. А между тѣмъ онъ съ каждымъ годомъ требуетъ все настойчивѣе правильнаго разрѣшенія и усложняется еще однимъ обстоятельствомъ, вызваннымъ все тѣмъ-же избыткомъ населенія. Въ центральной земледѣльческой полосѣ не только слишкомъ много рабочихъ рукъ для потребностей земледѣлія,—эти руки еще вдобавокъ самымъ невыгоднымъ образомъ распредѣляются по отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Дробленіе крестьянскихъ дворовъ и размноженіе безлошадныхъ, нерабочихъ хозяевъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ переселенія съ одной стороны, безконечной дробимости крестьянскихъ надѣловъ съ другой.

А между тѣмъ измельчаніе дворовъ не только создаетъ микроскопическія хозяйства, не способныя покрыть расходы на поддержаніе и ремонтъ построекъ и орудій,—оно еще прикрѣпляетъ искусственнымъ образомъ населеніе къ безусловно невыгодному хозяйству. Тамъ, гдѣ многочисленная семья могла бы отпускать на сторону, хотя бы на работу въ помѣщичьи экономіи, одного или двухъ изъ своихъ членовъ, семья однодушника вынуждена сидѣть на мѣстѣ и большей частью обрабатывать свой клочекъ земли чужимъ инвентаремъ.

Этимъ, впрочемъ, далеко не исчерпываются невыгодныя и, можно прямо сказать, безсмысленныя условія нашего сельскаго быта.

Чрезмѣрному измельчанію отдѣльныхъ хозяйствъ соотвѣтствуетъ столь же чрезмѣрная сплоченность земледѣльческаго населенія въ огромныхъ деревняхъ, по своимъ размѣрамъ зачастую превышающихъ наши уѣздные города. И явленіе это, по странной ироніи судьбы, все усиливается по мѣрѣ удаленія отъ центра къ окружности. Можно признать за правило, что крестьянское населеніе тѣмъ болѣе тѣснится въ крупныхъ селахъ, чѣмъ оно вообще рѣже.

Такимъ образомъ, получаются сразу двѣ аномаліи: отдѣльныя крестьянскія хозяйства по своимъ размѣрамъ соотвѣтствуютъ карликовымъ хозяйствамъ запада, какъ будто они должны приспособляться къ высокой интензивной культурѣ. Между формою хозяйства и его объемомъ возникаетъ, та-

кимъ образомъ, рѣзкій контрастъ. Въ тоже время общая площадь надѣла цѣлаго селенія въ большинствѣ случаевъ такъ велика, что совершенно исключаетъ возможность вывозки удобренія на отдаленныя части дачи и сильно затрудняетъ своевременную уборку. Все, такимъ образомъ, соединяется для того, чтобы сдѣлать у насъ крестьянское хозяйство убыточнымъ. Размѣръ владѣній отдѣльныхъ дворовъ слишкомъ мелокъ для условій нашей экстензивной культуры, форма и размѣръ отведенныхъ цѣлымъ селеніямъ дачъ, наоборотъ, слишкомъ велики для правильнаго веденія хотя бы этого экстензивнаго хозяйства. Въ цѣломъ мірѣ крупныя поселенія возникали тамъ лишь, гдѣ происходила оживленная торговля и сосредоточивались промыслы. У насъ они возникаютъ среди голыхъ степей, гдѣ никакихъ занятій, кромѣ земледѣлія, нѣтъ.

Другая слабая сторона крестьянскаго земледѣлія—его крайняя односторонность. Все крестьянское хозяйство, почти на цѣломъ пространствѣ Россіи, ограничивается производствомъ зерна. Сколько нибудь распространенныхъ спеціальныхъ культуръ нѣтъ вовсе, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстностей, какъ ближайшія окрестности обѣихъ столицъ, огородническій раіонъ Ярославской губ., Гуслицкое хмѣлеводство, табачныя плантаціи Полтавской и южныхъ уѣздовъ Черниговской губ., свекловичныя плантаціи въ западныхъ уѣздахъ Харьковской, наконецъ, разведеніе винограда

въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Херсонской и Таврической. Внѣ этихъ раіоновъ, разнообразіе вноситъ въ крестьянское земледѣліе развѣ неизбѣжная конопля, да нѣсколько полосокъ картофеля.

Плодовые сады являются рѣдкостью, кромѣ Малороссіи, Симбирской и отчасти Воронежской губ. Изъ своихъ огородовъ крестьяне извлекаютъ, большею частью, самую ничтожную пользу, сплошь и рядомъ засѣвая ихъ хлѣбомъ, или обращая подъ лугъ. Даже капуста и огурцы высѣваются далеко не вездѣ. За послѣднее время было много ликованій, благодаря начавшемуся у крестьянъ распространенію посѣвовъ клевера. Но что значатъ эти рѣдкіе примѣры уклоненія отъ вѣковѣчной, повсюду царящей, рутины и много ли они способствуютъ общему подъему крестьянскаго земледѣлія, особенно въ виду того, что клеверъ у крестьянъ почти нигдѣ не входитъ въ постоянный сѣвооборотъ?

Доказывать пользу отъ разнообразія земледѣльческихъ культуръ было бы совершенно излишнимъ. Для людей, хоть сколько-нибудь знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, это вопросъ давно рѣшенный, а гг. народники на признаютъ и очевидности. Г. В. В., между прочимъ, въ своей статьѣ «Русскій марксизмъ» [1]) набросился на профессора Скворцова за то, что послѣдній въ своей книгѣ о причинахъ голодовокъ въ Россіи отстаиваетъ пользу отъ введенія кормовыхъ травъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Г. Скворцовъ провинился тѣмъ,

[1]) В. В. ibid. стр. 286 и с. с

по мнѣнію г. В. В., что одновременно стоитъ за однообразіе культуръ и ополчается противъ недостаточной специализаціи труда при натуральномъ хозяйствѣ. И въ этомъ почтенный критикъ усматриваетъ вопіющее противорѣчіе. Г. Скворцовъ, быть можетъ, выразился съ недостаточною ясностью, но мысль его г. В. В. могъ бы легко понять, тѣмъ болѣе, что она принадлежитъ къ числу общеизвѣстныхъ и даже нѣсколько избитыхъ положеній экономической науки. То разнообразіе занятій, которое имѣетъ мѣсто при натуральномъ хозяйствѣ,— нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ разнообразіе культуръ въ строгомъ смыслѣ. Чѣмъ болѣе воздѣлывается различныхъ сортовъ растеній, чѣмъ виднѣе мѣсто, занимаемое въ земледѣліи корнеплодами и мотыльковыми,—тѣмъ лучше, конечно, и съ точки зрѣнія производительности почвы и въ смыслѣ шансовъ хозяина выгодно сбыть свои продукты.

Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что земледѣлецъ долженъ быть непремѣнно и кузнецомъ, и слесаремъ, и сапожникомъ, и носить одну самодѣльщину, словомъ, что его хозяйство должно стать маленькимъ замкнутымъ міркомъ. Конечно, очень хорошо, если зимніе мѣсяцы не пропадаютъ у крестьянина даромъ и заводится у него какой-нибудь домашній промыселъ. Но для успѣшности такого промысла надо, чтобы онъ отдался ему весь, а не разбрасывался на цѣлый десятокъ различныхъ производствъ, не достигая ни въ одномъ изъ нихъ

мастерства. Вотъ что хотѣлъ сказать г. Скворцовъ, и онъ былъ совершенно правъ.

Такимъ образомъ, опредѣленіе болѣзни, отъ которой страдаетъ нашъ сельскій бытъ, сдѣлано гг. народниками невѣрно, какъ неправиленъ и предлагаемый ими способъ лѣченія.

Не основательны ихъ жалобы на исчезновеніе натуральнаго хозяйства и на усиленный обмѣнъ крестьянскаго сырья на фабрикаты. Не оттого земледѣльческое населеніе бѣдно, что оно вывозитъ на рынокъ слишкомъ много своихъ продуктовъ, а потому, что этихъ продуктовъ у него слишкомъ мало и получаетъ оно за нихъ через-чуръ низкую цѣну. Какъ скоро крестьяне отъ натуральныхъ повинностей перешли къ денежнымъ, какъ скоро возникло земское обложеніе, и крестьянамъ пришлось выплачивать свои мірскіе расходы, они были поставлены въ необходимость сбывать свой хлѣбъ на сторону и пріискивать себѣ новые заработки. Хорошо это или дурно,—во всякомъ случаѣ такой поворотъ въ ихъ хозяйствѣ сдѣлался неизбѣжнымъ, вслѣдствіе реформъ 60-хъ годовъ. Оплакивающіе этотъ поворотъ должны, такимъ образомъ, оплакивать за одно и реформы, давшія крестьянамъ гражданскую свободу и сдѣлавшія ихъ участниками въ мѣстномъ самоуправленіи. Желѣзныя дороги, поднявъ цѣну на зерно въ самыхъ глухихъ углахъ чернозема и усиливъ передвиженіе, только облегчили крестьянамъ этотъ трудный переходъ, и проклинать ихъ за это нѣтъ основаній. Что крутые

переломы въ народной жизни не обходятся безъ жертвъ—это истина давно извѣстная, и тѣмъ, кто сожалѣетъ о старинѣ, надо бы поближе вникнуть въ ея слишкомъ забытыя черты и сравнить, что выиграло и что проиграло русское населеніе отъ преобразованій 60-хъ годовъ.

Столь же неосновательны сѣтованія на ростъ капитализма и на мнимое подавленіе имъ кустарныхъ промысловъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти промыслы существовали, они на лицо до сихъ поръ. А тамъ, гдѣ ихъ не было и въ до-реформенное время, капитализму нечего было убивать. Правда, одинъ изъ прежнихъ крестьянскихъ промысловъ—зимній извозъ—дѣйствительно сократился, благодаря желѣзнымъ дорогамъ.

Но, во-первыхъ, если теперь стали не нужны караваны, прежде отправлявшіеся по санному пути за сотни верстъ, за то оживился мѣстный подвозъ къ ближайшимъ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Во вторыхъ, сокращеніе извоза должно было отозваться сокращеніемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ излишнихъ лошадей: а это никакого убытка за собой не повело бы, такъ какъ число лошадей въ нашихъ деревняхъ всегда превышало потребность въ нихъ для чисто земледѣльческихъ работъ. Къ сожалѣнію, крестьяне этого сдѣлать не смогли, благодаря семейнымъ раздѣламъ и размноженію дробныхъ хозяйствъ: тамъ, гдѣ крупный дворъ могъ бы обходиться двумя или тремя лошадьми, мелкія хозяйства, на которыя онъ

разбился, зачастую должны были въ совокупности содержать трехъ или четырехъ. Въ концѣ-концовъ общее число головъ, вплоть до 1894 года, нигдѣ замѣтно не сокращалось, хотя распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ хозяйствамъ и стало неравномѣрнѣе прежняго.

Странно было бы также упрекать крупную промышленность за то, что она соблазняетъ крестьянъ своими дешевыми издѣліями. Усматривать въ этомъ бѣду можно бы лишь въ томъ случаѣ, если бы фабрикаты вытѣснили съ рынка прежнія домашнія издѣлія. Но этого, опять-таки, не случилось и случиться не могло просто въ силу того, что крестьяне своей самодѣльщины никогда на рынокъ не возили. Къ чему сходятся, въ концѣ концовъ, тѣ «продукты» домашняго труда, исчезновеніе которыхъ такъ оплакиваютъ гг. народники?

Лапти замѣнились кожаною обувью, посконныя и пестрядинныя рубахи миткалевыми. Кому дорогъ крестьянскій лапоть, какъ трогательный символъ стародавней простоты нравовъ, тому, конечно, не возбраняется о немъ сожалѣть—о вкусахъ не спорятъ. Какъ бы то ни было, лапоть, кажется, осужденъ на безповоротную гибель, за одно съ нѣкоторыми другими драгоцѣнными воспоминаніями старины, какъ плети, застѣнки и безвинные заработки секретарей покойныхъ уѣздныхъ судовъ. Если съ нѣкоторыхъ поръ національная одежда вообще стала уступать мѣсто довольно таки безобразному полугородскому костюму, то виноватъ въ

этомъ не капитализмъ, а столичные соблазны и трактирная цивилизація.

Но что же подѣлать, коли воздѣйствіе городской культуры на грубый народъ сказывается въ неуклюжей формѣ? Не воспретить же изъ за этого гг. сельскимъ обывателямъ въѣздъ въ столицы! Что же касается злополучной миткалевой рубахи— этого главнаго кошмара гг. народниковъ, то распространеніе ея стало бы разорительнымъ для народа въ томъ лишь случаѣ, если бы сократились вслѣдствіе того посѣвы льна и конопли. Но такого сокращенія что-то не замѣтно.

Неправильный діагнозъ всегда вызываетъ и неправильное леченіе. Такъ оно случилось и съ гг. народниками. Они увѣряютъ насъ, что фабричное производство, разобщая земледѣльца съ промышленникомъ, отнимаетъ у сельскаго населенія трудъ цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ въ году и что размноженіе дешевыхъ фабрикатовъ до того запружаетъ рынокъ, что сбытъ ихъ становится невозможнымъ.

Ни о возможности усилить покупную способность народа, ни о вывозѣ заграницу они при этомъ даже не помышляютъ. Трудно, впрочемъ, опредѣленно сказать, наступилъ ли уже для Россіи часъ этихъ бѣдствій или грозятъ они ей только въ будущемъ, такъ какъ гг. народники любятъ выражаться туманно и обыкновенно разсуждаютъ о какомъ то отвлеченномъ государствѣ, ничего общаго съ Россіею не имѣющемъ. Какъ бы то ни было, желая избавить наше отечество отъ этихъ мнимыхъ бѣдствій, они рекомендуютъ всячески затормозить развитіе промышленнаго производства и примѣненіе капитала къ земледѣлію. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ оживленію слабаго внутренняго обмѣна, они желали бы его ослабить еще болѣе. Вмѣсто того, чтобы пріискать занятія для излишка сельскаго населенія и поднять работу нашего фабричнаго до европейскаго уровня, они видятъ спасеніе въ одномъ лишь—въ дальнѣйшемъ распространеніи плохой крестьянской культуры. Ихъ идеалъ—Россія, замкнутая отъ остальнаго міра, Россія мужицкая, производящая хлѣбъ только на себя и домашніе фабрикаты до того плохіе, что никто бы ихъ не покупалъ. Другими словами, наше отечество мерещится имъ въ будущемъ какъ новый Китай, но Китай, гдѣ чай и рисъ замѣнились бы овсомъ и рожью и гдѣ народный трудъ не тратился бы на такіе пустяки, какъ фарфоровыя и шелковыя издѣлія высокаго качества.

Трехполье, какъ крайній предѣлъ для нашей агрономіи, деревянная посуда вмѣсто фарфора, лапти, тулупы и самодѣльныя рубахи на одежду, и, въ особенности, поменьше машинъ, какъ можно поменьше,—вотъ блестящая картина экономическаго благополучія, какую намъ рисуютъ гг. народники.

Но невольное сознаніе истины и у нихъ коегдѣ просвѣчиваетъ. Статья г. В. В. о капиталистической эволюціи заканчивается тирадой противъ милитаризма—тирадой, гдѣ онъ, между прочимъ, оплакиваетъ напрасную трату людей на безполез-

ную солдатчину. „Народное производство—говоритъ авторъ—регулируемое дѣйствительными потребностями производителя, не даетъ избыточнаго продукта“ [1]). Выборъ ясенъ—съ одной стороны, военная служба отвлекаетъ рабочія руки отъ производства, а, съ другой, при народномъ производствѣ нечѣмъ оплачивать военный бюджетъ.

Признаніе драгоцѣнное! Оно свидѣтельствуетъ какого рода богатство намъ сулитъ фантазія гг. народниковъ. Избытка продуктовъ не будетъ, и населеніе окажется неспособнымъ уплачивать налоги. Есть, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ похвалиться! Если мы дѣйствительно страдаемъ отъ избытка своего производства, а не какъ разъ наоборотъ — отъ этого недуга рецептъ гг. народниковъ насъ излечитъ радикально.

VI.

Обратимся теперь въ другую сторону, откуда слышатся голоса совсѣмъ иные, — голоса марксистовъ западнаго толка.

Г-нъ Струве—и большое ему за это спасибо—очень категорически формулировалъ свою программу въ девятнадцати афоризмахъ, заключающихъ въ себѣ весь сокъ его изслѣдованія.

Онъ прежде всего различаетъ два сорта капитализма, развитіе которыхъ, по его словамъ, имѣетъ огромное объективное экономическое и общекультурное значеніе [1]). Капитализмъ въ широкомъ смыслѣ—это переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому; и появленіе его на свѣтъ неминуемо влечетъ за собою и капитализмъ въ тѣсномъ смыслѣ, то есть крупное централизованное производство.

Явленіе это, правда, совершается только въ обрабатывающей промышленности (тезисъ 5-й), но вліяетъ оно и на земледѣліе, повышая его производительность (тезисъ 4-й), сокращая сельское населеніе, при соотвѣтственномъ ростѣ городского, (тезисъ 6-й) и кореннымъ образомъ измѣняя экономическій и моральный обликъ земледѣльческаго производителя (тезисъ 7-й). Для Россіи въ этомъ процессѣ является первичнымъ факторомъ вовлеченіе ея сельскаго хозяйства въ сферу товарнаго обращенія (тезисъ 9-й). Кризисъ русскаго крестьянскаго хозяйства вызванъ прежде всего перенаселеніемъ (тезисъ 15-й). Бѣдность нашихъ крестьянъ не вызвана развитіемъ капитализма, а наоборотъ является наслѣдіемъ натуральнаго хозяйства (тезисъ 16-й). И устранить эту бѣдность можно лишь созданіемъ внутренняго рынка, который будетъ опираться на прогрессирующее, земледѣльческое производство (тезисъ 17-й). Благодаря обширности Россіи, рынокъ этотъ можетъ неопредѣленно рости, что и создаетъ у насъ особенно благопріятныя условія для развитія капитализма. Здравая экономическая политика должна заключаться въ содѣй-

[1]) В. В. ibid. стр. 206.

[1]) Струве, «Критич. замѣтки» стр. 282.

ствіи этому процессу (тезисъ 19-й). Притомъ (тезисъ 11-й и 12-й), благодаря разобщенію промышленнаго рабочаго населенія отъ земледѣльческаго и вызванному капитализмомъ массовому производству, создается благопріятная почва для будущей обобществленной организаціи труда.

Покончивъ съ своими афоризмами, г-нъ Струве пускается въ философію, ощущая потребность обосновать свои экономическіе выводы на отвлеченной доктринѣ.

Какъ свѣже-выпущенный изъ корпуса молодой офицеръ при каждомъ удобномъ случаѣ звякаетъ шпорами, такъ и нашъ юный изслѣдователь то и дѣло угощаетъ читателя мудреными терминами, очевидно, желая пощеголять своею начитанностью.

Вотъ образчикъ этихъ глубокомысленныхъ разсужденій [1]). «Идеи и идеалы, съ нашей точки зрѣнія, историческая сила только, поскольку они необходимое слѣдствіе процесса экономическаго развитія, который самъ всегда происходитъ «на достаточномъ основаніи» и представляетъ собой коллективное творчество, въ конечномъ счетѣ носящее такой же стихійный, а потому и закономѣрный характеръ, какъ и всѣ другія измѣненія въ окружающемъ насъ мірѣ. Открыть «достаточное основаніе» этихъ измѣненій—задача объективнаго изслѣдованія».

---

[1]) Струве. Ibid. стр. 285.

Болѣе удобопонятный смыслъ этой фразеологіи таковъ: экономическія преобразованія совершаются не по личному почину людей, а въ силу роковой необходимости. Нельзя, стало быть, при оцѣнкѣ этихъ преобразованій, руководствоваться субъективными взглядами, то есть, говоря по просту, своими симпатіями. Надо объективно изучить условія совершающихся процессовъ. Такъ, съ субъективной точки зрѣнія, «торговля, обмѣнъ,—говоритъ г-нъ Струве,—являясь носителемъ крайняго хозяйственнаго эгоизма и индивидуализма, есть зло и мерзость». Почему такъ, съ какой стати торговля и обмѣнъ кажутся г-ну Струве мерзостью—это уже надо оставить на его отвѣтственности. Здѣсь онъ, очевидно, уже черезчуръ бойко звякнулъ шпорами. Но юный мыслитель спѣшитъ оговориться. Эта самая мерзость, съ объективной точки зрѣнія, является, по его же словамъ, «огромнымъ факторомъ культурнаго прогресса». И вотъ почему, не смотря на то, что капитализмъ, какъ эксплоатація ближняго, въ глазахъ г-на Струве, несомнѣнное зло, онъ въ концѣ своей книги совѣтуетъ «итти на выучку» къ этому самому капитализму. За такой совѣтъ онъ и подвергся, какъ извѣстно, усердному бичеванію со стороны г-дъ народниковъ, отъ г. Михайловскаго до г. Южакова включительно.

А между тѣмъ г-ну Струве и его оппонентамъ было бы такъ легко спѣться на почвѣ будущаго торжества ихъ общихъ идеаловъ. Самъ г-нъ Южаковъ едва ли разсчитываетъ, что столь любезная

его сердцу національзація совершится на дняхъ. А какимъ путемъ идутъ къ этой завѣтной цѣли наши разномыслящіе экономисты,—въ сущности, не все ли это равно? Вѣдь Россія, въ концѣ концовъ, будетъ продолжать двигаться своимъ историческимъ оригинальнымъ путемъ, не слишкомъ много справляясь съ мнѣніемъ нашихъ публицистовъ. Впрочемъ, немудрено, что народники г-на Струве не поняли: онъ не совсѣмъ понялъ себя и самъ, безъ всякой надобности приплетая къ своей разумной экономической программѣ тяжеловѣсную обузу мнимо-научной теоріи.

Если, въ самомъ дѣлѣ, выкинуть изъ книги г-на Струве довольно смутныя надежды на имѣющее когда нибудь совершиться «обобществленіе» и освободить ее отъ ненужнаго философскаго балласта, его программа очень близко подойдетъ къ тому, что я позволилъ себѣ высказать на предидущихъ страницахъ. А произвести эту операцію надъ работой молодого ученаго вовсе не трудно. Онъ самъ вѣдь плохо вѣритъ въ грядущее «обобществленіе», о которомъ привыкъ мечтать лишь изъ сыновной вѣрности своему великому учителю Марксу. Отрѣшись г-нъ Струве отъ этого фетишизма, и цѣльность его взглядовъ только выиграетъ.

Самъ вѣдь онъ говоритъ въ концѣ своей книги, что крѣпостное право, на почвѣ теперешней народной безпомощности, было бы меньшей утопіей, чѣмъ пресловутое обобществленіе. А такъ какъ едва ли отыщется въ цѣлой Россіи тотъ сумасшедшій, кто мечталъ бы о возстановленіи крѣпостного права, шансы обобществленія, повидимому, не особенно блестящи. Но оставимъ этотъ чисто академическій споръ, г-нъ Струве, вѣроятно, самъ когда нибудь додумается до неизбѣжнаго логическаго вывода изъ своихъ положеній. Гораздо существеннѣе другая сторона проповѣдуемаго г-омъ Струве ученія,—его наклонность усматривать въ экономическихъ явленіяхъ что то роковое, непредотвратимое. Этотъ экономическій фатализмъ побуждаетъ г-на Струве, а съ нимъ за одно и всѣхъ экономистовъ западниковъ, итти гораздо дальше въ поклоненіи капитализму, чѣмъ самые заправскіе консерваторы. Г. Струве разсуждаетъ такъ: капитализмъ, разумѣется, зло, но зло неизбѣжное, и притомъ такое, которое неразлучно съ прогрессомъ. А, стало быть... стало быть, давайте всячески ускорять его развитіе. Г. Струве не задумывается даже надъ явнымъ противорѣчіемъ, въ которое впадаетъ: рокового процесса ни замедлить, ни ускорить нельзя. О чемъ же тутъ хлопотать? Бѣда въ томъ, что самымъ умнымъ людямъ очень рѣдко удается сохранить полное равновѣсіе между двумя противорѣчіями.

Когда говоришь себѣ, что неизбѣжное зло приноситъ съ собою огромную массу добра, поневолѣ начинаешь этому злу сочувствовать, самъ того не замѣчая. А такъ какъ еще труднѣе взаправду убѣдить себя въ безпомощности людскаго почина, рѣдкому мыслителю удается сохранять вѣрность своей

теоріи и проповѣдывать полное бездѣйствіе въ виду грядущихъ событій.

Правда, такая забота объ ускореніи неизбѣжнаго зла очень походитъ на совѣтъ доктора, который сказалъ бы матери семейства: корь неизбѣжная дѣтская болѣзнь, и чѣмъ раньше она наступитъ, тѣмъ лучше. Стало быть, старайтесь вашихъ дѣтей заразить корью». — Передъ такимъ выводомъ, который едва ли бы рѣшился формулировать экономистъ классической школы, ученикъ Маркса не останавливается оттого, что онъ въ плѣну у теоріи о мнимомъ схематическомъ процессѣ развитія всѣхъ народовъ. И потому также, что капитализмъ — одно изъ тѣхъ смутныхъ неопредѣленныхъ понятій, которыя очень годятся для боевого клича, но въ научное изслѣдованіе вносятъ нѣкоторый сумбуръ.

Оставимъ на время, однако, г. Струве и займемся его товарищемъ по оружію г. Бельтовымъ. Мы тогда яснѣе увидимъ, гдѣ ошибка сторонниковъ такъ называемаго экомическаго матеріализма.

VII.

Г. Бельтовъ еще съ большимъ задоромъ, чѣмъ г. Струве, ополчается на злосчастную фалангу народниковъ, осыпая ихъ не совсѣмъ лестными эпитетами. Цѣль его книги доказать нелѣпость тѣхъ сентиментальныхъ иллюзій, которымъ Россія мерещится, какъ шестая часть свѣта, не подчиняющаяся общимъ историческимъ законамъ. Другими

словами, онъ стремится доказать, что нельзя строить будущее Россіи на стародавнихъ прогнившихъ устояхъ и что часъ обще-европейскаго капитализма уже пробилъ и для нашего отечества. Въ сущности, это старинный споръ западниковъ и славянофиловъ, только перенесенный на экономическую почву. Однимъ кажется, что полный разцвѣтъ идеальнаго русскаго строя впереди и что добраться до соціалистическаго эдема надо путемъ капитализма. Другіе мнятъ, что эдемъ этотъ насажденъ издавна и надо лишь воскресить корни народнаго быта, нѣсколько пострадавшіе отъ дурного ухода чужестранныхъ садовниковъ. Г. Бельтовъ не даетъ себѣ труда позаняться фактическими данными о состояніи русскаго производства. Онъ ограничивается ссылками на своихъ противниковъ, показывающими, что гг. народники сами не высокаго мнѣнія о процвѣтаніи русскаго производства. Положительная сторона книги г. Бельтова очень бѣдна содержаніемъ. За то онъ вооружается цѣлымъ скопищемъ знаменитыхъ именъ, чтобы поразить своихъ противниковъ на философской почвѣ. При этомъ онъ обнаруживаетъ большую діалектическую изворотливость, но еще больше развязнаго задора, не всегда церемонящагося съ логикой. Г. Струве поражаетъ насъ градомъ цитатъ изъ самоновѣйшихъ, и притомъ второстепенныхъ, экономистовъ, г. Бельтовъ, наоборотъ, пренебрегая современной литературой, обращается къ прошлому и мимоходомъ, какъ бы шутя, направляетъ свою критику противъ самыхъ

крупныхъ мыслителей минувшаго и текущаго вѣка. Посмотримъ же, къ чему его привела эта философская экскурсія.

Самое заглавіе книги г. Бельтова [1]) показываетъ, что онъ не ограничивается вопросомъ о наилучшей организаціи русскаго производства. Рѣшеніе этой задачи онъ подчиняетъ вопросу несравненно болѣе широкому, захватывающему все историческое развитіе человѣчества.

Г. Бельтовъ стремится доказать, что экономическій матеріализмъ, сторонникомъ котораго онъ себя признаетъ,—ничто иное, какъ одна изъ отраслей матеріализма вообще, какъ примѣненіе его къ области экономическихъ явленій. «Матеріализмъ, говоритъ г. Бельтовъ, есть прямая противоположность идеализма. Идеализмъ стремится объяснить всѣ явленія природы, всѣ свойства матеріи тѣми или иными свойствами духа. Матеріализмъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ старается объяснить психическія явленія тѣми или иными свойствами матеріи, той или другой организаціей человѣческаго, или вообще животнаго тѣла».

«Матеріализмъ и идеализмъ—продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе — исчерпываютъ важнѣйшія направленія философской мысли».

Такъ ли это, и не поторопился ли почтенный авторъ размѣстить всѣхъ мыслителей, прошлыхъ и современныхъ, по этимъ двумъ, столь односторон-

[1]) Н. Бельтовъ. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Стр. 1.

роннимъ направленіямъ? Правда ли, что идеалисты объясняютъ даже явленія природы одними свойствами духа, а матеріалисты, наоборотъ, всѣ психическія явленія сводятъ къ свойствамъ матеріи? Бѣдный г. Бельтовъ и не замѣчаетъ, повидимому, какъ затруднилъ онъ собственную задачу, съузивъ до такой степени міровоззрѣнія своихъ единомышленниковъ. Мы ниже увидимъ, какъ впослѣдствіи онъ оказался вынужденнымъ отступить отъ этого исходнаго положенія. Во всякомъ случаѣ, если для сторонниковъ матеріализма опредѣленіе г. Бельтова до нѣкоторой степени и вѣрно, оно даетъ совершенно неправильное представленіе о противоположной имъ школѣ. За исключеніемъ одного только Фихте, ни одинъ изъ выдающихся представителей идеализма, отъ Платона до нашихъ дней, не пытался объяснить природныхъ явленій свойствами духа, то-есть, чтобы выразиться точнѣе, не сводилъ этихъ явленій къ субъективнымъ представленіямъ разума. Всѣ они противопоставляли матеріальному міру, какъ нѣчто отъ него независимое, либо идею (Спиноза, Шеллингъ, Гегель), какъ безсознательное начало, потенціально содержавшее въ себѣ способность къ развитію, либо активную волю, сознательно творившую вселенную и управлявшую ею (Лейбницъ, Кантъ, Берклей, Менъ де Биранъ). Всѣ они, такимъ образомъ, въ большей или меньшей степени, являлись дуалистами. Впрочемъ, г. Бельтовъ признаетъ это самъ. Нѣсколькими строками ниже, мы у него читаемъ: «правда, рядомъ

съ ними, то-есть, матеріализмомъ и идеализмомъ, почти всегда существовали тѣ или другія дуалистическія системы, признававшія духъ и матерію за отдѣльныя самостоятельныя субстанціи».

Слѣдовало бы даже сказать, что эти школы не только существовали, но что къ нимъ принадлежало огромное большинство философовъ, въ томъ числѣ и многіе изъ матеріалистовъ, признающихъ, подобно Вундту, Бэну, Льюису, міръ психическихъ явленій продуктомъ развитія природной жизни въ тѣсномъ смыслѣ, но продуктомъ, существенно отличнымъ отъ послѣдней и управляемымъ законами особаго рода. Г. Бельтову тѣмъ болѣе не слѣдовало этого упускать изъ виду, что вся книга его направлена противъ дуалистическаго взгляда на исторію, причемъ и онъ въ свою очередь, какъ читатель увидитъ, былъ вынужденъ значительно пообрѣзать цѣльность своего монистическаго ученія.

Приступая къ критикѣ дуализма, нашъ авторъ ограничивается замѣчаніемъ, что дуализмъ никогда не могъ отвѣтить удовлетворительно на неизбѣжный вопросъ, какимъ образомъ эти двѣ отдѣльныя субстанціи, не имѣющія между собою ничего общаго, могутъ вліять одна на другую.

Разрѣшить этотъ вопросъ дуализмъ, въ самомъ дѣлѣ, не могъ по той простой причинѣ, что сущность, лежащая въ основѣ понятія о матеріи и духѣ, нашему непосредственному воспріятію недоступна, что Кантомъ доказано съ достаточной убѣдительностью. Доступно только внѣшнее проявле-

ніе этихъ двухъ началъ, и различіе этихъ проявленій несомнѣнно, какъ несомнѣнны также безчисленные примѣры ихъ взаимнаго воздѣйствія. Съ одной стороны, нарушеніе правильнаго функціонированія организма вліяетъ на психическія отправленія мозга, съ другой — душевные аффекты, вызванные фактами не матеріальнаго свойства—горемъ или радостью—въ свою очередь воздѣйствуютъ на физическое здоровье.

Представляютъ ли матеріальная и духовная натуры человѣка двѣ совершенно самостоятельныя области явленій, или наоборотъ психическая жизнь не болѣе, какъ продуктъ животнаго организма—это, въ сущности, совершенно безразлично. Фактъ ихъ взаимнаго воздѣйствія несомнѣнно на лицо. И это воздѣйствіе ихъ другъ на друга ничуть не становится доступнѣе нашему пониманію оттого, что обѣ эти стороны человѣческой природы мы сводимъ къ одному первоисточнику. Аргументы, приводимые г. Бельтовымъ, такимъ образомъ, нисколько не убѣдительны. Сторонникамъ матеріализма, когда они свое ученіе примѣняютъ къ историческимъ вопросамъ, приходится доказать, что вся совокупность явленій политической и соціальной жизни обусловлена внѣшними факторами — такъ называемой средой. Для нихъ существенно не то, какъ произошла духовная натура человѣка, а то лишь, является ли она въ исторіи самостоятельнымъ факторомъ. Еслибъ даже получилось убѣжденіе, что вся психическая жизнь

человѣчества выросла, какъ цвѣтокъ, на стволѣ животнаго организма, а послѣднiй, въ свою очередь, не болѣе, какъ усложненное проявленiе физическихъ и химическихъ силъ, — въ области философiи исторiи этимъ все-таки не будетъ достигнуто ровно ничего. Какого происхожденiя ни былъ бы, въ самомъ дѣлѣ, мiръ психическихъ явленiй, онъ, во всякомъ случаѣ, не тождественъ съ мiромъ явленiй природы въ тѣсномъ смыслѣ. Этой тождественности, въ самомъ дѣлѣ, не утверждалъ до сихъ поръ ни одинъ матерiалистъ. Возьмемъ какое угодно изъ крупнѣйшихъ историческихъ событiй, хотя бы напримѣръ низверженiе королевской власти Францiи, 10 августа 1792 года. Въ чисто матерiальномъ смыслѣ оно сводится къ тому, что небольшая сравнительно кучка людей взяла приступомъ и разгромила Тюльерiйскiй дворецъ, и затѣмъ, обитавшее въ этомъ дворцѣ, королевское семейство было заключено подъ стражу. Нечего доказывать, что внутреннее значенiе событiя далеко этимъ не исчерпывается, что въ представленiяхъ людей, присутствовавшихъ при его совершенiи, произошелъ крутой поворотъ, рѣзко измѣнившiй ихъ взгляды на взаимныя отношенiя жителей королевства Францiи.

Что какъ разъ въ этомъ измѣненiи взглядовъ, а не въ матерiальномъ фактѣ происходившихъ безпорядковъ, заключается весь смыслъ событiя— это, кажется, очевидно. Что, далѣе, такой поворотъ въ умственномъ настроенiи—фактъ не матерiальнаго ствойства — это тоже доказательства не требуетъ.

А между тѣмъ этотъ фактъ оказалъ, въ свою очередь, огромное воздѣйствiе на все дальнѣйшее развитiе французской исторiи, не только на понятiя, но и на взаимныя отношенiя людей, и въ концѣ концовъ отразился, такимъ образомъ, и на области чисто матерiальныхъ явленiй. Стало-быть не подлежитъ сомнѣнiю, что политическiя событiя нельзя редуцировать къ ихъ внѣшнимъ проявленiямъ и что существуетъ въ тоже время глубокая связь между внутреннимъ, духовнымъ смысломъ этихъ событiй, и ихъ матерiальною оболочкой. Этого не можетъ не признать любой изслѣдователь, какихъ бы философскихъ взглядовъ онъ ни придерживался. Всякому желающему прослѣдить ходъ и закономѣрность историческихъ событiй надо, такимъ образомъ, искать разрѣшенiя задачи не въ основныхъ философскихъ принципахъ, не въ изученiи природы вещества и духа, а въ томъ матерiалѣ, какой даетъ сама жизнь,—въ историческихъ документахъ и статистическихъ цифрахъ.

Монизмъ, котораго придерживается г. Бельтовъ, не можетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ признанiи зависимости всѣхъ проявленiй народной жизни,—права, религiи, литературы, искусства и т. д.,—отъ такъ называемыхъ условiй среды, то есть отъ климата, почвы, расы и т. д. Другого— идеалистическаго монизма — нѣтъ и быть не мо-

жетъ, и совершенно напрасно г. Бельтовъ утверждаетъ противное. Никакому идеалисту, занимающемуся философіей исторіи, не придетъ въ голову утверждать, будто человѣческій духъ создаетъ эти внѣшнія условія. Идеалисты ограничиваются тѣмъ, что отводятъ человѣческому духу нѣкоторую самостоятельную роль, признавая за нимъ свободу дѣйствовать на перекоръ внѣшнимъ условіямъ и до нѣкоторой степени видоизмѣнять ихъ. Идеалисты, такимъ образомъ, по необходимости, сторонники дуализма, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которые, подобно Фихте, отрицаютъ самое объективное существованіе внѣшняго міра.

Свой перечень философскихъ взглядовъ на историческое развитіе г. Бельтовъ начинаетъ съ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, которымъ воздаетъ хвалу за ихъ ни передъ чѣмъ не останавливающуюся послѣдовательность мысли. Французскіе матеріалисты, отрицая въ человѣкѣ какія либо прирожденныя идеи, видѣли въ его умственномъ развитіи лишь продуктъ среды, объясняли его хорошія и дурныя наклонности исключительно воздѣйствіемъ на него данныхъ общественныхъ отношеній. Въ моментъ своего рожденія человѣкъ, по ихъ мнѣнію, не болѣе, какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ воспитаніе, т. е. совокупность внѣшнихъ вліяній, можетъ написать что угодно. Измѣните среду, то есть условія, въ которыхъ живетъ человѣкъ, и вы измѣните весь его нравственный строй. Эта мнимая легкость перевоспитанія

человѣка и привела, какъ извѣстно, французскій матеріализмъ, къ выводамъ чисто революціоннаго свойства. Если человѣкъ самъ по себѣ нѣчто безразличное и всегда равное самому себѣ, то вся задача этики и политики заключается въ раціональномъ переустройствѣ общества. Раціональный строй будетъ всегда и вездѣ наилучшимъ.

Изложивъ все это, г. Бельтовъ, однако, недоумѣваетъ, какъ это французскіе матеріалисты приходили къ странному противорѣчію, замкнувшему все ихъ ученіе въ ложный кругъ. Они утверждали съ одной стороны, что среда опредѣляетъ мнѣнія людей, а съ другой, что эти мнѣнія все-таки управляютъ міромъ *). Г. Бельтовъ усматриваетъ въ этомъ безъисходное противорѣчіе и объясняетъ его неспособностью философовъ XVIII вѣка додуматься до конца. Выходитъ, однако, что г. Бельтовъ самъ не выяснилъ себѣ хорошенько взглядовъ французскихъ мыслителей, о которыхъ трактуетъ. Если человѣкъ въ самомъ дѣлѣ существо безразличное, всегда равное себѣ и одинаково способное воспріять какія угодно вліянія, то никакой среды, по настоящему, нѣтъ, то есть нѣтъ именно исторической среды, создающей опредѣленныя условія, болѣе или менѣе благопріятныя для даннаго политическаго и соціальнаго устройства. Имѣется только, съ одной стороны, безконечно пластическое существо, всегда послушное велѣніямъ разума, съ другой—

*) Бельтовъ. «Монистич. взглядъ на исторію» стр. 6.

такъ называемый бытъ, то есть нагроможденіе случайностей, большей частью ненормальныхъ и вызванныхъ ошибками людей, не достаточно просвѣщенныхъ знаніемъ. Разумъ тоже нѣчто вполнѣ опредѣленное и равное себѣ, а потому разумное устройство общества не можетъ не быть одинаково пригоднымъ для всѣхъ людей. Отсюда представленіе объ идеальномъ государствѣ и о возможности разомъ, путемъ логики, создать новое общество. Отсюда также странное на первый взглядъ противорѣчіе между зависимостью человѣка отъ природы и полной его свободой въ переустройствѣ своего быта на раціональныхъ началахъ. Совокупность этихъ идей и есть ничто иное, какъ такъ называемый критицизмъ, то есть та общая почва, на которой созидались всѣ политическія ученія XVIII вѣка. На этой почвѣ могли сходиться люди самыхъ противоположныхъ философскихъ воззрѣній, какъ скоро въ вопросахъ прикладныхъ они признавали всемогущество абстрактнаго разума. Вотъ почему г. Бельтовъ и нашелъ возможнымъ утверждать, что Кантъ *) стоялъ съ французскими матеріалистами на одной точкѣ зрѣнія и что если они въ своихъ выводахъ нѣсколько расходились, это просто объясняется различіемъ среды, въ которой они жили. Г. Бельтовъ, правда, тотчасъ затѣмъ говоритъ, что не имѣетъ подъ рукой доказательствъ для своего утвержденія, но доказательства

*) Ibid. стр. 4.

эти берется представить, буде его противники того пожелаютъ. Трудиться, г. Бельтову, для этого, право не стоитъ. Общаго было у Канта съ цѣлой философіей XVIII вѣка, въ томъ числѣ и съ Руссо, котораго никто, кажется, матеріалистомъ не считаетъ,— признаніе неограниченной свободы практическаго разума (die practische Fernunft) примѣнять къ дѣйствительной жизни абстрактные логическіе выводы. Этимъ и исчерпывается сходство. Самъ разумъ, по ученію Канта, оставался вполнѣ самостоятельнымъ началомъ, а не продуктомъ физическаго организма, какъ думали энциклопедисты. И матеріалъ, надъ которымъ этотъ разумъ призванъ работать, Кантъ не ограничивалъ впечатлѣніями извнѣ.

Ошибается г. Бельтовъ и на счетъ безъисходности того противорѣчія, которое онъ усмотрѣлъ въ ученіи энциклопедистовъ и затѣмъ прослѣдилъ черезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ философскихъ системъ. Фразы—«среда опредѣляетъ мнѣнія» и «мнѣнія управляютъ міромъ»—вовсе не имѣютъ характера точныхъ научныхъ положеній, одно другое исключающихъ. Это не болѣе, какъ афоризмы, вѣрность которыхъ относительна, афоризмы, признающіе существованіе двухъ противоположныхъ теченій въ соціально-политической жизни. Можно, въ самомъ дѣлѣ, привести сколько угодно примѣровъ тому, какъ въ любой изъ областей этой жизни проявляется взаимодѣйствіе двухъ началъ,—вліянія среды и человѣческаго почина. Возьмемъ, хотя

бы, земледѣліе данной страны. Несомнѣнно, что ея климатъ и почва опредѣляютъ собой, до нѣкоторой степени, характеръ этого земледѣлія, то есть послѣдовательность и разнообразіе возможныхъ культуръ. Но человѣкъ, въ свою очередь, можетъ видоизмѣнить по своему условія природы—осушить болота, провести оросительныя канавы, акклиматизировать новое растеніе. Трудно, между тѣмъ, утверждать, будто всему этому научила его природа. Она могла его научить только подчиняться ея условіямъ, подогнать подъ ихъ рамки свое хозяйство, а не расширять эти рамки по своему.

Такихъ примѣровъ, повторяю, можно привести сколько угодно, но это значило бы утомлять читателя. Да и придется мнѣ къ этому вопросу вернуться ниже.

Еслибы г. Бельтовъ лучше вдумался въ ученіе энциклопедистовъ, онъ бы конечно понялъ, какъ возникло въ ихъ умѣ затруднившее его противорѣчіе. Человѣкъ, какъ физическій и духовный организмъ, по ихъ мнѣнію, такой же продуктъ естественнаго природнаго развитія, какъ любое животное или растеніе. Но развившееся этимъ путемъ особое свойство человѣка — его разумъ, тѣмъ не менѣе, обладаетъ способностью критически относиться къ существующимъ въ данную минуту условіямъ жизни и вѣрно опредѣлять тѣ нормальные порядки, которые соотвѣтствуютъ настоящимъ потребностямъ человѣка. Всегда равный себѣ, то есть способный при какихъ угодно условіяхъ подняться до абсолютно справедливыхъ постулатовъ разума, человѣкъ, собственно говоря, вовсе не зависитъ отъ окружающей его среды, то есть отъ даннаго историческаго момента. Напротивъ, онъ всегда одинаково способенъ эту среду передѣлать и достигнуть такимъ образомъ идеальнаго общественнаго устройства, пригоднаго для всѣхъ временъ. Противорѣчія тутъ нѣтъ никакого, потому что природа, создавшая человѣка, была въ глазахъ энциклопедистовъ такимъ же абстрактнымъ и законченнымъ понятіемъ, какъ и человѣческій разумъ.

За то есть въ этомъ ученіи иная крупная ошибка—непризнаніе исторіи и тѣхъ непереходимымъ границъ, какія историческая судьба народовъ ставитъ преобразовательнымъ стремленіямъ. Эта судьба, то есть вся совокупность прожитыхъ впечатлѣній, и опредѣляетъ собою такъ называемый характеръ народа. Помимо разума, всегда тождественнаго по существу, если и не одинаково развитаго, духовная натура человѣка, а, стало быть, и цѣлаго народа, состоитъ изъ очень сложныхъ и разнообразныхъ отправленій. И эту именно цѣльность психической жизни, какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, энциклопедисты совершенно упускали изъ виду. Между тѣмъ, она то именно, во всемъ разнообразіи наклонностей и представленій, завѣщанныхъ каждому народу его прошлымъ, и опредѣляетъ собою такъ—называемую общественную среду. Не одни только свойства климата, почвы

и расы, а въ значительно большей степени психологія каждаго даннаго народа соадаетъ его бытъ и тѣмъ самымъ очерчиваетъ границы, изъ которыхъ не можетъ безнаказанно выходить преобразовательная дѣятельность реформатора. И великая заслуга исторической школы, наложившей свой отпечатокъ на все умственное движеніе нашего вѣка, заключалось именно въ томъ, что въ основу развитія всѣхъ отправленій народной жизни она ставила постоянно эту народную психологію. Но г. Бельтовъ, невѣрно истолковавъ коренное заблужденіе энциклопедистовъ, не могъ оцѣнить и значеніе той реакціи противъ философіи XVIII вѣка, какую ознаменовала собою историческая школа, въ лицѣ такихъ крупныхъ умовъ, какъ Савиньи, Нибуръ, Іерингъ, Гизо и Маколей. Вотъ почему онъ не понялъ настоящаго смысла приводимыхъ имъ положеній французскихъ историковъ временъ реставраціи. Когда Гизо говоритъ, что политическія учрежденія даннаго общества опредѣляются его внутреннимъ строемъ, г. Бельтову кажется, что въ этомъ заключается лишь видоизмѣненный пересказъ афоризма энциклопедистовъ: «среда опредѣляетъ мнѣнія». Французскій историкъ, между тѣмъ, имѣлъ въ виду не ту совокупность неопредѣленныхъ понятій, какая обыкновенно характеризуется словечкомъ «среда», а нѣчто очень реальное—гражданскій строй общества, созданный его прошлымъ. Понятіе объ этомъ строѣ далеко не исчерпывается физическими условіями страны: активнымъ элемен-

томъ въ его созиданіи всегда является народный духъ, то есть особенности народнаго темперамента, выработанныя исторіей. Противорѣчія здѣсь нѣтъ и тѣни. Гизо хочетъ лишь сказать, что внѣшнія формы политическаго устройства, преобразованіе которыхъ зависитъ отъ воли законодателя, всегда находятся въ тѣсной связи съ гражданскимъ бытомъ, то есть съ длинною цѣпью институтовъ и обычаевъ, завѣщанныхъ прошлымъ. Но такъ какъ все это наслѣдіе прошлаго опять таки ничто иное, какъ дѣло людей, болѣе или менѣе сознательное, то и оказывается, что свободное творчество законодателя въ каждый данный моментъ стоитъ въ зависимости отъ прошлыхъ созданій народнаго духа. «Ce sont les hommes en définitive qui font l'histoire», сказалъ Гизо въ своихъ мемуарахъ; и, обобщая въ двухъ своихъ капитальныхъ сочиненіяхъ ходъ исторіи цивилизаціи въ Европѣ и во Франціи, Гизо и не думалъ отступать отъ этого положенія, ставящаго психологическій моментъ во главѣ историческаго развитія.

Г. Бельтовъ, однако, этимъ не удовлетворился, какъ остался онъ, впрочемъ, недоволенъ и всѣми мыслителями, касавшимися такъ или иначе философіи исторіи. Не дѣлаетъ онъ исключенія ни для соціалистовъ первой половины нашего вѣка, какъ Сенъ-Симонъ, Анфантенъ и Фурье, ни для позднѣйшихъ историковъ, стоящихъ на почвѣ эволютивнаго ученія, подобно Тэну. Разнообразныя попытки первыхъ создать идеальное общественное

устройство, на основанiи постоянныхъ и неизмѣнныхъ, будто-бы, свойствъ человѣческой природы, г. Бельтовъ справедливо признаетъ за простое повторенiе того, что говорили энциклопедисты. По прежнему только онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ настоящей причинѣ утопичности всѣхъ подобныхъ соцiальныхъ построенiй. Но замѣчательно, что и Тэнъ, такъ склонный вообще приравнивать историческiй процессъ къ физiологическому и видѣть въ государствѣ лишь организмъ,—что даже Тэнъ причисляется г. Бельтовымъ къ недоумкамъ, повторяющимъ зады философiи XVIII вѣка. Когда Тэнъ говоритъ, что «произведенiя человѣческаго духа объясняются только средой» и что «всякое измѣненiе въ положенiи людей ведетъ къ измѣненiямъ въ ихъ психикѣ», г. Бельтовъ находитъ, что и Тэнъ не выпутался изъ заколдованнаго круга *). Онъ додумался только до состоянiя умовъ и нравовъ, какъ первоисточника всѣхъ общественныхъ явленiй. А такъ какъ эти явленiя, опять таки, влiяютъ на состоянiе умовъ, то и здѣсь г. Бельтовъ находитъ все тоже стародавнее противорѣчiе.

Единственнымъ мыслителемъ, къ которому г. Бельтовъ относится снисходительно и даже сочувственно, оказывается Гегель, то есть какъ разъ самый абстрактный изъ всѣхъ идеалистовъ XIX вѣка. Г. Бельтову очень нравится знаменитая гегелевская трiада, состоящая изъ тезиса, антитезиса и высшаго синтеза.

*) Бельтовъ. Ibid. стр. 184.

И когда этотъ чисто дiалектическiй прiемъ Гегель примѣняетъ къ исторiи, г. Бельтовъ не видитъ ничего страннаго въ такомъ подчиненiи реальной жизни отвлеченной логической схемѣ. Онъ даже горячо защищаетъ Гегеля отъ нападковъ г. Михайловскаго, ничуть не подозрѣвая, что великому германскому философу не страшны громы послѣдняго и не нуженъ такой адвокатъ, какъ г. Бельтовъ. Историческая роль Гегеля, его огромное влiянiе на умы достаточно признаны всѣми, какъ признаны и крупные недостатки его ученiя. А полюбился онъ г. Бельтову собственно потому, что и Марксъ былъ однимъ изъ его учениковъ и съ успѣхомъ примѣнилъ гегелевскую дiалектику къ затемнѣнiю экономическихъ вопросовъ. Не удивительно, что по стопамъ учителя пошелъ и ученикъ. По увѣренiю г. Бельтова, гегелевская трiада оказывается болѣе пригодною для разрѣшенiя загадки историческаго процесса, чѣмъ всѣ хитроумные прiемы остальныхъ философовъ. Единственная поправка, какую г. Бельтовъ вноситъ въ эту дiалектическую схему, сводится къ тому, что не слѣдуетъ придавать, какъ дѣлаетъ это Гегель, какую то мистическую силу роковому превращенiю любого историческаго движенiя въ его антитезисъ. Не потому данный народъ переходитъ отъ извѣстнаго порядка къ другому — противоположному, что въ этомъ сказывается поляризацiя развивающейся идеи, а оттого лишь, что въ каждомъ общественномъ строѣ, по необходимости, содержатся элементы, рано или

поздно разлагающіе этотъ строй. Въ томъ и заключается, по мнѣнію г. Бельтова, великая заслуга Маркса, что онъ первый это понялъ и для характеристики экономическаго развитія построилъ схему, уже вполнѣ согласную съ дѣйствительностью. Посмотримъ теперь, какъ развилъ и дополнилъ ученіе Маркса г. Бельтовъ. Хотя онъ вѣрно и слѣпо идетъ по слѣдамъ нѣмецкаго публициста, можно признать трудъ г. Бельтова почти самостоятельнымъ, такъ какъ нѣсколько афоризмовъ, исчерпывающихъ собою философію исторіи Маркса, получили въ книгѣ г. Бельтова очень пространный коментарій.

VIII.

«Великая научная заслуга Маркса — говоритъ г. Бельтовъ на стр. 125 своей книги—заключается въ томъ, что онъ на самую природу человѣка взглянулъ какъ на вѣчно измѣняющійся результатъ историческаго движенія, причина котораго лежитъ внѣ человѣка». Другими словали, Марксъ пересоздалъ, будто бы, философію исторіи, отыскавъ исходную точку человѣческаго развитія не въ самомъ человѣкѣ, а въ окружающемъ его внѣшнемъ мірѣ. Посмотримъ, однако, такъ ли въ самомъ дѣлѣ велика эта заслуга, даже съ партійной точки зрѣнія матеріализма. Съ тѣхъ поръ, какъ пытались опредѣлить внутренній смыслъ исторіи—а, стало быть, съ очень уже давнихъ поръ — мыслители различ-

ныхъ толковъ старались подобрать ключъ къ исторической загадкѣ то въ самомъ человѣкѣ, въ его психологіи, то въ верховной волѣ Провидѣнія, то, наконецъ, въ матеріальныхъ условіяхъ природы. Однимъ казалось, что судьбу свою человѣкъ дѣлаетъ самъ и за то получаетъ въ результатѣ либо справедливую награду, либо заслуженную кару. Другіе утверждали, что онъ призванъ лишь разыграть данную свыше крошечную роль, становясь безсознательнымъ исполнителемъ всемогущей воли. Третьи, наконецъ, его низводили до слѣпого орудія безсознательной природы. По мнѣнію послѣднихъ, въ географическихъ очертаніяхъ страны, въ ея климатѣ, въ ея почвенномъ строеніи какъ бы заранѣе предначертано будущее занявшаго ее народа. Встрѣчались историки, старавшіеся примирить эти взгляды, но у каждаго, сколько нибудь выдающагося, мыслителя одно изъ этихъ направленій является преобладающимъ, и трудно сказать, которое изъ нихъ опередило остальныя. Въ наше время всего громче, если не всего убѣдительнѣе, теорія зависимости человѣка отъ окружающихъ условій нашла себѣ выраженіе въ книгѣ Бокля «Исторія цивилизаціи въ Англіи», появившейся за нѣсколько лѣтъ до перваго тома «Капитала». Починъ въ дѣлѣ матеріалистическаго объясненія исторіи, такимъ образомъ, Марксу во всякомъ случаѣ не принадлежитъ. Но можетъ быть онъ развилъ ученіе своихъ предшественниковъ, освѣтивъ его новыми блестящими и убѣдительными доводами? По

крайней мѣрѣ гг. Бельтовъ и Струве, да впрочемъ не только они, а также марксисты народническаго лагеря не перестаютъ твердить намъ о какомъ то геніальномъ открытіи Маркса.

Къ чему же сводится это геніальное открытіе?— А вотъ къ чему.

Въ предисловіи къ первому тому «Капитала» Марксъ объясняетъ, почему онъ остановился на Англіи, какъ на той странѣ, гдѣ всего рельефнѣе и полнѣе осуществилась капиталистическая эволюція. Въ экономической судьбѣ Англіи остальные европейскіе народы должны заранѣе провидѣть свое будущее. Развитіе капиталистическаго производства, въ самомъ дѣлѣ, совершается въ силу непреложнаго рокового закона. И какъ скоро дальнѣйшаго хода этого процесса избѣгнуть нельзя, экономически отсталымъ народамъ слѣдуетъ желать, чтобъ онъ совершился какъ можно быстрѣе. Еще тяжелѣе самого капитализма отзывается на бытѣ рабочаго неполное развитіе этого капитализма *). И незачѣмъ обманывать себя—говоритъ далѣе Марксъ,—точно также какъ въ прошломъ столѣтіи возстаніе американскихъ колоній было провозвѣстникомъ освобожденія средняго класса,—въ текущемъ междуусобная война въ той же Америкѣ ознаменовала собой освобожденіе рабочихъ. Признаки времени ясно показываютъ—и это начинаютъ понимать сами капиталисты—что современное обще-

*) Marx „das Kapital" 2 aufl. Vorwort. p. 5.

ственное устройство не прочно сложившійся кристаллъ, а постоянно измѣняющійся организмъ.

Въ двадцать четвертой главѣ своей книги Марксъ набросалъ картину постепеннаго обезземеленія англійскихъ крестьянъ, начавшагося съ XVI в. и закончившагося передъ началомъ текущаго. Этотъ процессъ долженъ былъ, по необходимости, предшествовать образованію крупнаго фабричнаго производства, чтобы подготовить для будущихъ колоссальныхъ фабрикъ армію свободныхъ отъ земли пролетаріевъ. И законодательство приходило на помощь зарождающемуся капитализму, дозволяя крупнымъ землевладѣльцамъ присваивать себѣ общинныя земли и съ помощью искусственной регламентаціи поддерживая низкія цѣны на трудъ. И вотъ процессъ этотъ закончился. Съ одной стороны, богатое крупное землевладѣніе, собравшее капиталы для эксплоатаціи труда обезземеленныхъ—съ другой многочисленная армія нищихъ вынужденныхъ отдавать свой трудъ за безцѣнокъ. Но разцвѣтъ капитализма подготовляетъ въ себѣ уже задатки будущаго его разложенія. И въ заключительномъ отдѣлѣ двадцать четвертой главы Марксъ *) крупными штрихами намѣчаетъ весь ходъ приближающейся катастрофы. Похищая у рабочаго продукты его труда, выстраивая зданіе своего могущества на созданной этимъ «трудомъ» добавочной цѣнности, капитализмъ тѣмъ самымъ подка-

*) Marx, «das Kapital», 2 Aufl. s. 791—94.

пываетъ у себя почву подъ ногами. Обдѣленные рабочіе становятся все менѣе способными поглощать излишекъ производства, а немилосердная конкурренція побуждаетъ предпринимателей поѣдать другъ друга и сосредоточивать въ своихъ рукахъ все большія массы капитала. Когда наконецъ весь обездоленный народъ станетъ лицомъ къ лицу съ небольшой кучкой грабителей, пробьетъ послѣдній часъ капитализма, и національзація орудій производства совершится сама собой. Этотъ заключительный отдѣлъ, занимающій всего три страницы и написанный въ духѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, и содержитъ въ себѣ все такъ называемое философско-историческое ученіе Маркса.

Сущность этого ученія сводится къ тому, что каждому экономическому строю, неизмѣнно соотвѣтствуютъ и опредѣленныя формы производства. Формы эти вырабатывались одна изъ другой не потому, чтобы ихъ кто нибудь придумывалъ, а оттого лишь, что въ данную минуту онѣ являлись на свѣтъ, какъ естественный продуктъ экономическихъ условій. Эпохѣ крупной капиталистической промышленности вездѣ предшествовалъ длинный періодъ мелкаго производства, при которомъ самъ работникъ былъ владѣльцемъ земли или самостоятельнымъ ремесленникомъ. Отсутствіе всемірнаго рынка и живого обмѣна не давало почвы для развитія крупнаго производства. Даже крѣпостное право, даже самое рабство, хотя то и другое несомнѣнно носило капиталистическій характеръ,

оставляло за рабочимъ бо́льшую экономическую самостоятельность, чѣмъ современная фабричная промышленность. Марксъ, необинуясь, признаетъ, что и рабство, и крѣпостная зависимость были въ свое время не только законнымъ, но и прогрессивнымъ явленіемъ. Къ средневѣковому строю онъ неоднократно выражаетъ даже нѣкоторое сочувствіе *), рисуя самыми мрачными красками процессъ его разрушенія. Цѣлый рядъ посягательствъ и кровавыхъ насилій потребовался для того, чтобы вызвать на свѣтъ современную массовую промышленность. Понадобилось сперва открытіе Америки и эксплоатація заокеанскихъ колоній со всѣми ужасами, сопровождавшими порабощеніе дикихъ обитателей Америки, Африки и Австраліи. Колоніальная торговля впервые создала обмѣнъ произведеній различныхъ широтъ, а тѣмъ самымъ и вызвала образованіе крупныхъ торговыхъ капиталовъ. Рука объ руку съ разложеніемъ этихъ капиталовъ шли два другихъ процесса — обезземеленіе крестьянъ и ограбленіе церкви, безъ чего не могли бы создаться ни крупная поземельная собственность, ни крупное фабричное производство. Созданное насиліемъ, это производство было, однако, вполнѣ законнымъ, такъ какъ оно соотвѣтствовало требованію времени — производить много и дешево.

Но и этому экономическому порядку не принадлежитъ будущее. Близокъ часъ, когда и онъ

*) Marx, ibid p. 769—791.

перестанетъ соотвѣтствовать запросамъ жизни, потому что съ одной стороны некому будетъ покупать продукты фабричнаго труда, а съ другой—капиталъ неминуемо станетъ поѣдать самого себя, скопляясь въ немногихъ рукахъ. Тогда наступитъ моментъ новаго поворота, моментъ возрожденія народнаго производства, но уже не въ прежнихъ тѣсныхъ рамкахъ средневѣковыхъ мастерскихъ, а въ крупныхъ размѣрахъ фабричной промышленности, которая одна въ состояніи удовлетворить современнымъ условіямъ.

Въ этомъ возвращеніи къ основному исходу промышленнаго развитія звучитъ какъ бы отголосокъ знаменитой гегелевской тріады. И Марксъ въ своемъ послѣсловіи вполнѣ признаетъ себя ученикомъ Гегеля, утверждая лишь, что причину совершающагося процесса онъ видитъ не въ немъ самомъ, не въ саморазвивающейся идеѣ, а въ постепенномъ измѣненіи внѣшнихъ условій.

Вотъ каково ученіе, которое и русскимъ и нѣмецкимъ послѣдователямъ Маркса угодно выдавать за геніальное, въ которомъ они видятъ яркій лучъ свѣта, вдругъ озарившій весь ходъ развитія человѣческихъ обществъ.

Все законно, что соотвѣтствуетъ условіямъ времени—постоянно твердитъ намъ Марксъ, какъ бы припоминая извѣстный афоризмъ Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго. Но условія времени измѣнчивы, а потому законное сегодня можетъ завтра утратить право на существованіе. И эту

нехитрую мудрость представляютъ намъ, какъ полное истолкованіе великой исторической загадки.

Въ теоріи Маркса сразу бросается въ глаза ея коренное внутреннее противорѣчіе.

Она силится всѣ экономическія явленія подвести подъ утилитарный уголъ зрѣнія, оцѣнить каждую форму производства лишь по степени ея пригодности. А между тѣмъ книга, гдѣ теорія эта проводится, вся исполнена негодующихъ обличеній, вся дышетъ злобою на существующій экономическій строй. Самое возникновеніе этого строя она объясняетъ рядомъ кровавыхъ насилій, въ которыхъ ужъ конечно виновата не природа вещей. Ученіе, сводящее всѣ жизненныя явленія къ желѣзной необходимости, должно бы излагаться спокойно, а на самомъ дѣлѣ оно ничто иное, какъ стѣнобитное орудіе, предназначенное къ разрушенію порядка, яко бы закономѣрнаго и необходимаго.

Если современное фабричное производство обусловлено массовымъ истребленіемъ туземцевъ Америки и Австраліи, обращеніемъ въ невольничество негровъ, обезземеленіемъ крестьянъ и жестокими законами, не дававшими этимъ обезземеленнымъ выйти изъ нищенства,—если все это дѣйствительно такъ, къ чему жъ намъ толковать о неизбѣжности и закономѣрности этого процесса?

Неправильно освѣщенная теорія лишена, къ тому же, и фактической почвы. Того обезземеленія крестьянства, о которомъ говорится въ книгѣ Маркса, нигдѣ, кромѣ Англіи, въ Европѣ не про-

исходило. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Вост. Германіи и Австріи, крупная собственность наиболѣе распространена, крестьянское землевладѣніе всетаки занимаетъ отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ территоріи. Въ текущемъ вѣкѣ размѣры поземельной собственности повсюду не переставали мельчать. А если такъ, — куда же дѣвается основное положеніе Маркса, будто экономическій строй Англіи служитъ прототипомъ для всѣхъ народовъ и повсюду развитіе капитализма должно неминуемо вытѣснить мелкое производство?

Что же остается отъ столь прославляемой теоріи? Остаются двѣ идеи, правда, совершенно вѣрныя, но далеко не новыя и конечно ужь не призванныя стать эрою въ исторической наукѣ. Одна изъ нихъ—тѣсная связь между даннымъ экономическимъ строемъ и мѣстными условіями. Невозможно создать что нибудь устойчивое въ экономической области внѣ рамокъ природы и быта. Признаніе этой связи проникаетъ собою все умственное движеніе XIX вѣка. Оно легло въ основаніе взглядовъ исторической школы, и не Марксъ, стало быть, формулировалъ эту мысль впервые. Не болѣе новизны и въ другомъ положеніи Маркса,—въ составленной имъ схемѣ экономическаго развитія, которое отъ мелкаго домашняго производства должно переходить къ крупному мѣновому, чтобы завершиться въ концѣ концовъ націонализаціей земли и капитала.

Марксъ, въ сущности, подмѣнилъ здѣсь одно

понятіе другимъ, какъ дѣлаютъ это наши народники: вмѣсто натуральнаго хозяйства, дѣйствительно составляющаго главную черту экономическаго быта мало развитыхъ странъ, онъ взялъ за исходную точку хозяйство народное, на самомъ дѣлѣ, чисто миоическое; а слѣдующую, мѣновую, стадію отождествилъ съ капитализмомъ. Читатель могъ убѣдиться, что и то и другое одинаково невѣрно, что чисто народнаго хозяйства никогда не существовало, а капитализмъ и мѣновое производство далеко не одно и тоже. Понадобился же Марксу этотъ діалектическій фокусъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, онъ избѣгалъ такимъ образомъ простого повторенія того, что говорили до него Листъ и Рошеръ, очень пространно разсуждавшіе о замѣнѣ натуральнаго хозяйства денежнымъ. Во вторыхъ, онъ получалъ возможность, въ видѣ третьяго члена своей тріады à la Гегель, выставить грядущую націонализацію, которой нельзя было не вывести изъ антиноміи между натуральнымъ и мѣновымъ производствомъ. Принимая на себя роль пророка, Марксъ, въ тому же, ускользалъ отъ фактической критики, такъ какъ нѣтъ никакой возможности доказать, что такое то событіе никогда не совершится.

Но, соглашаясь даже съ нимъ насчетъ вѣроятности его пророчества, нельзя не замѣтить, что врядъ ли экономическое развитіе остановится на своемъ третьемъ базисѣ. Замыкать это развитіе въ какія бы то нибыло формулы, можно вообще тогда

лишь, когда мы произвольно выбираемъ какой-нибудь опредѣленный историческій періодъ, не вспоминая о томъ, что было раньше, и не заглядывая въ будущее. Въ этой искусственной законченности гегелевской тріады и заключается ея слабая сторона.

Неужели человѣчество, въ силу какого то мистическаго закона, такъ таки, въ самомъ дѣлѣ, и ограничится двумя перемѣнами фронта и, вернувшись къ старому, на этомъ старомъ и застынетъ на вѣки? Почему же разложеніе грозитъ только первымъ двумъ бытовымъ стадіямъ, а третья представляется чѣмъ то незыблемымъ и вѣчнымъ? И не вѣрнѣе ли было бы допустить, что человѣчеству просто свойственно постоянно колебаться между двумя полюсами, попеременно возвращаясь то къ одному, то къ другому? Тогда получится уже не три стадіи, а безконечный рядъ измѣненій, постоянная смѣна прибоя и отлива. И такой безконечно повторяющійся процессъ какъ нельзя лучше объясняется двумя условіями. Всякое представленіе, выработанное человѣческимъ умомъ, а потому и всякая форма общественнаго устройства обладаетъ наклонностью къ поляризаціи, по той простой причинѣ, что по отношенію къ каждому такому представленію, данное лицо попеременно становится въ роль субъекта и объекта. Вотъ почему любой изъ такъ называемыхъ принциповъ, все равно, сложится ли онъ только въ нашемъ умѣ или осуществится въ жизни, имѣетъ свойство какъ бы опрокидываться, то есть переходить въ свою противоположность, какъ скоро онъ доведенъ до крайнихъ своихъ логическихъ послѣдствій. Политическая исторія и исторія философіи очень богаты примѣрами этого рода. Но, помимо такой поляризаціи отвлеченныхъ принциповъ и соотвѣтствующихъ имъ общественныхъ явленій, происходитъ нѣчто другое. Долго оставаясь при одномъ неизмѣнномъ общественномъ строѣ, люди начинаютъ ощущать несовершенство этого строя и воображать, что противоположныя ему формы быта, давно ими не испытанныя, принесли бы имъ больше матеріальныхъ удобствъ и вѣрнѣе обезпечили бы ихъ счастье. Отсюда и берется та, сперва медленная, незамѣтная, а потомъ все разгорающаяся борьба, которая рано или поздно завершается ниспроверженіемъ каждаго даннаго устройства. Этихъ двухъ причинъ, кажется, вполнѣ достаточно, и повороты въ судьбѣ народовъ объясняются помимо всякихъ мистическихъ толкованій

IX.

Посмотримъ теперь, во что обратилась незамысловатая теорія Маркса у его послѣдователей. Извѣстно, что не одни русскіе марксисты, какъ гг. Бельтовъ и Струве, но цѣлая группа писателей, именующихъ себя экономическими матеріалистами, свое ученіе пристегиваютъ къ идеямъ Маркса, въ которыхъ имъ мерещится какое то откровеніе.

Экономическій матеріализмъ сводится къ двумъ основнымъ положеніямъ. Все развитіе человѣческихъ обществъ совершается въ силу непреложныхъ законовъ, какъ развитіе любого физическаго организма, и рѣшающимъ моментомъ въ этомъ процессѣ служатъ экономическія причины. Нѣсколько брошенныхъ на лету афоризмовъ, которыми Марксъ объяснялъ появленіе на свѣтъ и будущую гибель капитализма, развились такимъ образомъ въ цѣлую систему философіи исторіи, обнимающую уже не одно производство, но всѣ стороны общественной жизни — право, религію, искусство.

Думаютъ такъ и гг. Бельтовъ и Струве. А дошли они до этого вотъ какимъ образомъ. Г. Бельтовъ сводитъ умственное развитіе человѣчества [1]) къ примѣненію рукъ. Для того, чтобы существовать, человѣкъ долженъ заимствовать необходимыя вещества изъ окружающаго міра. Это, конечно, предполагаетъ извѣстное воздѣйствіе человѣка на природу. Но, дѣлая это, человѣкъ, по необходимости, измѣняетъ и собственную природу: въ орудіяхъ труда онъ пріобрѣтаетъ какъ бы новые органы. Г. Бельтовъ, такимъ образомъ, не вышелъ, какъ видитъ читатель, изъ того заколдованнаго круга, который приводилъ его въ такое недоумѣніе—и совершенно напрасно приводилъ—когда въ немъ запутывались другіе писатели. Отъ правды,

[1]) Бельтовъ, ibid. стр. 126, 7, 8 и 135, 136.

вѣдь, никуда не уйдешь, а взаимодѣйствіе человѣка и природы—коренная основа всего человѣческаго развитія, и внѣ его никакія хитросплетенія не помогутъ.

Но г. Бельтовъ, тѣмъ не менѣе, силится отыскать себѣ лазейку: „чтобы воспользоваться уже достигнутыми успѣхами, говоритъ онъ, человѣкъ долженъ былъ находиться подъ вліяніемъ извѣстной географической среды“. „Тамъ, гдѣ не было металловъ, глубокомысленно иллюстрируетъ свое положеніе г. Бельтовъ, разумъ не могъ вывести человѣка изъ періода шлифованнаго камня“.— Другими словами,—безъ металловъ нельзя дѣлать металлическихъ орудій. Такимъ образомъ, географическая среда, то есть опять таки совокупность такихъ условій, какъ очертаніе береговъ, физическое строеніе почвы, климатъ, направленіе рѣкъ и т. д.—вотъ стало быть, ultima ratio, изъ которой г. Бельтовъ выводитъ всю историческую нить взаимныхъ воздѣйствій. Это, какъ будто, ужъ очень не ново и сильно отзывается французскими энциклопедистами и столь популярнымъ у насъ когда то Боклемъ. Въ наукѣ, извѣстное дѣло, обращается много такихъ мыслей, которыя въ своемъ простомъ, незатѣйливомъ видѣ принадлежатъ къ числу очевидностей, но имѣютъ дурную наклонность обращаться въ софизмы, какъ скоро имъ хотятъ придать слишкомъ опредѣленный смыслъ. Никто не станетъ оспаривать, что народы, живущіе вдали отъ моря, не могутъ быть мореплавателями. Не

менѣе очевидно, что развитая береговая линія располагаетъ населеніе къ внѣшней торговлѣ, что рѣки соединяютъ, а горы наоборотъ и т. д., и т. д... Подобныхъ, нѣсколько опошленныхъ, труизмовъ, можно привести сколько угодно и притомъ изъ очень почтенныхъ книжекъ. Но попробуйте пойти далѣе и поискать строгаго соотвѣтствія между географическими условіями данной страны и судьбою населявшихъ ее народовъ. Возьмемъ для примѣра четыре полуострова, омываемыхъ Средиземнымъ моремъ,—Испанію, Италію, Грецію и М. Азію.

Всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе изогнутую береговую линію, каждый изъ нихъ пересѣкается горными кряжами средней высоты, и горы эти, большей частью, лишены растительности. Климатъ у нихъ тоже одинаковый, и главную отличительную черту этого климата составляетъ его относительная сухость. Словомъ, природныя условія этихъ четырехъ странъ почти тожественны. А какова была ихъ историческая судьба? Трудно на цѣломъ земномъ шарѣ отыскать четыре сосѣднія страны, развитіе которыхъ шло бы такими разнородными путями. На самомъ восточномъ изъ названныхъ полуострововъ — М. Азіи — до настоящаго времени не успѣла сложиться самостоятельная историческая жизнь, не выработалось цѣльнаго, обособленнаго народа. Вся историческая жизнь М. Азіи ушла въ тѣ греческія колоніи, которыми были усѣяны ея берега.

Два среднихъ полуострова — Греція и Италія — представляютъ собою самый разительный контрастъ, какой знаетъ исторія. Въ одномъ изъ нихъ, при общности религіи и культуры, населявшіе его эллины никогда не смогли образовать изъ себя сплоченнаго народа, и сильно развитые у нихъ общественные инстинкты всегда находили себѣ выраженіе въ микроскопическихъ государствахъ, всю территорію которыхъ можно было обнять однимъ взглядомъ. Въ Италіи, наоборотъ, одна городская община не только покорила себѣ всѣ остальныя, но и сдѣлалась владычицей всего образованнаго міра и объединила этотъ міръ совершенно новыми понятіями государственнаго и гражданскаго права.

Испанія, наконецъ, въ древности не имѣла никакой исторіи; въ средніе вѣка, за все время героической борьбы съ Маврами, она не выходила изъ своихъ границъ на поприще всемірныхъ событій; потомъ она прошла черезъ короткую эпоху необыкновеннаго могущества и блеска, потомъ застыла опять, — быть можетъ навѣки. И странное дѣло,—народъ, открывшій Америку, давшій, стало быть, мореплаванію наибольшій толчекъ, самъ никогда не былъ мореплавателемъ, ни прежде, ни послѣ этого открытія. Еслибъ мы захотѣли вглядѣться въ исторію этихъ странъ попристальнѣе, контрасты вышли бы еще разительнѣе. Нельзя себѣ представить что нибудь менѣе сходное, чѣмъ исторія Италіи и характеръ ея обитателей при римскомъ владычествѣ и послѣ паденія Имперіи, вплоть до

нашихъ дней. Трудно отыскать какія либо черты сходства между Итальянцами и ихъ предками Римлянами. Можно даже, почти безъ натяжки, сказать, что свойства тѣхъ и другихъ прямо противоположны. Маленькая Эллада тоже представляетъ намъ рѣзкій историческій контрастъ между Спартой и Аѳинами.

Гдѣ же во всемъ этомъ хотя бы слѣды руководящаго вліянія географическихъ условій?

Но пойдемъ далѣе. Разнообразіе внѣшнихъ условій дифференцируетъ изобрѣтенія, а тѣмъ самымъ слагаетъ различнымъ образомъ экономическія силы отдѣльныхъ народовъ. Сталкиваясь между собою, эти народы заимствуютъ другъ у друга соотвѣтственныя имъ особенности, и наряду съ этимъ умственнымъ обмѣномъ возникаетъ у нихъ и обмѣнъ торговый. Такимъ образомъ, на историческое развитіе народовъ строй ихъ производительныхъ силъ вліяетъ не только непосредственно, но, при взаимномъ столкновеніи различныхъ племенъ, они оказываютъ взаимное воздѣйствіе другъ на друга. На стр. 136 своей книги, г. Бельтовъ увѣряетъ насъ, что, приводя историческую судьбу народовъ въ тѣсную зависимость отъ условій экономическаго быта, онъ вовсе не думаетъ отрицать творческой роли разума: «безъ разума, говоритъ онъ, не было бы изобрѣтеній, какъ безъ человѣка не было бы исторіи».

Но разумъ все-таки не самостоятельный историческій факторъ. Онъ дѣйствуетъ лишь подъ вліяніемъ тѣхъ условій, какіе ставитъ внѣшній міръ.

Этого не отрицаетъ ни одинъ изъ сторонниковъ историческаго дуализма. Но подъ кажущимся единодушіемъ всетаки кроется здѣсь глубокое разногласіе. Внѣшняя природа, конечно, снабжаетъ человѣка матерьяломъ для его дѣятельности и ставитъ его начинаніямъ опредѣленныя рамки. Но разумъ, всетаки, — нѣчто отличное отъ природы, не простой физическій факторъ, какъ почва и климатъ.

Пока мы не выходимъ изъ области природы въ строгомъ смыслѣ, даже природы органической, мы имѣемъ дѣло съ рядомъ совершенно опредѣленныхъ воздѣйствій, которыя могутъ повторяться безчисленное количество разъ и даже вызывать опредѣленный циклъ послѣдовательныхъ явленій, но которыя никогда внѣ такого цикла не дадутъ поступательнаго движенія. Извѣстныя тѣла приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ образуютъ новыя химическія соединенія; и каждый разъ, что это случится, соединеніе будетъ неизмѣнно однимъ и тѣмъ же. Данный организмъ, животный или растительный, проходитъ черезъ опредѣленный процессъ развитія, ростетъ, размножается и гибнетъ. Но выйти изъ этихъ жизненныхъ рамокъ, а, тѣмъ болѣе, что либо измѣнить въ окружающей его средѣ онъ не въ состояніи. Сдѣлать это можетъ одинъ человѣкъ: онъ одинъ въ состояніи не только воспринимать воздѣйствіе окружающаго

міра, но и приспособлять этотъ міръ къ своимъ нуждамъ, видоизмѣняя природныя условія съ опредѣленной, разумной цѣлью. И вотъ почему исторія— не безконечное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій, а поступательный процессъ. Г. Бельтову не мѣшало бы припомнить извѣстный математичекій законъ, въ силу котораго, если произведеніе измѣняется при неизмѣнности одного изъ двухъ множителей, такое измѣненіе слѣдуетъ приписать другому. Въ данномъ случаѣ, неизмѣннымъ факторомъ является природа, измѣняющимся — человѣкъ съ своимъ разумомъ. Отсюда ясно, что получаемый историческій плюсъ слѣдуетъ приписать человѣку и никоимъ образомъ не разсматривать его, какъ пассивное орудіе природы.

Но вернемся къ г. Бельтову. «Не только характеръ производства, говоритъ онъ, вполнѣ опредѣляется природными условіями, но правовыя понятія народа [1]), въ свою очередь, зависятъ отъ его экономическаго строя». Право — ничто иное, какъ порожденіе необходимости, то есть все той же природы. «Правовыя и политическія учрежденія — складываются на почвѣ фактическихъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства». И, когда эти учрежденія уже болѣе не соотвѣтствуютъ измѣнившимся отношеніямъ [2]) возникаетъ въ обществѣ представленіе о необходимости преобразовать его строй. Это и есть ничто иное, какъ

[1]) Бельтовъ, ibid, стр 168.
[2]) Бельтовъ, ibid, стр 155.

зарождающіяся у людей идеальныя правовыя понятія. На самомъ дѣлѣ они нарождаются на почвѣ чисто реальныхъ условій. Но это ничуть не исключаетъ ихъ идеальности, то есть возникновенія ихъ, какъ постулата, у наиболѣе свѣтлыхъ и передовыхъ умовъ. Существенно здѣсь одно лишь,—то именно, что импульсъ каждаго движенія, исходная его точка не въ человѣкѣ, а въ окружающихъ его реальныхъ условіяхъ быта.

«Экономическая эволюція [1]) ведетъ за собою правовые перевороты». Какъ скоро, въ самомъ дѣлѣ, данное политическое и соціальное устройство перестаетъ соотвѣтствовать экономическимъ условіямъ, ощущается потребность измѣнить это устройство и тѣмъ самымъ возстановить нарушенную гармонію. Конечно, всего живѣе ощущаютъ эту потребность наиболѣе передовые умы, и вотъ почему каждому перевороту всегда предшествуетъ эпоха броженія, тяжелой борьбы идеальныхъ, то есть, въ сущности, разумныхъ стремленій, съ устарѣлыми формами общественнаго строя. Правовой складъ — это внѣшняя и неподвижная оболочка вѣчно измѣняющагося экономическаго содержанія. Но идеальныя стремленія возникаютъ не въ головѣ людей, какъ произвольныя фантазіи,—они подсказываются измѣнившимися условіями быта. «Экономическая борьба, такимъ образомъ, вызываетъ нравственные вопросы. Измѣнившееся положеніе

[1]) Ibid. 169 стр.

измѣняетъ этическія понятія людей. Матерія становится духомъ» [1]). Г. Бельтовъ ехидно подсмѣивается надъ проф. Карѣевымъ за то, что послѣдній духовныя стремленія человѣка позволилъ себѣ отличить отъ его матеріальныхъ потребностей и въ противорѣчіи тѣхъ и другихъ искать разгадки борьбы политическихъ мнѣній. Г. Бельтовъ находитъ, что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, духовныя потребности сводятся къ матеріальнымъ, не всегда только одинаково вѣрно понимаемымъ всѣми. Такому пониманію всегда мѣшаетъ различіе интересовъ. И вотъ, въ концѣ концовъ, всѣ политическіе споры, всѣ идеальныя представленія о лучшемъ общественномъ строѣ, само понятіе о справедливости—ничто иное, какъ продуктъ измѣнившихся экономическихъ условій, не одинаково отражающихся на различныхъ соціальныхъ группахъ.

Роковая антиномія между человѣкомъ и средой, такимъ образомъ, разрѣшена. При яркомъ свѣтѣ ученія Маркса, г. Бельтову удалось благополучно выбраться изъ лабиринта противорѣчій.

«Разъ дано состояніе производительныхъ силъ—побѣдоносно восклицаетъ онъ — даны и свойства соціальной среды, дана и соотвѣтствующая ей психологія, дано и взаимодѣйствіе между средой съ одной стороны и умами и нравами съ другой [2])».

Такъ ли это, г. Бельтовъ? И вполнѣ ли вы увѣрены, что нашли удачный исходъ изъ вами же

[1]) Ibid, 164, 171, 176 и 179.

[2]) Ibid, 186 ст.

сочиненныхъ затрудненій? По крайней мѣрѣ, на слѣдующихъ страницахъ почтенный авторъ очень старается насъ убѣдить, что его матеріализмъ совсѣмъ ужъ не такого суроваго свойства и вполнѣ мирится съ самыми высокими стремленіями человѣческаго духа. Онъ съ ними не только мирится, онъ даже поощряетъ ихъ открывать человѣчеству все болѣе широкія и лучезарныя перспективы. «Психологія людей—говоритъ г. Бельтовъ на той же 186 стр.—можетъ опережать формы ихъ общежитія». И хотя человѣкъ, по его же словамъ, продуктъ окружающей среды,—этотъ самый человѣкъ все-таки освобождается отъ рокового давленія на него природы, какъ разъ благодаря разумному пониманію могущества экономическихъ условій.

«Подъ отживающей дѣйствительностью зарождается новая—съ паѳосомъ вѣщаетъ г. Бельтовъ на стр. 207 — дѣйствительность будущаго, служить которой значить содѣйствовать великому дѣлу любви».

Итакъ, — вотъ до чего договорился въ своемъ поэтическомъ экстазѣ нашъ почтенный матеріалистъ—до «дѣйствительности будущаго» и до «великаго дѣла любви!» Не странно ли, однако, что такія прекрасныя вещи выростаютъ на сухой почвѣ экономическихъ условій, что историческое развитіе, будто бы, исключительно предопредѣляемое этими условіями, въ концѣ концовъ, не можетъ все-таки обходиться безъ воздѣйствія движущихъ его впередъ идеальныхъ стремленій? И если въ самомъ

дѣлѣ вся общественная жизнь съ правомъ, искусствомъ, религіей,—ничто иное, какъ продуктъ внѣшней природы,—откуда же берется несоотвѣтствіе этого продукта съ создавшими его условіями? Благодаря чему измѣняется то неопредѣленное нѣчто, которое г. Бельтовъ называетъ поперемѣнно средой, бытомъ и экономическимъ строемъ?

Вѣдь природныя условія безъ воздѣйствія на нихъ человѣка измѣняться не могутъ. Стало быть, это «нѣчто», этотъ бытъ или среда, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ не малую долю результатовъ человѣческой дѣятельности. И вотъ какимъ образомъ приходится видоизмѣнить формулу г. Бельтова. Даны природныя условія, научающія человѣка, какъ ими воспользоваться для своихъ нуждъ. Пользуясь ими, онъ, въ соотвѣтствіи съ характеромъ своей производительности, устраиваетъ и свой общественный бытъ. Но, продолжая трудиться, онъ мало по малу измѣняетъ окружающую его природную среду и совершенствуетъ свое производство. И тогда созданныя имъ учрежденія оказываются уже непригодными для измѣнившихся экономическихъ условій,—непригодными потому, что ихъ переросъ человѣкъ—замѣтьте, г. Бельтовъ,—человѣкъ, а не природа, всегда неизмѣнная и равная себѣ.

За примѣромъ намъ ходить не далеко. Какова была главная причина начавшагося съ конца прошлаго вѣка соціальнаго переворота? Накопленіе движимаго капитала, переросшаго въ своемъ развитіи поземельную собственность, а съ тѣмъ вмѣстѣ, переходъ соціальнаго могущества отъ поземельнаго дворянства къ денежной буржуазіи. Причина несомнѣнно экономическая. Но что такое ростъ движимаго богатства, какъ не плодъ человѣческой дѣятельности, направленной въ ту сторону, гдѣ ей предстоялъ неограниченный просторъ,—въ сторону промышленности и торговли?

Итакъ, г. Бельтовъ самъ невольно призналъ силу того историческаго фактора, который онъ тщательно старался низвести до второстепенной роли. Этимъ, однако, не исчерпываются слабыя стороны его теоріи, а, за одно съ ней, всего экономическаго матеріализма. Но, для полноты картины, я уклонюсь на мигъ отъ книги г. Бельтова, чтобы поднести читателю нѣсколько перловъ изъ труда г. Струве. Взгляды свои г. Струве черпаетъ изъ того же источника, какъ и г. Бельтовъ. Только выходятъ они у него какъ будто нѣсколько мутнѣе и сбивчивѣе, благодаря наклонности облекать свою мысль въ туманную фразеологію.

Съ перваго же приступа къ опредѣленію экономическаго матеріализма г. Струве поражаетъ насъ увѣреніемъ, что излюбленная имъ научная теорія [1]) «игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину»,—такъ-таки просто игнорируетъ. Г. Струве такъ увѣренъ въ сокрушительности этого взгляда, что не пытается даже обосновать его и, вмѣсто доказательствъ, подчуетъ насъ безчислен-

¹) Струве «Критич. замѣтки» стр. 30.

ными цитатами изъ второстепенныхъ экономистовъ, какъ Зиммель, Лоріа и друг.

Личность, говоритъ г. Струве на 40 стр., есть «функція среды». И на стр. 41 добавляетъ, что «внѣсоціальный человѣкъ только голая и притомъ въ общемъ—съ точки зрѣнія интересовъ познанія—вредная абстракція». Выходитъ, такимъ образомъ, что интересы познанія сами по себѣ, а дѣйствительность тоже сама по себѣ, и что въ угоду первымъ, то есть, говоря по просту, ради облегченія умственнаго процесса въ головѣ гг. экономическихъ матеріалистовъ, отдѣльный человѣкъ оказывается чѣмъ то абстрактнымъ, а соціальная среда чѣмъ то вполнѣ реальнымъ и конкретнымъ.

На той же страницѣ г. Струве называетъ товарное производство «комплексомъ представленій» и говоритъ, что на этомъ комплексѣ выростаетъ вся политическая экономія. Подъ оболочкой не совсѣмъ удобопонятныхъ выраженій скрывается здѣсь очень извѣстный и, къ счастью, все болѣе оставляемый теперь научный пріемъ — дедуктивное построеніе экономическихъ вопросовъ на основѣ отвлеченныхъ понятій. Современные экономисты думаютъ, и совершенно правильно, что изучать намъ слѣдуетъ явленія и изъ нихъ уже выводить обобщающія ихъ понятія. Г. Струве думаетъ иначе, самъ не подозрѣвая, вѣроятно, какъ старо то, что выдаетъ онъ намъ за послѣднее слово науки. Не мудрено, что онъ додумался до такихъ курьезовъ, какъ абстрактный человѣкъ и конкретная среда.

Не будемъ, однако, настаивать. Читатель достаточно видитъ, какова философія г. Струве и какъ его экономическій матеріализмъ сильно отзывается метафизикой. Замѣтимъ только мимоходомъ, что и молодой сподвижникъ г. Бельтова не ушелъ отъ того рокового самопротиворѣчія, въ которомъ запутался авторъ книги о монистическомъ взглядѣ на исторію. На стр. 61 г. Струве признаетъ, что чѣмъ шире, чѣмъ искусственнѣе становится среда—«искусственною» онъ почему то называетъ среду, вышедшую изъ первобытнаго семейнаго строя—тѣмъ значительнѣе въ ней роль личности, той самой личности, которую онъ признавалъ вредной абстракціей. Сама эволюція не обошлась безъ вліянія личности. Это очень напоминаетъ слова г. Бельтова объ идеальныхъ стремленіяхъ, опережающихъ экономическій строй.

Переведенное на общепонятный языкъ, это можетъ быть сведено къ слѣдующему. Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, проще и легче представлять себѣ каждую данную группу людей,—народъ, общество, государство—какъ нѣчто цѣльное и нераздѣльное, совершенно игнорируя индивидуальную психологію. Внѣшнія явленія, поражая собою разомъ цѣлую массу людей, оказываютъ тѣмъ болѣе сильное воздѣйствіе, чѣмъ ниже степень культуры. Съ развитіемъ послѣдней, растетъ и дифференціація, а, стало быть, и значеніе личности.

Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, эта столь презираемая личность, «cette quantité négligeable»,

все-таки является самостоятельнымъ факторомъ историческаго развитія.

Какъ всѣ ошибочныя теоріи, экономическій матеріализмъ заключаетъ въ себѣ долю истины. Совершенная правда, что экономическіе интересы въ жизни человѣческихъ обществъ играютъ видную роль, что роль эта постепенно ростетъ, заодно съ народнымъ богатствомъ, что, наконецъ, гражданскіе правовые институты большею частью лишь санкціонируютъ тѣ отношенія людей, какія созданы экономическими интересами и характеромъ производства. Правовые институты, такимъ образомъ, лишь застывшая форма вѣчно движущагося экономическаго развитія. Это, между прочимъ, убѣдительно доказалъ Лоренцъ Штейнъ, къ экономическому матеріализму нисколько не причастный. Гражданское право каждаго народа, въ самомъ дѣлѣ, воспитывается въ суровой школѣ необходимости. Еслибъ экономическій матеріализмъ утверждалъ лишь это,—съ нимъ нельзя было бы не согласиться. За то онъ утверждалъ бы вещи, давно извѣстныя и помимо его стараній. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что экономическій бытъ каждаго народа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и соціальный его строй,—ничто иное, какъ плодъ внѣшнихъ природныхъ условій. Не слѣдуетъ отсюда и то, что на этомъ экономическомъ бытѣ, какъ послѣдующія надстройки, зиждутся государство со своими учрежденіями, искусство и религія. Доказать такія положенія можно было бы не отвлеченными разсужденіями,

какъ дѣлаетъ это г. Бельтовъ, а лишь наглядными историческими примѣрами. Еслибъ экономическій бытъ, а затѣмъ и вся политическая судьба каждаго народа, его гражданскіе порядки, его религія находились въ строгомъ соотвѣтствіи съ условіями климата, почвы и т. д., гг. экономическіе матеріалисты были бы правы. Но что говоритъ намъ исторія? Развѣ страны съ одинаковымъ климатомъ,—страны, гдѣ географическія очертанія, степень плодородія почвы и т. д. приблизительно сходны,—развѣ онѣ всегда имѣютъ одинаковую исторію? Жаркій климатъ, напримѣръ, мало способствуетъ энергіи человѣческаго труда, а, тѣмъ самымъ, и успѣхамъ цивилизаціи. И, говоря это, намъ указываютъ обыкновенно на Европу, какъ на центръ человѣческой культуры, и на Америку, какъ на ея главную колонію.

Но вся древняя цивилизація создалась въ странахъ жаркихъ, и одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ народовъ—китайцы, на половину по крайней мѣрѣ, живетъ въ сосѣдствѣ съ тропиками. Сухія, мало орошенныя, мѣстности неспособны къ развитію земледѣлія, и осѣдлость въ раннія эпохи всегда возникала по долинамъ большихъ рѣкъ: тутъ обыкновенно ссылаются на Египетъ, гдѣ, кстати сказать, и въ старину и теперь, обработанная полоса узкою лентой слѣдуетъ по теченію Нила. Но были народы, и были въ глубокой древности, которые и пески умѣли оплодотворять посредствомъ искусственнаго орошенія, далеко за предѣлами рѣчныхъ

долинъ распространяя культурную площадь. Болота дурно отзываются на развитіи земледѣлія, на здоровьи, а затѣмъ и на культурности своихъ обитателей. Но рядомъ съ мѣстностями, гдѣ болотистая почва оказывала губительное дѣйствіе втеченіе многихъ столѣтій, рядомъ съ Мареммами, напримѣръ, есть иныя—приведемъ, хотя бы, равнину Ломбардіи, гдѣ жители съумѣли осушить болота и воспользоваться обиліемъ воды для рисовыхъ плантацій. Отчего, наконецъ, если климатъ имѣетъ такое рѣшающее вліяніе на зарожденіе культуры,—отчего благословенный климатъ Австраліи и Полинезійскихъ островов не создалъ даже зачатковъ цивилизаціи до появленія европейцевъ? Отчего, наконецъ, въ Америкѣ обитатели теперешнихъ Соединенныхъ штатовъ оставались на стадіи дикости, а подъ тропиками, въ Мексикѣ и въ Перу, и притомъ не на однихъ плоскогоріяхъ, а также на знойномъ морскомъ берегу возникла довольно высокая культура.

Еще менѣе оправдывается фактами другое положеніе экономическаго матеріализма—будто условіями производства исчерпываются всѣ стимулы духовнаго развитія народа. Въ движеніи Крестовыхъ походовъ участвовали экономическіе мотивы, это правда, но у кого достанетъ смѣлости утверждать, что все оно, во всей своей цѣлости, объясняется этими мотивами и что религіозный энтузіазмъ, давшій ему первый толчекъ, тоже былъ экономическаго свойства? А что сказать про Реформацію? И тутъ не обошлось, конечно, безъ экономическихъ явленій. Проповѣдь Ѳомы Мюнцера и крестьянская война были вызваны экономическимъ гнетомъ. Но развѣ въ этомъ вся Реформація? Развѣ длинный процессъ развитія оппозиціи противъ папской власти объясняется чѣмъ либо похожимъ на условія производства? А политическая судьба главныхъ трехъ европейскихъ народовъ, судьба поражающая своей разнохарактерностью, — кому придетъ въ голову ее редуцировать къ экономическимъ причинамъ? Конецъ XI вѣка застаетъ Францію съ крайне слабою королевскою властью, окруженною непокорными и могущественными вассалами, между тѣмъ какъ англійскіе короли Норманской династіи почти самодержавны. А шесть вѣковъ спустя мы видимъ Францію Людовика XIV и современную ей Англію Стюартовъ и Кромвеля. Не менѣе своеобразнымъ путемъ шло развитіе и Германіи. Королевская власть не смогла воспользоваться тамъ даже эпохой общаго подъема ея могущества въ началѣ XVI вѣка. За то отдѣльные имперскіе князья доросли до полной независимости, и въ каждой изъ нѣмецкихъ областей сложилось централизованное государство, съ неограниченнымъ самодержцемъ во главѣ.

Чтожъ,—эти рѣзкія особенности могутъ развѣ объясниться различіемъ природныхъ условій?

Г. Бельтовъ не разъ повторяетъ, что наивно приписывать мнѣніямъ людей, то есть возникающимъ въ ихъ головѣ идеямъ, способность преобра-

зовывать учрежденія и бытъ даннаго народа, потому что идеи сами ничто иное, какъ продуктъ этого быта. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ односторонней концепсіей, напрасно силящейся всѣ явленія общественной жизни свести къ матеріальнымъ интересамъ.

По мнѣнію г. Бельтова, вся политическая жизнь сводится къ борьбѣ общественныхъ классовъ, а борьба эта коренится въ различіи экономическаго положенія. Ну,—а какъ объяснить многочисленные примѣры заступничества за интересы низшихъ классовъ со стороны представителей аристократіи? Какъ объяснить, напримѣръ, дѣятельность обоихъ Гракховъ, роль партіи Виговъ въ исторіи Англіи и реформаторскую дѣятельность такихъ людей, какъ Мирабо, графъ Кавуръ, Гладстонъ, или, хотя бы, такъ называемое движеніе 40-хъ годовъ, сильно окрашенное аристократизмомъ? Неужели г. Бельтовъ не замѣтилъ того общеизвѣстнаго факта, что ростъ демократіи почти всегда происходитъ подъ руководствомъ какого нибудь представителя знати? Чтожъ,—это явленіе объясняется тоже экономическими мотивами?

Правовыя нормы каждой эпохи, несомнѣнно, выражаютъ собою сложившійся экономическій строй, то есть временный результатъ классовой борьбы. Но когда поднимается вопросъ о преобразованіи законодательства—развѣ иниціативу реформъ всегда берутъ на себя заинтересованные? И не являются ли сплошь и рядомъ, какъ руководящій стимулъ, тре-

бованія большей справедливости въ организаціи общества—требованія, часто идущія отъ людей совсѣмъ въ этомъ не заинтересованныхъ? Нечего, впрочемъ, подъискивать историческіе факты для опроверженія г. Бельтова. Онъ самъ достаточно постарался себя опровергнуть. Изъ боязни, чтобы его матеріализмъ не вышелъ «сухимъ, мрачнымъ [1], фаталистическимъ», онъ признаетъ, что экономическія преобразованія совершаются не безъ инициативы людей [2]). Мало того, на 223 стр. г. Бельтовъ говоритъ, что трудно объяснить весь историческій процессъ, держась послѣдовательно одного принципа. И въ самомъ дѣлѣ, отъ своего принципа онъ отступаетъ съ замѣчательной развязностью, говоря, напримѣръ, на стр. 229, что степень развитія производительныхъ силъ опредѣляетъ мѣру власти человѣка надъ природой, и на стр. 232, что экономическій матеріализмъ, въ концѣ концовъ, освобождаетъ разумъ отъ рабства необходимости.

Но оставимъ г. Бельтова съ его противорѣчіями, лишній разъ доказывающими, что не такъ то легко всю исторію человѣчества свести къ внѣшнимъ матеріальнымъ вліяніямъ. Природа даетъ человѣку очень многое, даетъ весь матеріалъ для его дѣятельности. Но тѣмъ самымъ она ставитъ этой дѣятельности опредѣленныя границы. Безъ желѣза, въ самомъ дѣлѣ, какъ глубокомысленно замѣтилъ

[1]) Бельтовъ. Ibid, стр. 208.
[2]) Ibid. стр. 222

самъ г. Бельтовъ, нельзя выдѣлывать желѣзныхъ орудій, какъ деревянныхъ построекъ нельзя возводить безъ дерева. Но природа не только въ этомъ тѣсномъ, непосредственномъ смыслѣ оказываетъ на человѣка вліяніе. Въ ней онъ не только находитъ матеріалъ для своей работы, но еще впечатлѣнія, въ его душѣ слагающіяся въ образы. И чѣмъ эти впечатлѣнія крупнѣе и постояннѣе, тѣмъ они глубже проникаютъ въ человѣка, тѣмъ однообразнѣе они дѣйствуютъ на цѣлыя массы людей. Климатъ, почва, направленіе и высота горъ, близость или отдаленность моря, обиліе или недостатокъ растительности,—все это несомнѣнно воздѣйствуетъ на характеръ народа, стало быть, и на его религію, на его искусство. Величіе картинъ природы настраиваетъ фантазію на поэтическій ладъ; яркость южнаго солнца вызываетъ наклонность къ яркимъ изображеніямъ въ пластическихъ искусствахъ. Всего этого отрицать никто не станетъ. Но если все это такъ, — столь же несомнѣнно значеніе и свойства душевнаго аппарата, воспринимающаго всѣ эти впечатлѣнія. Человѣческій разумъ не безразлично, не одинаково реагируетъ на воздѣйствія природы. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что благопріятныхъ условій для развитія культуры можно отыскать сколько угодно на земномъ шарѣ, а способною использовать ихъ оказалась одна бѣлая раса. Да и въ предѣлахъ распространенія этой расы степень прогрессивности отдѣльныхъ народовъ, если можно такъ выразиться, далеко не одинакова. Не

одинакова она тоже и въ разныя эпохи ихъ существованія. А это значитъ вотъ что. Природа даетъ человѣку уроки, но онъ не всегда умѣетъ ими пользоваться. Стало быть, степень этого пользованія не результатъ рокового и пассивнаго подчиненія внѣшнему міру, а, наоборотъ, признакъ большаго или меньшаго умѣнія сообразоваться съ внѣшними условіями. Человѣкъ не только можетъ не понять, какъ слѣдуетъ ему дѣйствовать,—онъ можетъ возмутиться противъ окружающихъ его условій внѣшняго міра, наперекоръ имъ устроить свою жизнь, свое хозяйство, свое законодательство. Отдѣльные люди это дѣлаютъ сплошь и рядомъ, и когда оно выходитъ уже черезчуръ замѣтно, ихъ сажаютъ въ сумасшедшій домъ. Но дѣлаютъ это и цѣлые народы. Не даромъ, напримѣръ, упрекаютъ насъ, русскихъ, въ неумѣніи справиться съ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ. Въ области политической жизни не мало примѣровъ несвоевременныхъ реформъ, вызванныхъ не требованіями жизни, а непокорною волей законодателя или господствомъ отвлеченныхъ теорій. Имперія Карла Великаго была грандіозной попыткою создать организованное государство безъ необходимыхъ для того элементовъ. Несмотря на геніальность своего основателя, она распалась послѣ его смерти. Такой же индивидуальный и насильственный характеръ имѣла у насъ реформа Петра. Но, повидимому, либо народный матеріалъ, надъ которымъ онъ оперировалъ, оказался податливѣе франковъ и саксовъ IX вѣка, либо русское обще-

ство временъ Петра обладало уже достаточными элементами для требуемаго переустройства. Во всякомъ случаѣ, реформа несомнѣнно удалась. Между тѣмъ, Карлъ Великій и Петръ—два самыхъ крупныхъ представителя личнаго почина въ цѣлой Всемірной исторіи, и различная судьба, постигшая ихъ преобразованія, наглядно показываетъ, что, во-первыхъ, геніальный человѣкъ въ силахъ идти на проломъ и передѣлывать общество по своему, а, во вторыхъ, что успѣхъ обезпеченъ его начинаніямъ тогда лишь, когда имѣются на то данныя въ самомъ обществѣ.

Примѣръ другого рода,—примѣръ безплодности реформъ чисто доктринальныхъ, представляетъ намъ революціонное законодательство Конвента. Изъ того, что сдѣлала революція, привилось то лишь, что находило подготовку и въ умахъ, и въ степени образованности, и въ матеріальномъ состояніи тогдашней Франціи,—административное объединеніе страны, упраздненіе сословій, равенство передъ судомъ и передъ налогомъ. Ломка церковной организаціи не удалась. Новый календарь не уцѣлѣлъ. Нелѣпыя мѣры въ пользу вынужденнаго обращенія бумажныхъ денегъ и нормировки хлѣбной торговли провалились безслѣдно.

Что же все это доказываетъ, какъ не то, что преобразовательная дѣятельность каждаго поколѣнія встрѣчаетъ себѣ границы въ историческомъ прошломъ, но что перешагнуть черезъ эти границы

оно все-таки можетъ,—конечно, подъ страхомъ полнаго безплодія.

Отчего въ цѣлой Европѣ государственная власть окрѣпла и феодальный порядокъ упразднился подъ конецъ XV и въ началѣ XVI вѣка? Оттого, что государственная власть тогда лишь можетъ дѣйствовать свободно, когда у нея есть достаточный служебный персоналъ, надежные пути сообщенія, постоянная военная сила и, какъ основа всего этого, вѣрные финансовые источники. Пока эти условія отсутствовали, сплотить государство и централизовать его отправленія оказалось не подъ силу даже Карлу Великому. Когда они были на лицо, выполнить задачу удалось даже такимъ посредственнымъ государямъ, какъ Францискъ I и Генрихъ VII.

Что же, въ концѣ концовъ, слѣдуетъ изъ сказаннаго? Неужели то, что разгадка всего хода исторіи лежитъ внѣ человѣка, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ несвободенъ? Но въ такомъ случаѣ надо бы признать, что свободою обладаютъ одни сумасшедшіе, потому что они одни не подчиняются условіямъ среды и велѣніямъ разума.

Нѣтъ, подчиненіе тому и другому —не актъ пассивнаго воспріятія стороннихъ вліяній, а сознательное открытіе лучшаго и кратчайшаго изъ возможныхъ путей. Въ уразумѣніи требованій быта и среды вся тайна мудрости самыхъ прозорливыхъ государственныхъ дѣятелей. Принимая въ соображеніе бытъ своего народа, они подчиняются даже

не природѣ, а лишь результатамъ дѣятельности прошлыхъ поколѣній. Бытъ, въ сущности, ничто иное, какъ суммированная дѣятельность людей, какъ результатъ всего того, что, сознательно или нѣтъ, они оставляютъ послѣ себя, въ видѣ законовъ, обычаевъ, мнѣній, и что, въ общей сложности, для каждаго народа создаетъ его историческую почву.

X.

Г.г. Бельтовъ и Струве, а, съ ними заодно, и проф. Скворцовъ, конечно, не для того только написали свои книги, чтобы доставить себѣ удовольствіе передъ публикой выложить свои философско-историческіе взгляды. Всю свою тяжеловѣсную научную артиллерію они выдвинули для того лишь, чтобы примѣнить эти взгляды къ экономическому положенію Россіи и пробить толстую стѣну народническихъ предразсудковъ.

Г. Бельтовъ, задаваясь вопросомъ *), наступилъ ли часъ капитализма для Россіи, сердито полемизируетъ съ г. Михайловскимъ, доказывая ему, что Маркса онъ понялъ совершенно превратно.

Марксъ—утверждаетъ г. Бельтовъ—никогда не говорилъ, что выставленная имъ схема экономическаго развитія обязательна для каждаго народа. Онъ ограничился тѣмъ, что указалъ на Англію, какъ на примѣръ полнаго разцвѣта капитализма, — примѣръ, въ которомъ могутъ увидать

*) Бельтовъ. Ibid. стр. 251.

свое будущее всѣ народы, вступившіе на поприще капиталистическаго производства. Г. Михайловскій, и, заодно съ нимъ, всѣ народники открещиваются отъ такого будущаго для Россіи, уповая на великую силу и на самобытность русскаго духа. Разногласія эти имѣютъ, впрочемъ, чисто академическій характеръ, такъ какъ г. Бельтовъ все таки признаетъ [1]), что Россіи не миновать капитализма. Не потому, чтобы онъ былъ обязательной фазою въ исторіи всѣхъ народовъ, а вслѣдствіе того, что наше отечество имъ уже достаточно заразилось. На практикѣ, значитъ, выходитъ все тоже: отъ горькой чаши не отвернуться и надо ее поскорѣе выпить, какъ скверное лекарство, помня изреченіе Маркса, что не менѣе самого капитализма губительно его неполное развитіе.

Г. Струве выражается еще категоричнѣе. По его мнѣнію, схема развитія, ведущая отъ натуральнаго хозяйства черезъ торгово-капиталистическое къ далекому идеалу обобществленія, представляетъ собою естественный, законный процессъ, которому подвержены всѣ народы [2]). Марксъ, говоритъ г. Струве [3]), вполнѣ сознавалъ противорѣчіе между народнымъ богатствомъ и народнымъ благосостояніемъ, между прогрессомъ въ области производства и въ области распредѣленія. Но тамъ, гдѣ всякіе реакціонеры мечтаютъ о возвратѣ къ прежнимъ

[1]) Бельтовъ. Ibid. стр. 256.
[2]) Струве. Критич. замѣтки, стр. 79.
[3]) Ibid. стр. 129.

формамъ организаціи труда, Марксъ всѣ свои надежды возлагалъ на дальнѣйшее развитіе капиталистическаго строя.

Нельзя здѣсь не уличить г. Струве въ маленькомъ противорѣчіи.

Если при капитализмѣ прогрессъ въ производствѣ расходится съ прогрессомъ въ распредѣленіи и отъ этого разлада капитализмъ долженъ погибнуть, то нельзя уже утверждать, какъ дѣлаетъ это г. Струве на стр. 134, будто, въ глазахъ Маркса, распредѣленіе играло лишь второстепенную, зависимую роль.

Неправильное распредѣленіе—неправильное, конечно, съ точки зрѣнія соціалистовъ—и есть больное мѣсто современнаго строя. И вся книга о «Капиталѣ» написана лишь ради облегченія существующихъ экономическихъ золъ. Впрочемъ, это противорѣчіе всецѣло принадлежитъ самому Марксу, и вина г. Струве развѣ въ томъ, что онъ его не раскрылъ. Но такого мужества нельзя, очевидно, и требовать отъ покорнаго ученика по отношенію къ великому учителю.

Г. Скворцовъ идетъ еще далѣе. Онъ, повидимому, совсѣмъ уже забылъ мечтать о грядущемъ обобществленіи и восторгается прелестями капитализма, какъ таковыми. За это ему и досталось отъ г. В. В., грозящаго ему—страшно вымолвить—великимъ бѣдствіемъ разрыва съ соціализмомъ [1]).

---

[1]) В. В. Теоретич. очерки полит. экон. стр. 279.

Итакъ, всѣ три публициста, съ болѣе или менѣе легкимъ сердцемъ, намъ совѣтуютъ не противиться неизбѣжному злу и бодро итти на встрѣчу капитализму,—къ тому самому капитализму, котораго гг. народники чураются, какъ бѣсовскаго наважденія. Это очень походитъ на извѣстную народную поговорку: «идетъ бѣда,—растворяй ворота».

Но такая ли ужъ это, въ самомъ дѣлѣ, бѣда? И приходится ли утруждать себя раскрываніемъ воротъ?

Вначалѣ этой статьи я имѣлъ уже случай замѣтить, что когда одного и того же писателя его комментаторы толкуютъ совершенно различно, можно съ полной увѣренностью предположить, что въ разногласіи кроется недоразумѣніе, что одни и тѣже научные термины понимаются неодинаково. Весь споръ, какъ мы видѣли, сводится къ двумъ вопросамъ: должна-ли Россія неминуемо пройти черезъ фазу капитализма, и въ какой мѣрѣ надъ такою участью слѣдуетъ проливать безпомощныя слезы? Замѣчательно при томъ, что обѣ спорящія стороны прежде всего боятся въ чемъ либо разойтись съ великимъ Марксомъ. Гг. народники, утверждая, что Россія можетъ безъ капитализма обойтись прекрасно, силятся доказать, что это допускалъ и Марксъ. А г. Бельтовъ, желая оградить нѣмецкаго экономиста отъ возможнаго охлажденія къ нему русскихъ почитателей, прехитро выводитъ, что Марксъ признавалъ капитализмъ обязательнымъ для тѣхъ лишь странъ, гдѣ

имѣются на то достаточныя данныя. Выходитъ, такимъ образомъ, что, пожалуй, и можно было бы миновать бѣду, но теперь уже поздно, ибо мы—русскіе—не довольно рано спохватились, чтобы отстранить отъ себя грозное нашествіе этого соціальнаго бича. Можно, однако, смѣло признать эти разсужденія вполнѣ праздными, такъ какъ, при томъ смыслѣ, какой придаютъ капитализму всѣ русскіе послѣдователи Маркса, никакого сомнѣнія не можетъ быть въ неизбѣжности его наступленія для любого народа. Въ самомъ дѣлѣ, г. Бельтовъ и г. Михайловскій съ братіей постоянно отождествляютъ капитализмъ съ денежнымъ хозяйствомъ, то есть съ производствомъ для чужого потребленія.

Выдѣляется изъ ихъ среды одинъ г. Струве, для котораго существуютъ какъ-бы два капитализма: въ обширномъ смыслѣ, капитализмъ равносиленъ товарно-денежному производству, а въ тѣсномъ онъ выражается преобладаніемъ движимаго капитала и кредитнаго обращенія надъ всѣми отправленіями экономической жизни. Но такъ какъ, по мнѣнію г. Струве, капитализмъ номеръ второй вытекаетъ изъ капитализма номеръ первый,—различіе это не существенно. А между тѣмъ, какъ скоро возникаютъ между отдѣльными народами частыя сношенія, усиливается между ними и обмѣнъ ихъ продуктовъ. Затѣмъ, убѣдившись, что часть своихъ произведеній можно съ выгодою отпустить сосѣдямъ, каждая страна принимается работать усерднѣе и производитъ уже прямо для об-

мѣна. Наконецъ, торгующіе между собою народы приходятъ къ выводу, что лучше ограничиться извѣстными отраслями производства, такъ какъ не всѣ продукты одинаково хорошо удаются въ данной мѣстности. Возникаетъ спеціализація занятій, и, въ концѣ концовъ, обѣ стороны обогащаются, такъ какъ каждая изъ нихъ производитъ больше прежняго товаровъ, уступивъ сосѣду тѣ отрасли производства, для которыхъ дома не имѣется почему либо подходящихъ условій. Этотъ процессъ, въ которомъ сказывается переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, дѣйствительно неизбѣженъ для каждой страны, и для Россіи не только долженъ совершиться въ будущемъ, но начался давнымъ давно, начался уже въ то время, когда Новгородъ торговалъ мѣхами, кожею, хлѣбомъ и воскомъ. Для насъ можетъ итти рѣчь лишь о большей или меньшей интензивности этого процесса. А совершается онъ, въ самомъ дѣлѣ, все быстрѣе и быстрѣе, подъ воздѣйствіемъ парового транспорта, за послѣдніе тридцать лѣтъ увеличившаго нашъ вывозъ въ три слишкомъ раза. Заодно съ этимъ ростомъ обмѣна, и, притомъ, не съ одними только заграничными потребителями, но и внутри страны, совершается и усиленный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, а, стало-быть, и усиленное обращеніе денежныхъ знаковъ. Это тоже неизбѣжно, и наши марксисты западнаго толка какъ разъ потому дальновиднѣе гг. народниковъ, что они это понимаютъ, между тѣмъ какъ

народники все еще тѣшатся мыслью, будто можно вернуться къ золотому вѣку сомодѣльщины и пожалуй даже остановить движеніе по желѣзнымъ дорогамъ.

А между тѣмъ, всѣ эти сѣтованія, всѣ эти умственныя потуги совершенно напрасны.

Въ указанномъ процессѣ нѣтъ и тѣни капитализма, если только подъ этимъ словомъ мы понимаемъ нѣчто вредное и болѣзненное. Капитализмъ въ дурномъ смыслѣ — это давленіе капитала на всю промышленную жизнь, это злоупотребленіе властью денегъ.

Если продукты народнаго труда не всѣ потребляются дома, а, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, уходятъ заграницу, — такого капитализма нѣтъ. Если оживленіе обмѣна вызываетъ и усиленное обращеніе денежныхъ знаковъ и развитіе кредита, если при этомъ растутъ цѣны на квалифицированный трудъ и на землю, — его все еще нѣтъ. Нельзя признать его наступившимъ даже и въ томъ случаѣ, если размножатся фабрики, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности крупное производство замѣнитъ собою мелкое. Усиленный обмѣнъ и разросшееся производство, конечно, увеличитъ наличный капиталъ страны, — и въ постоянной его формѣ, въ видѣ построекъ, дорогъ, машинъ и въ формѣ текущей, непостоянной, то есть, въ видѣ обращающихся товаровъ и денежныхъ знаковъ. Но и здѣсь не наступила еще та соціальная болѣзнь, которую принято называть

словомъ капитализмъ. Здѣсь капиталъ все еще является лишь въ своей оживляющей, благотворной роли. Даже размноженіе акціонерныхъ предпріятій, даже ростъ промышленныхъ цѣнностей и биржевыхъ оборотовъ не знаменуетъ еще собою начала болѣзни. Гнетъ капитала, или, вѣрнѣе, гнетъ общественнаго класса, именуемаго капиталистами, ощущается тогда только, когда вся жизнь народа, его трудъ, его учрежденія, ходъ администраціи и суда получаютъ искаженное направленіе въ угоду интересамъ этого класса. Съ того момента лишь, когда законодательство страны, ея внѣшняя политика, ея экономическое устройство теряютъ изъ виду интересы народа, чтобы преслѣдовать узкія цѣли небольшой кучки аферистовъ, съ того момента, когда все можно купить и все становится предметомъ спекуляціи—и поземельная собственность крестьянъ, и пути сообщенія, и дѣятельность самого правительства,—только съ этого момента наступаетъ эра капитализма въ дурномъ смыслѣ. Конечно, симптомы нездоровья проявляются раньше этого, и въ ростѣ движимаго богатства не мало происходитъ уродливыхъ явленій. Но какая сторона общественной жизни отъ такихъ явленій свободна?

Гдѣ, при какихъ порядкахъ господствуетъ идеальная честность и вполнѣ отсутствуетъ эгоизмъ? Злоупотреблять можно рѣшительно всѣмъ, въ томъ числѣ и денежнымъ богатствомъ.

Никому вѣдь не приходило и не приходитъ въ

голову запрещать торговлю огнестрѣльнымъ оружіемъ потому, что изъ ружья или пистолета можно застрѣлить человѣка И не странно ли по меньшей мѣрѣ, что находятся экономисты, готовые обречь свое отечество на вѣчный застой оттого лишь, что ростъ движимаго капитала можетъ повлечь за собою опасную и развращающую власть этого капитала? Изворотливые мошенники всегда были и будутъ, какъ всегда и вездѣ бываютъ ограниченные люди, становящіеся ихъ жертвой. Но для огражденія послѣднихъ отъ бѣды нельзя пріостанавливать экономическую жизнь страны, тормозить ея торговлю, не давать ея производству выходить изъ младенчества. Уголовный законъ караетъ преступленіе, но онъ, въ то же время, признаетъ его какъ неизбѣжное зло и, во избѣжаніе правонарушеній, не налагаетъ опеки на свободу дѣйствій взрослыхъ и правоспособныхъ гражданъ. Та совокупность охранительныхъ мѣръ, за которыя стоятъ всѣ плакальщики о минувшей экономической невинности, всѣ адепты народнической старины, очень напоминаютъ мѣткую нѣмецкую поговорку: «Das Kind mit dem Bade ausschütten». Даже признавая свой народъ за ребенка, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что черезчуръ старательно оберегать этого ребенка отъ всякой опасности — это значитъ убить въ немъ всякую способность къ инициативѣ, а, стало быть, и къ развитію. Злоупотребленія денежнымъ богатствамъ очень тонкаго и неуловимаго свойства — это безспорно. И

уголовный законъ противъ нихъ большей частью, безсиленъ. Но что же дѣлать, коли для зрѣлаго возраста и для его болѣзней непригодны уже тѣ нехитрыя средства, которыми можно обходиться въ болѣзняхъ дѣтскихъ.

Творчество законодателя должно итти въ уровень съ новыми требованіями усложнившейся жизни. Странно было-бы заранѣе опускать руки и признавать себя безпомощнымъ передъ утонченнымъ зломъ, развившимся за одно съ обогащеніемъ страны, — безпомощнымъ до того, что единственнымъ возможнымъ средствомъ оказалось бы возвращеніе назадъ.

Для насъ, русскихъ, впрочемъ, задача упрощается. Всѣ страхи, безпокоящіе гг. народниковъ, для насъ пока дѣло будущаго. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, у насъ признаки того болѣзненнаго роста капитала, при которомъ онъ становится развращающимъ властелиномъ страны? Гдѣ у насъ замѣтно грозное обезземеленіе крестьянства, когда продажа надѣльныхъ земель, да еще въ такія же крестьянскія руки, едва достигла 2½% всей площади этой земли?

Развѣ тѣ 7½ мил. десятинъ, какія пріобрѣтены съ 1861 года крестьянами у лицъ другихъ сословій, не превышаютъ въ значительной степени размѣры проданныхъ надѣловъ? Развѣ можно серьезно жаловаться на сосредоточеніе нашего производства въ колоссальныхъ фабрикахъ, когда во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ Европейской Россіи, въ

томъ числѣ и мелкихъ, работаетъ менѣе 1 мил. душъ обоего пола? Если не разъ поднимались въ нашей печати сѣтованія на заносчивыя притязанія крупныхъ тузовъ фабричнаго района,—что значатъ эти притязанія въ сравненіи съ подавляющимъ могуществомъ биржи и промышленности въ странахъ Запада? Наша внутренняя финансовая политика, конечно, была не безошибочна. И самымъ убѣжденнымъ сторонникамъ покровительственныхъ тарифовъ приходится теперь зачастую смолкать передъ очевидностью краснорѣчія цифръ.

Кого не переубѣдила теперь хотя бы дознанная неспособность нашего желѣзнаго производства удовлетворять ежегодную потребность въ рельсахъ и чугунѣ, неспособность, по меньшей мѣрѣ, странная, въ виду раздававшихся прежде жалобъ г-дъ фабрикантовъ на отсутствіе сбыта? Кого не поражаетъ странный контрастъ между безпомощностью земледѣлія бороться съ низкими цѣнами на хлѣбъ и сытостью фабричной промышленности, оберегаемой тарифами отъ необходимости производить дешево? Сами гг. фабриканты начинаютъ, кажется, понимать, что однимъ удешевленіемъ товара они могутъ расширить себѣ внутренній рынокъ.

Но, повторяю, все это частныя и легко поправимыя ошибки. Отъ нихъ далеко, очень далеко до того подавляющаго вліянія денежнаго рынка, которое мы видимъ на Западѣ. Г. Николай—онъ, въ своихъ «Очеркахъ пореформеннаго хозяйства», силится увѣрить читающую публику, что весь ходъ

экономической политики за послѣдніе тридцать лѣтъ былъ лишь сплошнымъ угнетеніемъ трудового земледѣльческаго класса въ пользу горсти промышленниковъ, что крупное производство убило кустарное и ограбило крестьянское земледѣліе. Не будучи въ силахъ доказать, что у насъ происходитъ обезземеленіе крестьянства и капитализація земли, г. Николай —онъ прибѣгаетъ къ невинной уловкѣ, говоря, что капитализованъ у насъ пока не трудъ народа, а продуктъ этого труда—хлѣбъ, обращенный въ товаръ.

Но эти страшныя слова могутъ испугать развѣ гимназиста. „Капитализація продуктовъ труда" попросту означаетъ обращеніе крестьянскаго хлѣба въ предметъ обмѣна. Людямъ, полагающимъ, что въ этомъ заключается зло, можно предложить одно лишь—прикинуть въ умѣ, что бы произошло, если бы этого обмѣна не было, и на крестьянскій хлѣбъ не оказалось бы вовсе покупателей. Сорокъ мил. четвертей, оставшихся не проданными отъ урожая 1894 года, и давленіе, какое онѣ оказываютъ на цѣны, даютъ намъ возможность предъугадывать, какое бы у насъ произошло обогащеніе, если бы хлѣбъ не продавался вовсе.

Нѣтъ, если къ кому либо въ Европѣ можно примѣнить замѣчаніе Маркса о вредѣ недостаточнаго развитія капитализма, то именно къ намъ, русскимъ.

Что обрекаетъ трудъ русскаго рабочаго на такую односторонность и вызываетъ, какъ неизбѣж-

ный результатъ, слабость внутренняго обмѣна? Что оставляетъ втунѣ почвенныя богатства, дѣлая изъ нихъ лакомую добычу иностранныхъ капиталистовъ, безъ которыхъ мы, повидимому, обходиться не можемъ? Все тотъ же недостатокъ капитала, то есть капитала активнаго и находящагося въ умѣлыхъ и предпріимчивыхъ рукахъ. Ростъ сбереженій едва ли не слабѣе въ Россіи, чѣмъ въ какой либо иной изъ европейскихъ странъ. Стоитъ перешагнуть за нашу западную границу, и въ восточныхъ областяхъ Пруссіи и Австріи, мало отличающихся отъ смежныхъ съ ними русскихъ губерній по климату и почвѣ, съ первыхъ же шаговъ васъ поражаетъ рѣзкое отличіе въ экономическомъ бытѣ. А къ чему сводится это отличіе? Къ двумъ основнымъ признакамъ: къ обилію капиталовъ, вложенныхъ въ землю, въ видѣ построекъ, дорогъ, машинъ, сельскохозяйственныхъ улучшеній, и къ сравнительной многочисленности городского населенія. Въ недостаткѣ того и другого и заключается весь секретъ нашей бѣдности.

Тѣхъ изъ нашихъ экономистовъ, которыхъ такъ пугаетъ ростъ капитала, надо попросить вспомнить и еще одно. Капиталъ порабощаетъ себѣ, говорятъ они, сельское населеніе путемъ кредита и тѣмъ самымъ принуждаетъ его работать на себя. Ну, а каково у насъ, при отсутствіи капитала, положеніе земледѣльческаго класса? Развѣ оно не кредитуется вовсе, или кредитуется дешевле, чѣмъ на Западѣ? Развѣ въ нашей деревнѣ ростовщичество неиз-

вѣстно? И не отбираетъ оно у мужика не только продукты его труда, но и его домашній скотъ, даже его хату?

Но если жалокъ и нелѣпъ мужикъ безъ прогресса, съ которымъ такъ носятся гг. народники, немногимъ лучше и прогрессъ безъ мужика, увлекающій воображеніе марксистовъ западнаго толка.

Единственное ихъ преимущество передъ своими оппонентами въ томъ, что они вѣрно оцѣниваютъ значеніе денежнаго хозяйства, какъ прогрессивной стадіи, при томъ же неизбѣжной со времени открытія парового транспорта. Но затѣмъ въ самое понятіе о капитализмѣ они вносятъ такую же путаницу, какъ и гг. народники. Привѣтствуя его наступленіе, они, конечно, вѣрнѣе послѣднихъ отдаютъ себѣ отчетъ въ живительности его плодотворной силы. Но бѣда въ томъ, что, за одно съ безспорной пользой, они съ черезчуръ легкимъ сердцемъ готовы примириться съ болѣзненными явленіями капиталистической эры.

Здѣсь они, подобно народникамъ, не въ силахъ отличить пшеницы отъ плевелъ и принимаютъ экономическую болѣзнь за явленіе нормальнаго роста. Вотъ почему они и даютъ нашему отечеству по истинѣ странный совѣтъ поскорѣе заразиться ядомъ спекуляціи, чтобы затѣмъ какъ можно раньше выйти на широкій путь соціалистическаго обновленія.

Впрочемъ, надо признать, что изъ трехъ публицистовъ, о которыхъ здѣсь было говорено, одинъ

г. Бельтовъ явно высказываетъ свои надежды на будущее обобществленіе. Для г. Струве эта желанная пора уходитъ въ непроглядную даль будущаго и, повидимому, онъ не особенно торопитъ ея наступленіе. Г. Скворцовъ, наконецъ, совсѣмъ, кажется, пересталъ думать о грядущемъ перерожденіи.

Какъ бы то ни было, всѣ эти господа съ удивительной черствостью, за одно съ благами усиленнаго обмѣна, сулятъ намъ такія непригладныя перспективы, какъ обезземеленіе значительной части крестьянства и бездушное господство промышленныхъ интересовъ надъ соціальными. Они забываютъ, кажется, что обогащеніе народа важно не само по себѣ, не ради промышленныхъ выставокъ, этихъ инспекторскихъ смотровъ современнаго производства, а для того, чтобы народу, когда онъ богатѣетъ, жилось лучше и свободнѣе. Когда г. Струве говоритъ, что Марксъ вѣрно понималъ различіе между экономическимъ прогрессомъ и соціальнымъ, онъ, въ свою очередь, слишкомъ ужъ вѣрно слѣдуетъ за терминологіей учителя и готовъ благосостояніе своего народа принести въ жертву на языческомъ алтарѣ промышленнаго богатства. А происходитъ это оттого лишь, что г. Струве, какъ и г. Бельтовъ, съ такою милою развязностью игнорируетъ «личность».

Экономическій матеріализмъ съ своими безжалостными выводами оказалъ имъ плохую услугу.

Намъ, впрочемъ, незачѣмъ опасаться этихъ пророчествъ, какъ незачѣмъ слушаться этихъ совѣтовъ. Каждый народъ вырабатываетъ свою жизнь самостоятельно. И если на крайнемъ западѣ ростъ движимаго богатства уже давитъ собою на всѣ отправленія общества, въ этомъ явленіи ничего неизбѣжнаго, фаталистическаго — нѣтъ. Русское крестьянство, слава Богу, представляетъ довольно устойчивую и солидную массу, чтобы поглотить его было не совсѣмъ удобно. Если изъ своихъ надѣльныхъ земель оно и не съумѣло до сихъ поръ извлечь достаточную пользу, то эти земли, все-таки, остаются до сихъ поръ нетронутыми и, слѣдуетъ надѣяться, останутся на вѣки. Если теперешнее положеніе его жалко, будущее, все-таки, за нимъ. И, во всякомъ случаѣ, какъ разъ теперь, въ эпоху хлѣбнаго кризиса, у него большое преимущество передъ крупнымъ землевладѣніемъ. Обходясь безъ наемныхъ батраковъ и свою работу не цѣня ни во что, крестьянинъ можетъ производить дешевле любого крупнаго собственника и, стало быть, съ нимъ конкурировать.

Скажу болѣе,—въ Россіи, при условіяхъ русскаго труда, будущее едва-ли не принадлежитъ мелкой собственности. Для ея успѣха, надо только, чтобы она пріучалась къ мелкой интензивной культурѣ. И въ этомъ направленіи уже видны коегдѣ зачатки — въ Смоленской, Ярославской, Вологодской губерніяхъ.

Точно такъ же едва ли суждено погибнуть у насъ и мелкой промышленности. Непритязательность

русскаго кустаря, какъ и русскаго земледѣльца, конечно, плохой стимулъ къ обогащенію, но за то — это драгоцѣнное орудіе въ борьбѣ за существованіе. Благодаря этой непритязательности, благодаря готовности примириться съ низкимъ барышомъ, кустарный продуктъ можетъ у насъ конкурировать съ фабричнымъ. Да и упускаютъ гг. народники изъ виду одно обстоятельство — неодинаковость условій различныхъ отраслей промышленности. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ для всѣхъ видовъ бумажнаго, шерстяного, шелковаго, желѣзнаго производства, работать одному немыслимо и требуется сосредоточеніе многочисленныхъ рукъ. Но есть производства, которыя, не только у насъ, но и въ цѣломъ мірѣ, вовсе не требуютъ такого сосредоточенія, и потому могутъ съ успѣхомъ обходиться членами семьи и сравнительно дешевыми механическими приспособленіями. Таковы деревянныя издѣлія, сапожное, портяжное, слесарное и т. д. ремесла.

Страшна имъ не конкуренція фабрики, а зависимость отъ прасола - скупщика. И здѣсь-то государство можетъ притти къ нимъ на помощь своимъ дешевымъ кредитомъ.

Подведемъ итогъ сказанному. Пора торговаго обмѣна, денежнаго хозяйства и интензивной земледѣльческой культуры наступила для Россіи, это правда. И чѣмъ живѣе будетъ обмѣнъ, чѣмъ разнообразнѣе и спеціализованнѣе производство, тѣмъ лучше. Избытокъ сельскихъ рабочихъ долженъ изъ деревни уйти — не въ видахъ обезземеленія мужика,

какъ плохого производителя, а ради того, чтобы трудъ нашего рабочаго населенія сталъ разнообразнѣе и продуктивнѣе. И, вмѣсто того, чтобы уходить все дальше въ степь и все больше расширять область зернового производства, — для обогащенія нашего отечества слѣдуетъ желать, чтобы этотъ избытокъ рабочихъ обращался къ промышленнымъ занятіямъ. Къ этой цѣли должны быть направлены старанія правительства и земства и, въ помощь имъ, инціатива частныхъ лицъ.

Но оборони насъ Богъ, въ интересахъ бездушнаго производства, забывать о нуждахъ живыхъ людей и, слѣпо подражая Западу, помогать обезземеленію мужика и отдачѣ его въ кабалу мелкимъ и крупнымъ кулакамъ.

9 Октября 1895 г.

Стоитъ гора высокая, а
підъ горою гай-гай, зелене-
кій густосенькій ниначе съ
правды рай; Підъ гаем вьетъ
річинька, ~~ниначе~~ якъ шкло
вода блеститъ. Долиною
широкою Богъ знаетъ куда
спешитъ. Край берега
у зетиши привязаны
челны стоятъ, а три верб-
бы схилились и журятся
оне. Ой річинька голубин-
якъ фишинки тихе про-
били дни счастливые
и сладости мои. До
тебе моя речинька еще
вернется весна ...